ЧЫРВОНЫ ШЛЯХ

№ 9–10.

Вторник, 31 декабря 1918 г.

ПЕТРОГРАД.

Цена №
2 руб.
на стан. ж. д. и в пров. 2 р. 30 к.

Адрес редакции и конторы: **Петроград, Театральная, 1–3.**

Журнал посвящен политической, общественной и литературной жизни белоруссов.
Выходит не менее 2-х раз в месяц.

СОДЕРЖАНИЕ: **Ив. Баранкевич.** Грядущее.—**Праздолюб.** Новый жандарм Европы и Белоруссии. — **Быховец.** Страдная пора для Белоруссии настала.—**Я. Смолянин.** Революция в Германии и судьба нашего края.—**Аль-Вэ.** Польская шляхта добилась своего.—**Ив. Баранкевич.** Требуем честного отношения. — **Клим Злобич.** Национальный вопрос и Интернационализм.—**П. Ю. Яновский.** Текущий момент и задачи социальной науки.—**Д. Соболевский.** Белоруссы и Белоруссия.—**А. Сержпутовский.** Белорусская народность и религия. — **А. Сержпутовский.** К вопросу о белорусской орфографии. — **Шарпат.** Новый этнографический музей.—**Лесовик.** Наконец-то освободились.—**С. Ольшевский.** «Белорусская справа» в старой оккупации. —**Лохматый.** Недавнее. **Чужак** —В оккупационной кунсткамере.—**И. Б.** Тоже «социалистическая» партия. —**П. Л.** Белорусские с.-р.—**Белорус.** Что происходит в черте первой оккупации.—**Хроника.—М. П—й.** Деятельность Белорусского Национального Комиссариата за период Февраль—Ноябрь 1918 года.—**Белорусс.** В Петроградской Белорусской Секции Коммунистов-большевиков. **Воззвания и Резолюции. Разные сообщения. Критико-библиографический отдел.—Ив. Б—ич.** А. Т. Вазилло. Речь, произнесенная на 1-м Всебелорусском С'езде.—**Ив. Б—ич.** Уголок немецкой оккупации.—**Фельетон:—Юзик Цюпа.** Белорусу (стихотворение).—**Наум Смага.** З Т. Г. Шевченко (стихотворения).—**Наум Смага.** Картинки Белоруссии. —**П. Яновский.** Из дневника ученого.—**Александр Вазилло.** На праздник (рассказ). **ИЗВЕЩЕНИЯ.**

Отдел общественной и политической жизни.

ГРЯДУЩЕЕ.

Волею судеб Белоруссия в продолжение чуть ли не целого года была распята германским империализмом и молча переносила крестное страдание.

После трех лет дикой и жестокой человеческой бойни, ареной которой были огромные пространства нашего края, юнкерская Германия, став победителем революционно-ослабленной и хозяйственно-разрушенной России, получила в виде своеобразной «аннексии» истерзанную Белоруссию и превратила ее в сплошную Голгофу.

Освобожденный революцией от многовекового рабства народ опять заковали в цепи; труд и достояние белорусского пахаря стал предметом хищнического разграбления немцев.

В стане ликующих «победителей» очутились все совы и филины, волки и шакалы слепой и зверски ожесточенной реакции, слетевшиеся и сбежавшиеся под защиту германских штыков со всех концов революционной России. Бесстыдно перешла в лагерь пришельцев и палачей Белоруссии местная, в свое время либерально настроенная буржуазия, когда-то кричавшая о необходимости «разгромить немецкий милитаризм». В лице этих врагов и предателей трудящихся классов оккупационная германская власть в подлом деле угнетения и насилий, чинимых над народом, нашла себе верных и весьма способных союзников.

И здесь же, у подножия Голгофы, перед страдальческим ликом распятого народа, на торжище гнусных истязателей-палачей, путем заискивания и подхалимства, шайка политических авантюристов, именовавшая себя «Белорусской Радой», подложно пользуясь именем народа, создавала «незалежную Белоруссию» и посылала Вильгельму II «верноподданические» телеграммы...

Советская Россия укрепляла свою революционную мощь. Заарканенная немцами Белоруссия задыхалась в мертвой петле.

Обессиленная и обескровленная трудовая Россия в целях спасения Великой Пролетарской Революции заключила Брестский договор и тем самым отдала на растерзание врагов трудовые массы Белоруссии.

В темную бурную ночь, когда на дворе царили дождь, вихрь и голодные звери, Россия закрыла перед исстрадавшимся белорусским пахарем дверь своей хижины и сказала ему: «тебе нет сейчас места у моего очага; побудь эту ночь за меня во тьме, среди волков». И когда в хижине горел огонь и было тепло, сквозь рев бури слышно было, как на дворе стонал оставленный мученик-белорус, как возились звери, как хрустели на острых зубах человеческие кости.

Какой это был ужас! Какая это была трагедия!

Среди некоторой части белорусской революционной интеллигенции существует убеждение, что Правительство Совета Народных Комиссаров, заключив Брестский мир, по отношению к трудовым массам Белоруссии поступило политически нечестно. Интеллигенция, находящаяся под влиянием эсеровской идеологии, в подобных обвинениях Советской власти и правительственной партии — большевиков — идет еще дальше, впадая частенько в дурной тон инсинуации и клеветы.

Это — ошибка, которую нужно всем осознать.

В те страшные и жуткие дни, когда немецкая военная лава, нигде не встречая препятствия, покатилась на беззащитную и ослабленную в революционном водовороте Россию, когда хищная пасть германского империализма открылась во всю ширь своих острых зубов, — перед Советской властью стояла роковая дилемма: или сделать решительную ставку и об'явть Германии революционную войну или же заключить позорный мир. В первом случае, гибели и удушению предавались пролетариат и крестьянство всей России. Одновременно гибели предавалось и все дело Революции. Впереди вырисовывался призрак реакции. Во втором случае оставалась во всей революционной цельности Советская Россия, но зато оставались под пятой германского империализма пролетариат и крестьянство Белоруссии, Литвы, Латвии и других окраин. А впереди намечалась ясно осознаваемая возможность мировой революции,—полное освобождение всех национальностей, порабощенных империализмом.

При таком положении вещей стать библейским Соломоном не представляло большого труда. Нужна была лишь здоровая логика. Эту логику, конечно, имело Советское Правительство, и Брестский договор был подписан.

На долю Белоруссии выпала историческая миссия выпить за всю Революционную Россию искупляющую чашу страданий. Другого выхода не было.

И Белоруссия выпила эту чашу...

Но вот совершилось, наконец, то, чего с таким нетерпением ожидала вся революционная Советская Россия.

В Германии произошла революция.

Пала тирания Вильгельма и Людендорфо-Гинденбургов. Власть перешла в руки коалиционного социалистического министерства. Однако, у этого «социалистического» министерства, к великому сожалению, не оказалось социалистической порядочности: оккупация Белоруссии не была снята.

Советское Правительство об'явило Брестский договор аннулированным и, в целях очищения оккупированной части Белоруссии от немецких войск, прибегло к революционному воздействию. Красная армия сделала наступление. Немецкие части, оказывая кой-где слабое сопротивление, начали поспешно оставлять Белоруссию. В течение трех недель наши революционные войска заняли Бобруйск, Борисов и Минск.

Еще три-четыре недели,—и вся Белоруссия будет освобождена.

Свершится! Расчлененная насилием земля народа-страдальца воссоединится во всей ее национальной целокупности...

Какие судьбы ожидают Белоруссию в будущем?

Грядущее нашей истерзанной батьковщины грозно и чревато возможными бедами.

Германский империализм бешеным валом покатился было на Революционную Россию, но затем остановился на Белоруссии, подобно спруту высосал из народа все материальные соки и, окончательно изжив себя на исторической арене, опустился вниз и, потянув за собой ил и муть, умер слабым отливом.

Это первый цикл в процессе катастрофической гибели мирового империализма.

За первым валом на Советскую Россию катится второй, более чудовищный и более сильный. Мы слышим уже его далекий и грозный рев.

Этот второй вал, вторая лавина—америко-англо-французский империализм.

Столкновение между Революционной Россией и этой уже движущейся на нее силой произойдет на территориях рубежных окраин, и ясно, что Белоруссии опять придется быть частью арены новой человеческой бойни.

В море перед бурей всегда появляются альбатросы-буревестники. Схожие «буревестники» появились и в нашем крае. Их здесь три породы: польская шляхта, банды политических шантажистов, под фирмой «Белорусская Рада» и мелкий контр-революционный сброд, возглавляемый бывшим царским офицерством. Польские легионы захватили Брест-Литовскую крепость и часть Гродненской губернии. «Рада» переехала в Вильно и организует «белорусскую» национальную гвардию. Контр-революционный мусор при помощи агентов Деникина об'единяется в белогвардейские отряды. Словом, закипела работа.

Сравнивать всю эту черносотенную нечисть с альбатросами как-то оскорбительно для последних. Скорее это стая голодных собак, чутких до всякой мертвечины и падали...

Как должна встретить Белоруссия момент борьбы, между этими двумя, отрицающими друг друга, полюсами, — Революцией и Империализмом?

Для нас, революционеров-белоруссов, на данный вопрос должен быть лишь один ответ: **в этой борьбе Белоруссия не должна являться пассивной стороной, как это было в период революционной борьбы с немецким империализмом; наша революционная батьковщина в предстоящей, быть может, решительной битве за социалистический идеал должна стать активным бойцом.**

А пока этот момент не пришел, мы будем воссоздавать Федеративную Советскую Белоруссию.

Это великое историческое дело будем творить не путем диктатуры отдельных партий, а единением всех революционных сил и организаций Белоруссии, незыблемо стоящих на платформе Советской власти.

Все за работу, кому воистину дорого светлое будущее трудовых масс нашего обездоленного края!...

Ив. Баранкевич.

НОВЫЙ ЖАНДАРМ ЕВРОПЫ И БЕЛОРУССИИ.

После венского конгресса Россия стала жандармом Европы. Целое столетие бывшая Российская империя, в лице своего царизма, в старом свете играла роль душительницы народной свободы больших и малых народов, старых и молодых государств. Под всякими благими намерениями российское самодержавие вмешивалось во внутреннюю жизнь соседних государств и всякими способами в них наводило порядок в духе «легитимизма». Но судьба истории капризна и изменчива.

Пользуясь своим насильственным правом блюстителя вымышленного правопорядка в Европе, Россия, прежде всего, установила всем известную полицейщину у себя. Собирая под скипетр монархов целые области с отдельными племенами, она опутывает их сетью всякого рода несправедливостей. Целые племена и народности обезличивались Российской государственностью и были повержены к ногам бюрократической деспотии. Финляндия, Кавказ, Латвия, Литва, Белоруссия, Украина, часть Польши,—все они волею российского правопорядка находились во власти жандарма и никоим образом не смели нарушить общего хода европейского искусственного политического равновесия. Опека была сильная. Мысль и воля народные были придавлены каблуком жандармского сапога. Особенно тяжело было в России, так называемым, недержавным нациям. Дикая централизация своей системой административного областничества больно била слабые исторические окраины и больней всех доставалось Западной Области—Белоруссии. Больше всего жандармское право России сказывалось на белорусском народе. Культурно-отсталый, он слишком покорно выполнял все капризы изуверского царизма, а этот последний, в свою очередь, слишком использовал всепокорный дух белорусса.

Русское самодержавие, прежде всего, белоруссов не считало за народ. В его глазах это было панское быдло, с которого можно только драть последнюю кожу. Никаких культурных начинаний в Белоруссии не допускали. Белорусская темнота считалась верным средством всякой безопасности по отношению к трону.

Такова была опека первого жандарма Европы относительно Белорусского края.

Но вот свершилось то, что должно было свершиться. Жандарм Европы потерял революцией свою корону. Все большие и малые народы вышли из-под его деспотического владычества. Освободилась из-под жандармской опеки и Белоруссия. Восторжествовало в России право каждого народа. Всякая окраина-область получила возможность некоторой самостоятельности, по крайней мере, в экономически-хозяйственной жизни. И, несмотря на еще не унявшийся ураган революции, народы России потянулись к свету, прогрессу и культуре. И над измученной веками Белоруссией показалось

солнце Свободы. Белорусский народ почуял впереди свое счастье, свое раскрепощение от рабства, свое право на культурное строительство.

За два года, и то еще неполных, Белоруссия сравнительно много сделала для своего возрождения. Простолюдин стал понимать свое племенное положение; интеллигент начал постигать истину национального единства, общность национальных народных интересов. Во всем белорусском народе родилось сознание, что он не «панское быдло», а народ, который имеет право и возможность вместе с необходимостью строить свое счастье.

Это большое завоевание для задавленного веками народа. Это—первый и главный признак, что народ не умер, что у него есть еще дух, который не изжил себя исторически.

Но на заре белорусского возрождения над Белоруссией опять повисли новые тучи. Освободившись из-под ненавистной, убивавшей дух российской жандармской опеки, Белоруссия, вместе со всеми народами Европы, опять стоит на пороге несчастья,—опять ей грозит жандарм, новый жандарм Европы, заатлантическая страна желтого дьявола—Америка, в лице своего ненасытного империализма. На Белоруссию пробуждающуюся опять собираются набросить аркан. Весь мир сейчас бьется в агонии. Вся Европа сейчас корчится в судоргах, изживая старые государственные правопорядки. Мировая война империалистического начала почти закончена. Все народы стоят накануне ликвидации преступной кровавой вакханалии. Почти все государства всего земного шара готовятся к мировому конгрессу. Старая Европа идет на суд новой истории, где должны будут решиться судьбы многих народов. Прежде всего будет всенародно развенчан старый жандарм Европы, получивший свое право на Венском конгрессе. Новый конгресс напишет новую страницу мировой истории. А история повторяется. Освобождающееся место жандарма Европы, а тепеь, может быть, и Азии, собирается занять новый кандидат. Силою штыка и неумолимой логики побед Антанта недвусмысленно поговаривает о своем праве на этот позорный пост жандарма. Ей, как видно по всему, сильно хочется стать насадительницей «исторической справедливости» во всем мире и прежде всего на востоке Европы. Ослепленная счастьем войны она (Антанта), еще не дождавшись своего коронования, уже узурпаторски частями выполняет жандармские обязанности.

Растерзав Германию, она (Антанта) диким зверем терзает свою жертву и готовится, и уже действует в отношении насаждения «порядка» во владениях своего предшественника, бывшего жандарма Европы—России.

Скоро должен собраться мировой конгресс. Цель его—«ликвидировав как можно скорей и полней великую войну XX века, установить на земле новый порядок, по которому все народы должны получить право на мирный труд». По крайней мере, так еще чуть ли не в начале войны говорил президент С.-А. Соед. Шт.—Вильсон. И на этом конгрессе должны будут собраться все народы, именно народы, а не их вековые угнетатели. Королям и монархам там не будет места. По уверению того же Вильсона, конгресс мировой должен быть представлен демократией всех больших и малых народов. Но в последнее время победитель заговорил другим языком и иными действиями. Если судить по ходу событий, конгресс стал уже делом не спешным. Первые глашатаи его о нем, как видно, начинают забывать. Каждый день о конгрессе говорят все новое и новое. Для Антанты мировой конгресс уже не так, повидимому, и важен. Не дождавшись его, или вернее, отодвигая его подальше, она спешит насытить свою империалистическую утробу. Дико и безжалостно перекраивается мечем карта Европы. Аннексии и контрибуции затуманили мозг победителя. Фактически уже существует новый жандарм Европы. Тон, которым сейчас говорит Америка со всем миром, именно напоминает тон жандарма, да еще и зазнавшегося. Все для него, и ему должны быть все послушны. Россия своим государственным строем не нравится Вильсону, и он заявляет: «До тех пор не соберу конгресса, пока не усмирю Россию». И далее: «Россия должна быть представлена на мировом конгрессе только своим «центральным правительством» и отнюдь не большевиками».

Кого же имеет в виду Вильсон? Кого он считает «центральным правительством» Российской республики? Если Краснова, то это только Дон. Деникина с Милюковым? Но ведь их российская демократия не признает.

«Сначала усмирю, а потом соберу». Какие зловещие слова!

«Нет в мире правды, есть в мире ложь», — приходится после этого вспомнить слова поэта. Оказывается, как бы красиво не говорили о мире справедливом всего мира непрошенные радетели России, все равно русскому народу, а вместе с ним и родственным ему племенам, не приходится ждать от других нового счастья, новой лучшей жизни. Все равно победитель, так или иначе, выявит свою мстительную природу. О каких бы «спасательных» конгрессах ни говорили, народ, всякий народ только своей силой может отстоять свое право на свободную жизнь. До тех пор, пока штык находится в руках капитализма, подлинный народ, святой демос, не должен расчитывать на правду других.

Последние дни нашей жизни показали это. Весь мир должен понять, что предстоящий конгресс мало чем может отличаться от Венского конгресса, который был сотню лет тому назад. Сберутся на него представители империалистических держав и во имя «новой государственности» перекроят карту Европы, выработают «новое» международное право, и опять будет гулять по лицу земли одно кровавое право—право штыка и насилия.

Представители народа, за плечами которого во время конгресса будет стоять сильное войско, скажут сильное слово Малым народам и сказать не дадут.

Так писались, пишутся и еще будут писаться долго истории отдельных народов.

И горе тем народам, которые в такие времена, во время исключительных моментов мировой истории, окажутся совсем позабытыми. Они опять на целые столетия попадут в кабалу несправедливости чужих историй, и о них, как говорится, «ни сказок не расскажут, ни песен не споют». А горе придет к ним и будет втихомолку писать проклятую, злую недолю.

Белоруссия—несчастный народ!

То заявление Америки, которое гласит, что Россия на мировом конгрессе должна быть представлена каким-то центральным «не большевистским» правительством, лишает белорусский народ права быть представленным на грядущем конгрессе. Это значит, что на мировом конгрессе Белоруссия будет продаваться заочно. И не нужно много гадать в таком случае о судьбе белорусского двенадцатимиллионного племени,—если на самом деле мировая конференция уподобится Венскому конгрессу, — песня Белоруссии будет спета теми, кто давно на нее скалит зубы...

Избавившись от старого жандарма, Белорусский край попадет во власть нового, еще злейшего. Первый хоть сколько-нибудь был сродни, а новый — «заморский» — и этого животного чувства к белорусскому народу питать не может.

Да и далеко-то новый жандарм будет сам стоять от Белоруссии. Ему самому везде не управиться будет. Он свои обязанности-права выгодно сумеет перепродать своим полицейским, соседям Белорусской земли. И тогда для белорусского народа настанут черные дни, чернее, как были и раньше. Тот пробуждающийся дух, который сейчас с каждым днем пока все развивается, будет задушен злою рукою. Те культурные национальные начинания, что сейчас закладываются самим белорусским народом, будут стерты опять несправедливостью чужих историй, и белорусс, как безликая масса, опять станет «панским быдлом». Опять белорусское племя на целые века превратится в средство обогащения чужих культур и в цель дикой эксплоатации. Если при старом жандарме Европы Белоруссия порою могла обращаться за помощью в горькие дни к своему родному брату великоруссу, то при новом и этой последней возможности не будет.

Новый жандарм Европы белорусскому народу страшен! Белоруссия боится новой

полицейской опеки; она хочет свободной жизни, она кровью купила свободу. Многовековые страдания дают право белорусскому народу без посторонней заботы строить свою мирную жизнь. И в эту кровавую войну Белоруссия пролила много крови, потеряла много лучших сынов. Эта война, которая должна кончиться мировым зловещим конгрессом, разорила Белорусский край. Ее поля—сплошное кладбище; ее дороги усеяны трупами белоруссов-беженцев. Кровь белоруссов взывает к народам всего мира и не молит, а требует к себе человеческого внимания, если не молитвенного преклонения. Нынешние властители мировой политики должны понять горе Белоруссии; они обязаны пред мировой справедливостью дать место среди других народов белорусскому племени. Белоруссия не молит, а требует права на представительство в мировом конгрессе. Пусть и ее голос страдания будет услышан на этом международном торжище, на этом долгожданном обещании всем народам, — обещании, данном теми, кто сейчас преступно увертывается от него. Пусть будет развенчана Россия, как жандарм Европы, но российские народы не могут быть наказаны за преступления своих бывших палачей. Россия, как свободный союз своих народностей, должна вновь стать равноправным членом всех великих народов мира.

И пусть знает новый жандарм Европы, что горе всех народов захлебнет его преступное счастье. Мир устал в борьбе, но у народов мира просыпается новая сила, которая не потерпит насилия над миллионами людей...

Белоруссия сейчас обращается ко всем народам, к таким же измученным войной, как и сама, и только их просит о защите от нового посягательства на свободу белорусского народа. И верит белорусский народ, что голос его будет услышан бельгийским, черногорским, сербским, болгарским, германским, австрийским, итальянским, французским, английским, турецким, американским и др. народами.

Пусть грозно сейчас бушует самозванный новый жандарм Европы; пусть злобно он покрикивает на непослушных ему великанов, но он должен знать, что вся полнота власти и сила принадлежат теперь всему народу мира, а не отдельным государствам. Мировой конгресс, как бы ни был он представлен ото всех народов, он все равно должен будет прислушаться к голосу человека, рвущего оковы мировой несправедливости.

Пусть этот мировой конгресс и не в состоянии будет принести человечеству полного счастья, но он вынужден исторической неизбежностью стать на защиту прав всех народов, больших и малых.

И кто бы после него ни остался коронованным жандармом, все равно пробудившийся от тяжелого векового сна белорусский народ больше не уснет.

Страшные дни!

Белорусс, бодрствуй!

Правдолюб.

СТРАДНАЯ ПОРА ДЛЯ БЕЛОРУССИИ НАСТАЛА.

Брестский мир, под напором германской революции, рухнул. Раздробленная на части Россия сбросила с себя петлю «архипохабного мира». Немецкие войска постепенно очищают оккупированные области Российской Республики. Искусственный «правопорядок», восстановленный германским штыком на окраинах России, сам по себе с отходом бывших победителей разбивается о волю угнетенных народов. В украинской народной крови захлебывается преступный гетман Скоропадский. Красная Латвия, прогнав вместе с немцами своих баронов, строит новую национальную государственность, — объявила Советскую Республику. Польша потянулась от «королевства» к республиканскому строю. Финляндия перестала вслух тосковать о монархии. Кавказ и Сибирь мечутся в неопределенности. И наша мученица Белоруссия очутилась в новом положении.

Настала новая пора для всех народов в России, а для Белоруссии именно настала страдная пора.

В общем океане новых мировых событий сейчас бушует вихрь национальных потрясений. То что всколыхнуто войной и особенно великой русской революцией, сейчас с наивысшим напряжением клокочет в отдельных народах и народностях. Никакие ужасы завтрашнего дня не могут остановить страстей национальной бури. Всё исторически не умершее спешит вне-

---

Фельетон.

БЕЛОРУСУ.

Ой, ты, Беларусе, бедны небарачэ,
Цяжка твая доля—доля торш жэбрачай!
А ні у цябе хаты, а ні у цябе хлеба.
Пахау бацькоу ты пад пауночным небам.
Леуш-бы ты ніколі і не знау, не бачыу
Гэткай прыкрай долі, долі небарачай.
Ні таей надзеі, ні таго сьвітаньня,—
Усё збрыло да чыста, згібла усе заваньня.
Гfolькі смерць пануе у родным тваім краю,—
Звычай, мова, песьні, усё як ёсьць зьмірае.
Марна гінуць месты, вёскі і сялібы...
Гэй, мой родны браце, ці-ж не варт ты хіба,
Каб к тэбе зварнулась зноу прыхіласьць лёсу?
Ці-ж ніхто ня чуе, як завуць, галосюць
Аб тваей пакуці мерцьвяковы цені,
Кроу братоу нешчасных, небо ды камеіньне?!

Юзік Цюпа.

З Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Тaполя.

Па дуброве вецер вые,
Гуляе па полю,
Прі дарозе гне тaполю
Да самаго долу.
Стан высокі, ліст шырокі—
На што зеленее?
Кругом поле, як бы морэ,
Шыроко сінее.
Ідзе чумак, падзівіцца
Тай галоўку схіліць;
Дуда у торбе з сапілкаю—
Судзе на магіле,
Падзівіца—серцэ ные:
Кругом ні былінкі!
Адна, адна, бы сіротка
На чужыне гіне!

Доля.

Доля мая, доля!
Што ты не такая,
Як доля чужая?
Ці сілы не маю,
Ці сілы не маю,
Ці да цебе дароженькі
Праз поле не знаю?
Ці да цебе свае дары
Я не пасылаю?
Есь у мене дары —
Вочы мае кары;
Маладую маю сілу
Багачы купілі...
Можэ й дзеучыну без мене
З іншым абдружылі.
Навучы-ж мене, доля,
Гдзе добрая воля.

Смерць.

Па над полем ідзе,
Не покосы кладзе,
Не покосы — горы:
Вые вецер, стогне морэ,
Стогне да гудзе.

Касца серод начы
Сустракаюць сычы;
Тне касец, не спачывае;
Ні на кого не уважае,—
Хаць і не прасі.

Не крычы й не прасі,
Не клепае касы
Ці то горад, ці то поле,
Як брытваю, стары голіць
Усе, што дасі.

Мужыка й шынкара,
Сірату кабзара;

регонки друг перед другом закрепить свое право в мировой истории.

Падает Скоропадский, — выплывает на арену украинской новой жизни Петлюра, и так везде и всюду. Так же обстоит дело и в Белоруссии. Рушилась Скирмуниада, но Белоруссия своей столицей (Минском) рождает новое министерство. Не сходит с поля общих событий белорусское самоопределение. Нельзя утушить того, что раз возгорелось в пробудившемся племени. Меняются Рады, перелицовываются в белорусские секретариаты, но белорусское движение остается национальным движением.

Как и раньше, белорусский вопрос настоятельно требует от самого народа и его соседей ответа: «Быть или не быть Белоруссии?»

Особенно теперь, в последние дни нашего времени, Белоруссия требует к себе должного внимания. Если до сих пор о Белоруссии только говорили и кое-что грязными способами от нее урывали, то теперь, с переменою общего политического курса, нельзя от Белоруссии отделаться одними разговорами. Она, как и все имеющее право на существование, стоит посреди человеческого моря и зовет к себе своих родных детей: «Спешите ко мне и спасайте себя».

Голос Белоруссии сейчас уже стал не «гласом вопиющего в пустыне», а голосом народа, который должен и может искать наравне со всеми народами нового выхода из создавшегося страшного международного положения,—нового и «вечно старого» выхода из национальной неразберихи перепутанных чужих историй — самоопределения.

И если немецкое владычество до сих пор не давало возможности белорусскому народу искать выхода общими силами, то теперь настал этот необходимый момент,—Белоруссия почти уже вся свободна от чужестранной опеки. Белорусский народ не сегодня-завтра может соединить свой фронт. А такой единый фронт нужен всем.

Возрождающиеся соседи на новых началах—Польша, Украина и Литва—создают свои новые фронты, собирают воедино свои силы. Белоруссия должна торопиться. К великому несчастью для белорусского народа, у него нет своих смелых полководцев; у него нет опытных бойцов, которые сейчас так необходимы. Но у Белоруссии, как уже все знают, есть много народной силы, много духовной мощи славянина. Правда, эти силы и мощь еще не выкристаллизированы в национальную форму, — еще не весь белорусский народ осознал себя, но и этому начало положено давно.

И теперь, когда настала пора страдной работы для Белоруссии, должны из еще неоформившейся народной белорусской массы появиться скрытые силы национального «я». Время этого требует, и народ для своей судьбы должен их дать.

То, что делается сейчас в Белорусской столице, слишком недостаточно, а может быть и вредно. Все эти новые однородные социалистические белорусские министерства, потуги на формирования национальных белорусских полков и другие начинания, ровно ничего не означают в сравнении с тем, что сейчас предстоит для Белоруссии.

Прежде всего, Белоруссия стоит пред необходимостью воссоединиться. Белоруссия должна собрать свой измученный оккупацией народ воедино, должна дать ему возможность опять стать единым во всех условиях новой жизни.

То, что почти за год немецкой оккупации произошло в разных местах разоренной Белоруссии, сейчас должно быть перестроено. Политическую и экономическую жизнь всего белорусского народа надо, как можно скорее, подчинить единому, как говорят, правопорядку. Это тем более необходимо для Белорусского края, потому что он и до того времени местами был разобщен и находился в разнородном состоянии, подчиняясь двойственному влиянию—Западному и Восточному. А в настоящее время, когда в сгущенной атмосфере событий всякое влияние может сказываться по своему, Белоруссия должна иметь одно свое собственное влияние.

Если первый Всебелорусский с'езд сумел всколыхнуть спавшую белорусскую народную душу и направить ее по одному пути самоопределения, то сейчас, больше чем тогда, необходим второй такой же с'езд. На нем, и только на нем, Белорус-

---

*) Разделяя основной взгляд автора о национальном устроении Белоруссии, Редакция тем не менее считает необходимым высказать сомнение в возможности

Прыспеувае стары, косіць,
Кладзе гарами пакосы,—
Не мілуе й цара.

І мене не міне,
На чужыне сатне —
За рашоткаю задавіць.
І крыжа ніхто не паставіць
І не памьяне!

***

Ой адна я, адна,
Як былінька у полі,
Та не дау жэ мне Бог
А ні шчасця, ні долі.
Толькі дау жэ мне Бог
Красу, карыя вочы. —
Дак і тыя заблёклі
За мой век дзевочы.
А ні братачка я,
Ни сестрычки не знала;
Між чужымі зрасла;
Да ужэ й вьянуці стала...
Гдзе-ж дружина мая,
Гдзе вы, добрые людзі?!
Іх нема, я сама,
А дружыны —.й не будзе!..

***

Ад села да села
Танцы та музыкі:
Курку, яйца прадала —
Маю чаравікі.
Ад села да села
Буду я кручкамі,
Ні каровы, ні вала
От якая маці!
Я атдам, я прадам
Хатачку старую,
Я куплю, я зраблю
Новую другую;
Таргаваць, шынкаваць
Буду я кручкамі,
Танцаваць, та гуляць
Такі з малайцамі.
Ох вы, дзетачкі мае,
Мае галубьятка,
Гляньце, пазірайце,
Як танцуе матка.
Сама у наймы пайду,
Дзетак людзям отдам,
А чырвоным чаравічкам
Такі дам, такі дам!

Перелажыу **Наум Смага.**

КАРТИНКИ БЕЛОРУССИИ.

Цікавы.

От маеш карту да гэты мешочак, Занесі іх онь у той двор і атдай пану, — сказал один охотник своему парабчуку, хлопцу этак лет семнадцати.

Хлопчук взвалил мешок на плечы, всунул письмо в пазуху и пошел в соседний двор, который находился не далеко за рощей. Идет парень и обнюхивает, не может понять, чтоб это было такое, что так хорошо пахнет. Осмотрелся парень кругом, — ничего особенного нет. Кругом чистое поле. По одной стороне дороги цветущая рожь, по которой от ветра бегут легкие волны. По другой стороне зеленеют яровые хлеба. Полевая дорога поросла ромашкой, одуванчиком и другими цветами. Вблизи виднеется черный пар, усеянный кучами навоза.

— Мабыць гэто гной так добрэ пахне,— подумал любопытный парень, тихо подвигаясь вперед. Вот он дошел до перекрестка, где стоял старый, накренившийся деревянный крест, с небольшим покрытием, из-под которого виднелась жестяная иконка св. Николая Чудотворца, покровителя полей. Парень уселся на камне отдохнуть и снял с плеч мешок. При этом письмо выпало из пазухи и упало на пушистый ковер травы. Парень хотел поднять письмо, наклонился, и тут только заметил, что такой хороший запах исходит от мешка. Непреодолимо хочется парню посмотреть, что там такое в мешке. Уже хотел он развязать мешок, но, взглянув на крест и на икону, испугался святыни,

сия, представленная каждым своим уголком непосредственно, может отыскать опять свою потерянную дорогу. На втором Всенародном своем с'езде Белоруссия общими силами, взвесив все обстоятельства, скажет миру, что ей нужно: надо ли Белоруссии последовать примеру Латвии или сделать что-нибудь иное. Никто другой, кроме самого сермяжного белорусского народа, не может и не имеет права говорить о судьбе целого края. И напрасно представители польского народа забегают наперед и громогласно в печати заявляют, что Белоруссия не знает себя. Да, она не знает себя, как нужно знать, но что должна знать, об этом и речи быть не может. Именно это «надо» и делает сейчас работу белорусского самоопределения страдной порой.

Одновременно с тем, как «интернационалисты» польского народа доказывают отсутствие национального сознания в белорусском народе, — польские легионы занимают Брест-Литовскую крепость и недвусмысленно поглядывают вглубь Белоруссии. Это делается сейчас, и белорусский народ должен показать свое национальное сознание, чтоб после не оказаться в рабстве «настоящего польского сознания».

Не секрет сейчас, что поляки многотысячными легионами стоят у Белоруссии и к чему-то лихорадочно готовятся.

Горе только, что разрозненный белорусский народ не знает всех планов своих соседей. Но те, кому дорога батьковщина, обязаны долгом перед ней сказать народу всю горькую правду завтрашнего дня,— польская шляхта готовится походом на Белоруссию.

И если сейчас новое «Социалистическое Правительство» Белоруссии спешно думает формировать свои полки, — этого мало и даже смешно. Надо прежде всего всему белорусскому народу раз'яснить,— для чего нужны полки. И тогда, когда народ узнает истину вещей, он каждой деревней и каждым селом составит миллионную армию, которая не убоится многотысячных легионов и постоит за свою будущую судьбу.

Говорилось выше, — у Белоруссии нет полководцев. Да, их нет, но у белорусского народа есть свои сыны, которые любят свой народ. А раз так, то из них найдутся хорошие рядовые, которые могут стать сильными полководцами народной воли.

Время течет, — события меняются с каждым днем. Трудно отгадать, что будет завтра. Известно одно, — надо спешить спасать положение. На такой путь вступили все соседи Белоруссии и в спешном порядке спасают сами свое положение.

Дикие мысли, — что «приедет барин и рассудит», — должны сейчас отойти на задний план. Кто чувствует себя белоруссом, должен сейчас, забыв свое личное «принципиальное» самолюбие, пойти в белорусский народ и будить его к самосознанию.

На Белоруссии не должно быть сейчас ни одного человека, который, зная ужасы завтрашнего дня, не работал бы для спасения народа.

Настала пора работать белоруссам. Скромная, но честная демократическая белорусская интеллигенция есть; вот оната и должна сейчас потрудиться для своего народа.

Белоруссия спешно должна готовиться ко второму с'езду.

Белорусский народ должен выявить единство своего национального сознания. Каждым глухим уголком Белорусский край сейчас должен говорить, что Белоруссия—цельный народ,—что Белоруссия—неделимая страна.

Быховец.

созыва второго Всебелорусского С'езда. На местах есть Советы, как местные органы революционно-государственной власти, а поэтому возможен лишь Всебелорусский С'езд Советов. Каждый революционный период выдвигает свои средства и методы революционно-национального строительства.

РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ И СУДЬБА НАШЕГО КРАЯ *).

В ходе мировой войны территория Белоруссии дважды подверглась расчленению.

Первая демаркационная линия старой оккупации отрезала от остального

*) Помещая настоящую статью, автор которой является одним из лидеров партии Социал-Демократии Белоруссии и Литвы, Редакция считает своим долгом заявить, что основная идея автора и его партии о необходимости и возмож-

---

схватил мешок и письмо и быстро, почти бегом направился дальше. Впопыхах он даже забыл вложить в пазуху письмо и открыто нес его в руках.

Скоро хлопчук вошел в рощу.

Тут у него сразу явилась смелость. Вот он свернул с дороги в густой лес, уселся на колоде, положил рядом письмо и развязал мешок. Его глазам представилось соблазнительное зрелище: в мешке лежали румяные душистые жареные рябчики, тщательно завернутые в бумагу. Парень принялся считать их и насчитал пятнадцать штук. При взгляде на рябчиков, от которых исходил такой соблазнительный душистый запах, у парня что-то сжало виски, и побежали слюньки, как это бывает, когда мы посмотрим на клюкву или кислые яблоки. Не устоял парень пред соблазном, оторвал кусочек рябчика и попробовал, каков он на вкус. Тут у него такой разгорелся аппетит, что уже не было возможности не есть такой вкусной дичи.

— Тут нихто не убачыць, — думает парень. — І святые... мелькнуло у него в голове. — Не, светые там там на полі; атсюль не бачно... И принялся парень уплетать рябчиков. Целых пять штук с'ел.

Насытился наш лакомка, тщательно завязал мешок и пошел дальше. Скоро он пришел к пану и передал посылку и письмо. Пан прочитал письмо, посчитал в мешке рябчиков и спрашивает парня:

— А гдзе-ж ешчэ пьяць штук?

— Тут усе, паночку.

— Лжешь, ты з'еу!

— Далібô? не. Каб я так свет аглядаh.

. . Брэшэшь, карта кажэ, што было петнатцаць, але ты пьяць з'еу.

Что ни делал пан, парень все твердит свое, что не трогал дичи.

— Може быць амылка, — думает пан, и отпустил парня домой.

— Отож, на его усе лихо! Чуць не пацяглі на стайню, —думает парень. — А усе тэта нарабіла карта: еna лежала па калодзэ да й бочыла, як я еу.

Спустя некоторое время вторично посылают того парня с письмом и посылкой к тому же пану. На этот раз парень забрался в густой лес, тщательно покрыл письмо камнями и ветками и опять с'ел несколько штук дичи.

— Ты знау з'еу арабкóу! — крічіт пан на хлопца, когда тот передал письмо и посылку. Но парень опять отрицает свою вину.

— Брэшэш, паршывец, калі карта ясно кажэ.

— Як жэ ена бачыла, паночак, калі я ее схавау пад камене?! признался парень и просит пана, чтобы тот дал ему письмо. Пан в недоумении дал парню письмо. Парень схватил письмо, приложил его к уху и долго прислушивался.

— Не, пане, гэстая карта нічого не гаворыць...

Як і там, так і тут.

> Не зберэш с поля, калі ліхая доля. Як танцуе, та й у лапцях танцуе.
>
> *Из белорусских прословий.*

Жил один человек, по имени Макарь. Как и другие, он занимался хозяйством, но ни в чем ему не было удачи. Обзаведется скотом, то его или волки с'едят, или сам собою погибнет. Посеет хлеб рано, — его морозы побьют, посеет поздно, — засуха сожжет. В довершение всех несчастий умерла у Макаря жена. А какое хозяйство без хозяйки, когда некому и печку протопить! Бился Макарь, как рыба об лед, что ни делал, а вынужден был бросить хозяйство и итти в работники.

края части Гродненщины, Минщины и Виленщины со столицей края—Вильной. Новая оккупация захватила Могилевщину и Витебщину, оставив в руках Российской Республики почти одни лишь белорусские «кресы», официально именуемые «западной областью».

Завоеватели-немцы расположились в оккупированной области так, точно они собирались оставаться там сотни лет.

Лицемерно признанное г.г. Кюльманами право наций на самоопределение быстро оказалось одним пустословием. От имени народа говорили предательские рады, сфабрикованные национал-демократами и социал-шовинистами, вкупе и влюбе с немецким командованием восточной армии. Трудовые массы не имели легальной возможности самоопределиться, да фактически, при создавшемся расчленении Белоруссии, и не могли создать такого органа, который был бы правомочен говорить за весь трудовой народ.

Теперь, с торжеством революции в Германии, положение резко меняется к лучшему. Правильно понятые интересы германского народа диктуют ему в настоящий момент проявить самый дружественный нейтралитет в отношении населения оккупированных областей, стремящегося к осуществлению своих законнейших прав на свободное самостоятельное решение своей собственной судьбы.

Следует обратить внимание на то характерное обстоятельство, что союзники, поставившие в условиях перемирия весьма краткий срок (14 дней) для увода Германией своих войск из Франции, Бельгии и Эльзас-Лотарингии, не назначили вовсе срока для требуемого ими очищения оккупированных восточных областей. Ясно, что союзные империалисты желают сохранить нынешний оккупационный режим в Белоруссии, Литве, Латвии и т. п. до тех пор, пока эти «провинции» не будут заняты приближающимися войсками Согласия.

Тем важнее для дела закрепления революционных достижений в Германии переменить как можно скорее режим военной диктатуры оккупационных властей на свободный строй народовластия, обеспечивающий в полном об'еме право наций на самоопределение. Ибо необходимо, с одной стороны, отнять у союзников инициативу освобождения областей, завоеванных штыками прусских юнкеров, и таким путем убить в корне появившуюся «вильсоновскую ориентацию». А, с другой стороны, революционной Германии во всех отношениях полезнее иметь в оккупированных ныне краях революционный же тыл организованных трудящихся масс, нежели регентства, рады и тарибы из ставленников союзного империализма.

Можно, поэтому, с уверенностью сказать, — учитывая высокую степень сознательности немецких трудовых масс,— что организация революционных сил в местах оккупации встретит, до увода войск, не противодействие, а, наоборот, сочувствие и поддержку со стороны нового правительства Германии. И для трудового населения оккупированных областей является задачей первостепенной важности использовать быстро и широко создавшийся благоприятный момент, чтобы оградить себя от новой трагедии, чтобы не попасть из огня прусской оккупации да в полымя союзного захвата. В частности, для нашего края жизненно необходимо к моменту увода немецких войск иметь свою собственную власть, опирающуюся на безусловное доверие всего трудового народа и твердую в защите права мелких народностей на самостоятельное развитие по своей воле, а не по указке непрошенных опекунов. Такую власть может в ближайший момент выделить только **с'езд Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов всего Белорусско-Литовского края.**

Против этого положения обычно выдвигаются двоякого рода возражения со стороны таких лиц, которые в принципе разделяют наш взгляд на преимущества советской формы государственого властвования.

Одни недоуменно вопрошают: почему **Белорусско-Литовский** край? зачем это соединение? не лучше ли самоопределяться отдельно Белоруссии и отдельно Литве?

Другие находят, вообще, излишним краевой с'езд. Уже, ведь, функционируют органы советского управления в неоккупированной части Белоруссии; можно будет

ности полного слияния Белоруссии и Литвы в одну государственно-национальную единицу, безусловно глубоко ошибочна и противоречит историческому основанию национального устроения, как Белоруссии так и Литвы.

Поступил горемыка к зажиточному хозяину, и приставили его вращать жернова.

Мелет Макарь хлеб: мелет день, мелет другой, и все прислушивается, что ему говорят жернова.

Гудят камни и что-то говорят.

Слушает Макарь и не может понять, хотя замечает, что камни говорят все одно и то же.

Приналег Макарь, начал быстро вращать жернова и напряженно прислушиваться к их таинственному говору. И чем внимательнее он прислушивался, тем яснее начал различать, что жернова повторяют подряд:

«Там лепш, там лепш.»

Догадался Макарь, что где то там далеко лучше живется, чем здесь. И стал Макарь собираться в дальний путь, искать того места, где лучше.

— Чаго табе цягнуцца у свет, — говорит хозяин, — жыві у нас.

— Не, пайду, — там лепш, — отвечает Макарь.

— Эй, голубе! там лепш, гдзе нас нема-ш.

Не послушался Макарь хозяина и пошел в дальнюю сторону искать счастия. Долго шел он, много лишений испытал в пути, пробивался кое-как и все шел дальше и дальше, утешая себя надеждой, что там лучше. Прошел он много селений и везде расспрашивал и сам присматривался, как там живут люди. И замечает Макарь, что везде есть богатые и бедные, счастливые и несчастливые люди. Долго так ходил он по свету, надоела ему скитальческая жизнь, и поступил он опять в работники. Как и там, приставили его молоть хлеб. Вращает Макарь жернова и опять прислушивается, что они говорят. А на этот раз жернова отчетливо повторяют все одно и то же:

«Як і там, так и тут, як і там, так і тут...»

Музыка.

— Ну, какой это музыка! — воскликнул мой возница, когда мы остановились возле одной белорусской корчмы, вблизи которой под купой старых, кудрявых лип играл на скрипке какой-то «доморощенный» музыкант.

Ему помогал парень лет 17-ти, усердно отбивая в такт на самодельном барабане.

Скрипка то хрипела, то резко взвизгивала, заглушаемая отрывистыми звуками барабана и поощрительными восклицаниями присутствующих мужиков и баб.

Парни и девки кружились по-парно, подпрыгивая одновременно обоими ногами, словно воробьи.

Пыль столбом поднималась из-под ног танцующих и толстым слоем осаждалась на одежде и на потных лицах.

— Вот у нас был музыка, так то музыка, — продолжал словоохотливый мой возница, подбрасывая лошадям клок сена. — Может быть и вы знали его. Не знали? Ну, то, наверное, хоть слышали от людей про Ивана Цымбалиста. Жил он тут недалече, хозяйством не занимался, а только играл на скрипке. Его отец и дед были музыки. Отец играл на дуде, а дед на цымбалах, оттого и прозвали его Цымбалистом. Ивана Цымбалиста знали по всей округе. Бывало, без него не обходилась ни одна богатая свадьба, ни одно игрище. Ивана приглашали к себе играть попы и паны. Хорошо играл Цымбалист. Раз я как-то ездил с нашим шинкаром в Мозырь и слыхал там, как на еврейской свадьбе играли целых семь жидков. Нечего говорить, хорошо играли, но далеко им до Ивана. Бывало, он возьмет свою кролевецкую скрипку, да как потянет смычком, так она и говорит, и плачет, и смеется. Помню, раз пришел Иван в наше село, и собралось много мужиков, баб и детей послушать музыку. И вздумалось Ивану пошутить над слушателями.

расширить советскую власть и далее путем включения в «западную область» остальной части Белоруссии, а там и Литвы, и Латвии и т. д. Чего проще?—Разве—аргументируют сторонники этого «простого» решения—интересы белорусского или литовского пролетариата не те же самые, что и пролетариата России? Зачем же специальные с'езды отдельных краев? А некоторые—очень молодые теоретики из кадра «сочувствующих»—еще доктральным тоном поучают: «Мы, коммунисты, не должны признавать никаких границ; все трудящиеся—братья; Белоруссия, Литва—белогвардейская чепуха»...

Так ли это, однако, товарищи? Следует ли, действительно, отделять Белоруссию от Литвы? Возможно ли, наконец, решать судьбу народностей Белорусско-Литовского края «простым» путем расширения административной сферы влияния «Западной области»?

Эти вопросы давно потеряли академический характер, а в настоящий момент приобретают особенно жгучий практический интерес. Дело касается не мертвых географических точек, вроде потухших вулканов, а живых народно-общественных организмов, где клокочут, перемешиваясь, национальные и классовые страсти. Подходить тут с упрощенной схемой и азбучными поучениями, значит явно недооценить серьезности положения и не учесть впечатления и результатов, какие могут вызвать на местах подобного рода «подходы».

Между тем, от того или иного решения вопроса зависит, если не участь, то по меньшей мере темп революционной борьбы против тариб и рад за Социалистическую Республику.

Необходимо, поэтому отнестись к белорусско-литовскому вопросу со всем вниманием, какого он заслуживает, глубже анализировать создавшееся положение, чтобы найти тот единственно верный ответ, который, устраняя всякую тень национального насилия, очистил бы поле для широкой беспримесной классовой борьбы, ведущей к победе трудящихся масс.

Известно, что Белоруссия и Литва исстари имели общую столицу—Вильну.

Общественные науки свидетельствуют, что столичные города создаются не случайно, не по воле властителей, а в силу об'ективных условий социально-экономического порядка. Столицей становится тот город, который в силу благоприятных данных делается средоточием хозяйственной и соответственно этому политической и культурной жизни всей страны. Экономическая роль столицы состоит в том, что она является центром, куда стекаются, как к сердцу, и откуда, по артериям путей сообщения, распределяются по всему народно-хозяйственному организму продукты мирового обмена.

Ясно, что общая столица с несомненностью свидетельствует и об общности, «суцельнасьці» экономической структуры. И действительно, Белоруссия и Литва всегда составляли единый хозяйственный комплекс.

Правда, за последние десятилетия в экономике этого двуединого края стали обнаруживаться центробежные тенденции: одна область начала больше тяготеть к Востоку, другая—к Западу. Экономически это выявилось в усиленном росте и развитии соперника Вильны—Минска, который все более приобретал значение столичного города для Белоруссии.

Военная оккупация, отделявшая в течение двух с половиной лет западную часть края от восточной, дала еще больший перевес Минску над Вильной. В то время, как область старой оккупации, вместе со столицей, разорялась вконец хищнической политикой прусских властей, область, лежащая к востоку от сморгонского фронта, экономически процветала. Различие политической обстановки между старой оккупацией и «западной областью» Российской Республики, в свою очередь, создало известную отчужденность между обоими центрами белорусско-литовского края.

Во всяком случае, однако, у Вильны и Минска наблюдается не большее противоречие хозяйственных интересов, нежели у Петрограда и Москвы, остающихся без всякого спора в пределах одного государственного целого.

Таким образом, для отделения Белоруссии от Литвы нет достаточных экономических оснований. Другие же соображения—национально-политические и культурно-этнографические—определенно говорят за единство и неделимость белорусско-литовского края.

Вот и начал он играть, да так жалостливо, так печально, что вот, кажется, сам рыдает и других заставляет рыдать. Завыли бабы, словно над покойником, плачут да только рукавами да передниками вытирают слезы. А мужики потупились, губы развесили и стоят, точно столбняк на них нашел. Все стоят, слушают, а тут вся их горькая жизнь представляется им, как на ладони. Играет Иван, и сбежалось к нему все село. Поднялся такой вой, такой плач, какие бывают лишь тогда, как провожают рекрутов. Ревут бабы, а Цымбалист между тем незаметно перешел на бычка, да как защебечет, как зальется, так вот ноги сами и ходят и приплясывают. Не успели бабы опомниться, как мужики заворотили свои кожухи да свиты и пустились выделывать ногами всевозможные штуки. В один миг все смешалось: и плач баб, и топот ног, и смех парней и девок, и вой собак. Поднялось настоящее пекло. Взглянул я на Цымбалиста и своим глазам не верю: водит он смычком по скрипке, а на ней нет ни одной струны — все порвались. Так вот какой это был музыка.

Наум Смага.

ИЗ ДНЕВНИКА УЧЕНОГО.

I.

Два полных месяца! Два месяца минуло,
Как я не открывал вас книжные шкафы,
Как к старым записям меня уж не тянуло
И в них не приписал я ни одной строфы.
Два полных месяца! И вот когда волнений
Под пеплом гаснут уж последние огни,
Мне не постичь—как жил без прежних наслаждений,
Как мог я проводить без них часы и дни!
И чем сменил я вас—друзей своих недавно?
На зовы прежние нашел я отзвук—в чем?
— Чудовищно, но — так:—в ребенке своенравном
С прической пышною и с миниатюрным лбом.
Ты, милый кабинет,—как часто голос звонкий
Нескромно нарушал твою немую тишь!
Ты, старая тетрадь,—как часто почерк тонкий
Шутя чертил меж строк, которые хранишь!
Ты, запах от страниц старинных фолиантов,
Тебя сменил духов щекочущий букет!
Как часто даже ты,—солидный томик Канта
Подставкою служил для фруктов и конфект!
И по твоей решетке, в ярких бликах света,
Порхала ножка вдруг, ты, старый друг, камин!
И в ручках трепетных бокал на блеск паркета
Струил прозрачный сок ликеров или вин.
Но вот порвалась цепь угарных наслаждений.
Она ушла. В тот день я плакал от тоски.
Но, полно! Я—здоров, и власть былых видений
Безсильна захватить меня в свои тиски!
Уж я почувствовал огонь былых стремлений!
Тоскую я еще, но легче мне дышать!
Я понял наконец—среди любых пленений,
Неволи женских чар труднее не сыскать.
В ней блекнет мысль творца не дав еще расцвета;
В ней самый гордый дух снижает свой полет!

В самом деле: как определить, где кончается Литва и начинается Белоруссия? Очевидно, критерием не может служить ни старое, времен царизма, подразделение «северо-западного края» на литовские (Виленская, Ковенская, Гродненская) и белорусские (Минская, Могилевская, Витебская) губернии, ни случайная линия нарево-сморгонского фронта первой оккупации. Остается наиболее справедливый признак—этнографический. Но тут мы наталкиваемся на такой запутанный узел, который развязать могут только сближение и об'единение, а никак не разделение и обособление, трудовых народов нашего разноплеменного края.

Характерный пример—Вильна. По национальному составу большинства населения это—город польско-еврейский; белоруссы составляют там около 8%, литовцы—менее 3%. Последние, несмотря на свою малочисленность, с удивительным единодушием (от крайних правых до соц.-демократов) настаивают на включении в состав этнографической Литвы исторической столицы «Великого Княжества Литовского». Белоруссы, естественно, протестуют против «аннексии» Вильны литовцами, ссылаясь на то, что по всей Виленщине чуть не квалифицированное большинство принадлежит белорусской народности. Поляки, составляющие почти половину населения Вильны, мечтают о присоединении ее к Польше. Евреи также пред'являют особые права на «литовский Иерусалим».

Как же быть? Куда «приписать» Вильну: к Литве, Белоруссии, Польше или... Палестине?

Единственный выход, на наш взгляд, это оставить его в пределах **единой** Белорусско-Литовской Республики с ограждением прав национальных меньшинств и предоставлением всем народностям, населяющим край, самой широкой автономии в вопросах национальной культуры. Это—вернейший способ ослабить вековую рознь между краевыми нациями, отравляющую сознание многих тружеников и препятствующую всестороннему развитию классовой борбы.

Переходим к вопросу о границах, вообще, и о форме национального самоопределения в пределах белорусско-литовского края.

Раньше всего ответим тем «теоретикам», для которых «все равно»: «Литва ли, Русь, ли,—что вино, что гусли?... Всем, конечно, известно, что территориальные разграничения—исторически преходящее явление, покоющееся, в конечном счете, на праве частной собственности. От феодального партикуляризма через централизованное буржуазное государство к мировой социалистической республике—таков ход эволюции территориализма. Ясно, что с победой международного социализма падут все преграды между различными народами. Однако, не менее ясно, что до тех пор, пока крупные государства сохраняют определенные границы (а это—пока еще всеобщее явление), стирание границ для областей **мелких** народностей есть **ничто иное, как аннексия.** Аннексия же, безразлично от ее цели—будь то хищническая эксплоатация или освобождение сверху—неизбежно вызывает у аннексируемых ощущение внешнего насилия. А такое ощущение, как показал бесчисленный исторический опыт, приводит к спайке разнородных социальных элементов, создает искусственно «национальное единство» и затемняет классовое самосознание трудящихся масс. Таким образом, теория «безграничности» для «западных областей»—этих бывших «окраин» самодержавной России—представляется далеко не социалистическою, и практическое ее применение может дать самые нежелательные результаты.

Что же касается формы самоопределения трудящихся, то она достаточно ясно определена в советской конституции, согласно которой **области, отличающиеся особым бытом и национальным составом, входят, как автономные политические единицы,** в Российскую Федерацию свободных наций. И тов. Радек делал из этого положения последовательный вывод, когда заверял председателя ковенского немецкого Совдепа, Фишера, что «Советская Россия не намерена захватывать, ни Польши, ни Литвы, ни Прибалтики,—**пусть рабочие и беднота этих стран сами устраивают свою жизнь».** Стало быть, неправы те русские товарищи, которые мыслят свою задачу в Сувалкской, Виленской, Минской губерниях совершенно тождественною с той, какую они выполняют в Костромской или Ярославской губерниях. Нет, активное содействие революционной России трудовому

В ней стынет чистый жар, чем грудь борца согрета;
В ней пошлости змея в сознание ползет!
Довольно! Чувствую—растут и крепнут крылья,
Позорной слабостью их вновь не оскорблю!
— В высь, к звездам—мой полет, и все мои усилья!
Тебя лишь, книга—друг, отныне я люблю!
Не тронут здесь тебя кощунственные руки,
Как ни были-б они малы и хороши!
Клянусь—ничьи шаги и трелей смеха звуки
Здесь не нарушат вновь торжественной тиши!
Клянусь я, что огонь минутных вожделений
Не сможет вновь сковать в груди свободный дух,—
Что только над тобой, к соблазнам слеп и глух,
Я буду прозревать для высших наслаждений!

II.

По стенам комнаты спускался мрак украдкой.
Портьеры и ковры глушили всякий звук.
На книгах, сложенных в обычном беспорядке,
От лампы на столе ложился светлый круг.
Прилежный взор следил размеренные строки,
И мысль, таинственно заложенная в них,
Шепча мне со страниц недвижных и немых
Стремила пылкий ум в сверкающем потоке!
Минутами, когда я поднимал свой взгляд,
Пред ним, мне чудилось, вдруг раздвигались стены,
И дух, освобожден от тягостного плена
Пространства, времени,—блуждал в них без преград.

. . . .

Мой тихий кабинет тонул во мгле вечерней.
Откинув занавес тяжелый от окна,
Я слушал рев глухой бесчинствовавшей черни,
Смотрел, как зарева краснеет полена.
Я знал, что там, внизу, безумство роковое,
Зараза страшная свирепствует в умах.
И в душу проникал мне безотчетный страх:
Призывный стон больных мне чудился в том вое!
И голос внутренний шептал: «Скорее к ним!
Ты просвещен! Сумей залить огонь волнений,
Преступных удержи от новых преступлений
Безумных просвети и помоги больным!»
Шептал и звал меня отважиться, решиться.
... Я сделал шаг вперед, и в этот самый миг
Случайный взор упал на желтые страницы
Моих рукописей и переплеты книг.
И яркой мысли луч вдруг озарил сознанье.
Строк начатых слова читал не видя взгляд.
Вдруг всплыли контуры намеченных заданий,
И зарождавшихся гипотез стройный ряд.
И понял я тогда, что выше нет служенья,
Нет выше подвига, чем гордый подвиг тех,
Кто, к свету истины направив все стремленья,
Забыл, что значит скорбь, забыл, что значит смех!

народу белорусско-литовского края должно ограничиться пропагандой и подготовкой восстания. Решающее же слово в деле устроения краевой жизни принадлежит всецело местным, **краевым** рабочим и бедноте. Ссылка на общность интересов пролетариата тут совершенно неуместна. Классовые интересы и у германских рабочих те же, что у русских; однако, никому в голову не придет решать судьбу Германии на Всероссийском С'езде Советов. И какое бы возмущение ни вызывали к себе правительственные социал-демократы, никто, кажется, не проектирует отправить в Берлин чрезвычайную комиссию для приведения шейдемановцев к общему знаменателю. Как видим, чувство симпатии и солидарности не мешает предоставить самоопределение немецкой нации самому германскому народу. Так же точно должно поступить и в отношении нашего края. Общим лозунгом должно быть: **создание Советов** там, где их не было (в старой оккупации), **восстановление Советов** там, где они разрушены (в новой оккупации) и как венец здания—**обще-краевой С'езд Советов** Рабочих и Крестьянских Депутатов Белорусско-Литовского Края.

Я. Смолянин.

ПОЛЬСКАЯ ШЛЯХТА ДОБИЛАСЬ СВОЕГО.

Приспособляемость — могучее свойство всякого организма. Время и место требуют от каждого живого существа проявления этого свойства. И тот, кто приспособляется к месту и времени, обеспечивает себе не только возможность существования, но и часто свою судьбу увенчивает лаврами победы над окружающими явлениями. Гибкостью своей натуры такие организмы нередко добиваются права на величие и гегемонию среди других организмов. Видимым примером такого явления может служить возрождающаяся Польша. Целыми десятками лет, благодаря несчастному сцеплению обстоятельств своей истории, она, балансируя в пространстве судьбы многих народов, все время старалась, елико возможно, приспособиться и к месту, и ко времени. Под самодержавным гнетом русских царей, под властью Австрии и Германии Польша все же сумела своей приспособляемой живучестью сохранить свое национальное единство и найти должное место в мировой истории.

Разодранная несправедливым мечем на части, поверженная во прах к ногам завистливых победителей, — она жила надеждой на свое «воскрешение», она искала постепенно свою собственную дорогу. Искала и... нашла...

Счастье истории всех народов повернуло в другую сторону. Насильственный институт государств не выдержал гнета мировой несправедливости и рухнул под напором всенародного взрыва. Сейчас идет восстановление поруганных прав отдельных национальностей. И те нации и национальности, которые сохранили в себе «могучее свойство приспособляемости», ныне единством своего сознания вновь приступили к строительству своей, как говорится, целокупной судьбы. Сообразно месту и времени такие организмы истории быстро проявили свое государственное чутье и сразу оценили происходящие события. Не теряя ни минуты времени, они во всю ширь развернули свои силы и направили их на путь собирания своей национальной мощи. И, можно смело сказать, такой путь избрала историческая Польша.

Бывшее великое королевство Польши теперь вновь «образуется».

И каждый новый день несет все новые и новые перспективы для возрождающегося польского государства. Особенно с головокружительной быстротой, словно в калейдоскопе, замелькали события польской жизни в последнее время. Чуть ли не ежедневно до нас доходят сведения, что Польша ширится—то в бывших пределах России, то на территории (довоенной) Австрии, то Германии. И пока, нужно сказать, не наметились еще пределы, где же, наконец, остановится Польша, где она уложит свои «стремления». Этот последний вопрос имеет большое значение для соседей «воскресшего» польского государства и особенно для Белоруссии. Белорусский народ не может и не должен оставлять без внимания всего того, что сейчас творится с Польшей и вокруг нее. Радуясь вместе с польским трудовым народом за его новую счастливую судьбу, Белорусское племя в то же время носит в себе страх из-за боязни, чтоб поляки свое молодое счастье не построили на несчастье других и, главным образом, на

— Пускай бушует чернь в жестоком ослепленьи,—
На зов ее в душе нет отзвука опять.
В мир вечных ценностей и высших откровений,
— Векам—мой новый вклад я должен передать!

. . . .

И я, чтоб не слыхать тот ропот неизменный,
Задвинул занавес тяжелый на окне.
И отблеск зарева погас на темных стенах,
И все застыло вновь в глубокой тишине.
.... И вновь спокойный взгляд следит немые строки
И молний мысли свет сверкает мне сквозь них,
И с гордых вновь вершин, под блеск огней живых,
На жизнь взирает ум спокойно—одинокий.

П. Яновский.

НА ПРАЗДНИК.

Рассказ.

С каждым днем морозы становились сильнее и сильнее. Сухой ветер, то и дело, кружился густой снежной пылью по улицам деревни Антоновки, наметая сугробы у стен домов и сараев до самых крыш. Закругленные холмы снега росли, поднимались все выше и выше и собою заволакивали дороги. Вот уже третий день, как антоновцы, осажденные зимой, сидят в своей вековой позиции и ждут тихого дня.

И в город надо, и по дрова, и за сеном, а дороги забило, занесло.

— Вылезть, братцы, нельзя,—говорит старый Тихон,—протопчишься за деревню и ничего не видно,—ни за что не разглядишь: куча снега, и... больше ничего...

— А я вчерась из волости вечером плелся,—перебивает другой,—думал пропаду на поле, как пес. Ну, кажется, тут, на этом самом месте, должна бытьнаша Антоновка; иду прямо—сугробы, поверну в сторону—по уши, обернусь назад—бело кругом. Земля и небо будто соединились в одну тучу,—светло, бело и ничего не видать. И только спасибо, дядя Тихон, твоему Мурзику—брехней выручил.

Так сами антоновцы рассуждали про положение своей деревни в снегу, и были правы.

Ветер старым колдуном носился не только по улицам, но и по полю, со всех сторон засыпая Антоновку. Старики не помнят на своем веку, чтоб столько к Рождеству небо насыпало снегу. Бывали заносы, метели, но совсем не такие, и никогда еще деревня не покрывалась сплошной белой крышей, по которой могли с конца в конец бегать собаки. А в этом году именно так было. За три дня длинный кривой ряд изб вырос в целый хребет снежных гор и незаметно расплывался, уходил в противоположные концы поля. И только чуть-чуть заметно—начинались горы зданием училища, которое стояло на пригорке северного конца деревни. Еще неделя тому назад, когда сначала повалил мягкий, а потом посыпал сухой снег и подул ветер с севера, сторож школы, дед Тихон, говорил учительнице:

— Нынче, видно, к праздникам навалит матушка зима.

Марья Назаровна,—учительница, по своему обыкновению, шутливо отозвалась на замечание деда о зиме:—теплей будет,—и по целым дням занималась с детворой, хотя можно уже было распустить и на праздники. И дети в эти дни как-то особенно аккуратно посещали школу.

Каждое утро и по воскресеньям можно было видеть их, как они ползли по сугробам на край деревни, а внук Тихона, ма-

«бездолье» белорусского народа. То, что сейчас происходит в области собирания польского государства, слишком резко вырисовывается на фоне всенациональной путаницы. Без всякого разбора и должного внимания отхватываются возрождающейся Польшей целые области, некогда по праву силы принадлежавшие ей. А это, нужно сказать, далеко не здоровая политика польских вожаков.

Весьма живучее чувство и свойство приспособляемости к месту и времени польского народа крайне определенно в одну сторону, и все к себе, бросает тень государственной эгоистичности. Следя за польской политикой нашего времени, так и хочется сказать: «После поляков хоть потоп». Именно такой смысл сквозит во всех действиях государственного самоопределения Польши. Насколько такое поведение можно приписать истинному польскому народу, — это вопрос другой. Но что национальное себялюбие слишком бросается в глаза со стороны польской шляхты, в этом тоже не приходится сомневаться. Национальная буржуазия Польши и ее шляхетская мелкота, всем известно, спокон веков болеют гонорливым шовинизмом.

«Для поляка, все—для поляка», — вот мотив польского шляхетского национализма... Как бы там ни было, но в настоящее время Польша всякими способами и средствами добилась своего. Свойство могучей приспособляемости и «гениальная» философия Лойолы сделали свое: от регентского худосочного совета Польша уже на основе последовательности докатилась и почти безболезненно до настоящей государственности. Сейчас уже Польша называется—Народной Польской Республикой. И удивляться нечему. Меняются времена, меняются и нравы, а польский народ за свою многогранную историю научился менять свой фронт. Где можно и что можно, там то беря, — говорит житейская действительность. Польша так и делает. Можно было коечто брать от немецкой коалиции, в дни ее могущества, поляки брали не церемонясь; восторжествовала Антанта,—здесь можно получить больше,—польские политиканы не зевают. «Скорей, пока не поздно»,—говорят поляки и со всеми присущими им способностями спешат ковать свою государственность, пока горячо. Работа спорится,—Польша растет не по дням, а по часам. А одновременно с государственным ростом, преимущественно на территориальных началах, растет и без того большой польский гонор, теперь уже общенациональный. Как воскресшее и притом больших размеров государство, Польша заговорила языком вполне державной нации. Но этого мало, — польские правители настоящего порядка заговорили от имени целого народа языком угрожающих и грозных нот. Как видно, новая Польша, добившись своего,—получивши заверение в дружбе от власть имущей ныне над миром Антанты, — готова свое сфабрикованное исподволь могущество поддержать и реальной силой. Как видно, да так уже и на самом деле, у Польши есть приличествующее ее положению войско. Вот это-то и дает ей возможность говорить языком нот. Что же,—«судьба изменчива бывает» и играет не только человеком, как личностью, но часто человеком и как нацией. «Сегодня ты, а завтра я»,—поется в известной арии. Так теперь получилось в отношении Польши с Россией. Еще совсем недавно бывшая могучая Россия с польским народом, даже с ее господствовавшим классом, и говорить не хотела. А теперь, получается чуть ли не обратное. Центральное Российское правительство с правительством «Новой Польской Республики» говорит не иначе, как только посредством нот.

В этом, допустим, нет особой обиды для русского народа. Но, правду сказать, нет большой чести и польскому новому правительству добиваться «нотного» разговора. Как ни как, а Россия—все же Россия! Сколько бы бед ее ныне ни окружало, она все же должна остаться и останется великой Россией, заменив одно преступное название, Империя, другим сильным—Федеративная Республика, союз российских народов. И когда теперь приспособившаяся к обстоятельствам Польша заговорила с Россией гонорливым языком, все народы, составлявшие и составляющие Россию, не могут молчать. Им не обидно, за польское величие, повторяюсь, но досадно от повторяющейся исторической несправедливости. Пусть так; что поляки добились своего, что они имеют свое войско, что они признаны другими, более сильными, чем сей-

---

ленький Антипка, и совсем кубырем скатывался к школе, через сарай со двора...

Готовились к празднику.

Марья Назаровна считала своим долгом каждогодно на Рождестве детей побаловать елкой.

Вот уже пятый год, как она учительствует в Антоновке, и только в первый не могла порадовать своих учеников веселым вечером, подарками, а в последние не пропускала. Даже в прошлом году—больная,—она все же устроила домашнюю елку и Рождество встречала вместе с деревенской детворой.

Сама лежала в постели, а дети пестрой толпой гудели около нее далеко за полночь. Пели, читали, говорили, угощались, и после Марья Назаровна сказала им:

— Даст Бог здоровье, дети, и мы зато на будущий год устроим настоящую елку.

Дети ждали целый год.

Совсем маленькие семигодовалые, и те еще задолго до кануна предстоящих Рождественских праздников теперь по целым вечерам бубнили наизусть небольшие стихотворения и с радостью по утру несли свои «заучивания» к доброй учительнице. Она выслушивала детский лепет, налаживала чтение и говорила:—словно детки, славно...

— И каких только подарков я вам не достану. Будут книжки, ящечки, платочки. Елку украсим цветными фонариками, красными свечками, игрушками. А конфект-то конфект сколько будет...

Дети таяли от радости.

Последние три дня засиживались в училище допоздна вечера и возились над привезенной дедом Тихоном елкой. Убирали ее оставшимся от прежних годов украшением: звездами, стеклянными шариками, и подвязывали обвисавшие веточки. А за стенами гудел ветер, выл голодные песни и все мел, мел без конца.

Дети вместе с учительницей прислушивались к завыванию сердитого ветра, молча копошились около своей работы, и казалось, о чем-то тревожно думали.

— А вы, детки, сегодня заночуете в училище,—сказала учительница накануне своего от'езда в город, за добавлением к елке, когда дети засиделись совсем-таки до ночи.—Метет страшно, да и мне веселей.

— И я, и я, Марья Назаровна, останусь у вас,—лепетал маленький Антипка, которого ожидал дед провожать домой.

— Ну да и ты останешься—все, детки, все...

Елка была убрана наполовину,—не было только свечей у фонариков и игрушек новых.

При лампочном огне она блестела, и такая, тихая стояла насредине класса. Делать около нея было уже нечего. Дети ходили вокруг елки, Марья Назаровна стояла у окна и думала:

— «И зачем это снегу столько. Целые горы нанесло и еще все сыпет. А мороз какой. Окна зарисовались каким толстым узором, и какие правильные елочки. Бог это беднякам, должно быть, к Рождеству готовит убранство. Никого Он не забывает. Но стужа какая, беднякам этого не надо бы... Завтра ехать.

— Ух какая вьюга, и как вам придется ехать только Марья Назаровна, — услышала позади себя учительница знакомый голос старшего по возрасту ученика.

Обернулась к детям, которые тесной кучкой уже стояли около нея, и заговорила:

— Завтра тихо будет, и надо за подарками. Они уже готовы; Степан Петрович, что в прошлом году был у нас, закупил все и мне пишет, чтоб я только приезжала за ним. Поеду, хоть какая вьюга будет, и его привезу, он будет играть.

час физическя Россия, державами, но это еще не дает право кичиться. Российское правительство учтиво отвечает «нотой» польскому правительству. Но в этом не нужно искать унижения России, и поляки должны знать, что учтивость в ответе не всегда признак слабости отвечающего. И все народы России одновременно с учтивой нотой Центрального Российского Правительства должны обратиться не к польскому правительству, а к польскому народу с другими нотами. Пусть знает польский народ, а не одно его правительство, что Россия, это—великий свободный союз Российских народов. В черные дни государственного лихолетия они (эти народы) стоят на страже своих прав, а вместе и исторических прав Российской Федеративной Республики. Никто в мире не имеет права и не должен посягать на могущество России. Она (Россия), разбившая оковы векового рабства, вырвавшаяся из преступных пут царизма, на новых началах построит свое новое могущество. И все народы, входящие в ее состав, добились своих национальных исторических прав, пойдут вместе с ней к счастью всех народов мира. Горе и радости они готовы разделять вместе с трудовым народом и, прежде всего, с народом измученной, израненной России.

Белорусский народ, как двенадцатимиллионное племя, великой революцией ставшее на свою красную дорогу, никогда не сойдет с нее, и только вместе с Россией, именно с возрождающейся Россией, пойдет по пути всечеловеческой культуры и прогресса. И вместе с Россией, болея ее болями, Белоруссия заявляет всему миру: «Жива душа у российских народов, и никакие силы ее не одолеют». Становясь на путь широкого автономного самоопределения, Белорусский народ верит, что впереди счастье и не в гонорливой государственности, а в тесном союзе со всеми родственными народностями. Польскому же надоду Белоруссия говорит: «Не в кичливости—залог народного благоденствия, а в братском содружестве всех народов». И вместе с этим напоминанием **Белорусский народ шлет родному польскому народу свою ноту:**

«Великий брат единой славянской семьи! Ты вместе со всеми народами России разбил цепи великой несправедливости и стал свободным народом. Злое проклятье, которое висело над тобой в течение многих лет, рассеяно гневом российской революции, и ты получил возможность строить свое новое счастье. Радуясь вместе с тобою за эту святую возможность, Белорусский народ верит, что ты, помня свои задачи, пойдешь рука об руку со всем трудовым народом мира в царство Равенства, Братства и Свободы. Ты, освободившись из-под ига ненавистных чужих историй, имеешь право заново строить свою новую историю. Никто не должен мешать твоей неотложной работе. У тебя есть своя культура,—особенные черты твоего характера; ты обладаешь выстраданными тобой национальными историческими богатствами. На страницах мировой истории прошлого большими буквами значится твое имя, и все народы мира знают, что была когда-то великая Польша. Но великая Речь Посполитая тогда была государством твоих угнетателей, а ты в нем—рабом твоих магнатов и вечным пасынком своего отечества. В своем государстве ты был не гражданином. Короли твоего бывшего государства стремились постоянно к славе своих преступных корон и кровью мученика польского народа захватным путем расширяли границы Польши,— от моря до моря. Под свою ненасытную власть они (короли) подбирали чужие земли и там насаждали тяжелое рабство, облекая его в одежды иезуитского католицизма. И наша земля — Белорусская — на протяжении целых веков была несчастной провинцией ваших кровожадных королей и магнатов. Безумство польского гонора коронованных владык погубило бывшее могущество Польши: короли потеряли короны, а польский народ надолго лишился своей истории. Но земля Белорусского народа до самой великой российской революции не лишилась польских магнатов. Они (магнаты), занесенные несправедливостью чужой истории в Белорусский край, плотно присосались к крови Белорусского народа и целыми веками питались за его счет. Все естественное достояние Белоруссии они захватили в свои помещичьи руки; пользуясь покровительством русских царей, они и всю власть на Белорусской земле подобрали к себе. Много горя Белорусский народ вытерпел от польских панов; много лучших сынов Белоруссии запорено до

Правда, он хорошо играет? И расскажет нам про счастье детей, про елочку бедную, зеленую, кудрявую елочку. Как росла она сироткой далеко от лесу, и как мороз ее убирал серебряным пухом для праздника деткам. Как сам царь-мороз бегал по полю и зайчиков собирал на вечер веселый к елочке, и она всех их приняла и с ними радовалась—сиротка. Веточки ея, отдельными елочками, искрились в лунной ночи и собою манили к себе бедных сироток людских. Как в то время шли по полю две девочки и мальчик один, бездомные малютки, увидали елочку, белую снежную, и к ней завернули. Их елочка приняла, приласкала у ног своих, спрятала от стужи и голода. Зайчики прыгали кругом деревца, белочки лазали по стволику и пушистыми хвостиками снег осыпали на деточек, на трех бедных сироток-малюток. А царь-мороз им сказки рассказывал про злые сердца человеческие, про волю суровую бедных людей, про счастье, которого нет на земле. И видели там, под елочкой, дети-сиротки—какое богатство рассыпано по полю, как счастлива елочка, и только одна она счастлива. Захотелось им, бедненьким, стать елочкой в поле, и крепко они ее обняли, прижались к ней своими головками и тихо заснули,—согрела их елочка. К ним после подсели серые зайчики, спустились белочки и тоже заснули. А елочка все веселилась и еще больше радовалась, что и она не даром на свете живет, что она только счастлива на свете... Царь-мороз из большего стал маленьким, взобрался на елочку и сторожил вечный покой трех малюток, что стали елочкой. Всю ночь просидел мороз на деревце, а как день настал и показалось на небе солнышко, он соскочил с веточек и побежал в лес. И зайчики с белочками за ним убежали, но детки уже были елочкой и в поле остались. Ехал из города богатый один человек, увидал у дороги елочку-сиротку, вспомнил обещание свое детям,—привезти на праздник елочку—и захотел ее срубить. Красивая она была, кудрявая и у корня с тремя куклами. Топором у самой земли он срубил красавицу и детям доставил своим, сытым, довольным, богатым. Поставили елочку в горнице светлой, нарядили ее в золото и серебро, обвешали дорогими подарками, а а сами легли в мягкие постели спать до завтра, чтоб вечером в праздник затеплить свечи елочки и плясать вокруг нее с песнями сытости и роскоши. И крепко заснули довольные, но елочке с куклами в горнице не спалось. Она уже душу имела голодных сироток,—думала мыслями бедных детей: теперь вы меня поставили в своей лучшей комнате, а когда мои куклы вчера к вам приходили и плакали от холода и есть попросили, вы их стогнали, прогнали их в поле. Так знайте же, злые, что елочка вас тешить не будет, а пойдет она к бедным деткам и с ними будет веселиться. Хоть один день в году». И выбежала елочка из роскошных палат, понеслась по снежному полю, созвала опять своих зайчиков, и белочек, и мороза-царя и с ними полетела по всему миру. Где нет ей места в бедном доме, она там на окнах оставляет свои веточки, а где ждут ее, она туда на праздник влетает с подарками...

Была уже полночь. Рассказ Марьи Назаровны увлек детей, и они не спали. Даже маленький Антишка сидел на полу под елкой и не думал спать. Когда учительница кончила сказку, он весело и живо спросил ее:

— А к нам прилетит та елочка?

— Она уже у нас, только я поеду за ее подарками. Ну, а теперь ложитесь спать, да все вместе,—под елочкой, чтоб теплей было. Через три дня приеду со Сте-

смерти розгами на польских помещичьих конюшнях. На собак меняли белорусских людей польские паны. И теперь, когда под напором всенародного гнева России рухнуло самодержавие целой страны, белорусский народ стал господином своей земли. Он прогнал от себя польских панов, но никогда не оттолкнет от себя родного польского народа. С замиранием сердца следит Белорусский народ за «воскрешением» Польши. С тревогой в душе он думает о грядущей судьбе родного брата единой великой славянской семьи, — о судьбе польского народа. Свободною страною трудящихся Белорусский народ хочет видеть свою соседку Польшу, — великую новую Польшу, без королей и ненавистных всем польских магнатов.

Собирается новое польское государство. И, вместе с радостью, белоурсский народ не может не отметить в этом собирании новое горе польского народа. Новая Польша опять вступила на старый путь собирания земли—от моря до моря. Опять польские грабители обагряют свои руки в крови и проливаю кровь польского народа ради расширения захватным правом территории «Речи Посполитой». Опять новое Польское государство на несчастья других собирается строить свое, не народное, а государственное счастье. Опять управители Польши начали посылать свои гонорливые ноты правительствам других народов. Белорусский народ скорбит об этом и обращается к своему брату, польскому народу. Знает-ли все это он сам? Знает-ли польский народ, что его нынешними правителями, по всей Польше и вне ее, в том числе и на Белорусской земле, сеют погромы? Знает-ли польский народ, что многотысячные польские легионы, руководимые польскими помещиками, собираются в поход на трудовые массы других народов? Знает-ли польский народ, что, опьяненные временным успехом своей дипломатии в прихожих, раньше германских консульств, а теперь—у Антанты, польские правители домогаются величия себе, под видом величия «воскресающей» Польше? Знает-ли польский народ, что польские национал-шовинисты и на Белоруссию по Днепр простирают свои руки, пробным камнем бросая то там, то здесь, по белорусской земле польские легионы? Знает-ли польский народ и еще многое?

Белорусский народ хочет верить, что его великий родной брат, польский народ, не знает этого; что эти преступления под лживыми предлогами делаются за плечами ни в чем неповинного польского народа. Белорусский народ смеет надеяться, что, узнавши всю горькую истину, польский народ грозно скажет своим правителям: «Не губите Польши!».

И, кроме того, с своей стороны, белорусский народ заявляет: Белоруссия имеет определенные этнографические границы,—по ним Белорусский край самоопределяется. Никто другой не имеет права вмешиваться в новую свободную жизнь белорусского народа. Ни один польский помещик больше не найдет себе жирной добычи на Белоруссии. Со дня великой народной революции Белоруссия — край труда и свободы. И напрасно польские помещики строят, пользуясь мировой шумихой, новые козни для белорусского народа. Им хочется вернуть свои награбленные поместья,—но этому не бывать. Белорусский народ, пылая ненавистью и гневом ко всему помещичьему, никогда не допустит вновь вернуться прошлому. Как один, белоруссы встанут на защиту своих прав в родной земле. «Лучше умереть, чем своей кровью опять питать дармоедов»,—вот заповедь белорусского народа. Пусть польские помещики, под видом собирания Польши, готовят боевые легионы для нападения на соседние земли, — Белоруссия не устрашится. Белорусский народ за два года свободной жизни научился самозащищаться. Как и в прошлую весну, когда польские легионы, обманутые своими помещиками и немецкими властями, нападали на белорусские земли и были жестоко наказаны с двух сторон, так и теперь они получат со стороны белорусского народа заслуженное. У Белоруссии нет легионов, но у нее все села и деревни... солдаты, а, главное, у белорусского народа есть вера в свое право на существование, как целого, неделимого двенадцатимиллионного с лишком, племени...

Еще раз свидетельствуя свою искреннюю радость по поводу рождения Польской народной республики, белорусский народ готов верить, что его великий родной брат, польский народ, пойдет по верному пути раскрепощения трудящихся и не позволит своим, каким бы ни было, правителям глумиться над другими соседними народа-

---

паном Петровичем. Это будет на второй день праздников. К вечеру приходите все, а коли будет погода—и меньших с собой. Будьте здоровы и не шалите, сказала и ушла к себе.

На дворе шумело. Сугробы снега поднимались к окнам и в черноте стекол ярко глядели бледными широкими языками во внутрь освещенного дома. Дети засыпали по полу под убранной елкой с мыслями о предстоящем празднике. Засыпала в своей маленькой комнате и Марья Назаровна с думами о милых детях. «как хорошо иметь своих». О Степане Петровиче,—«какой он славный».

Утро морозное. Ветер немного утих, и небо прояснилось. Сквозь замерзшие окна тускло просвечивал день. На полу в школе тесным комочком еще спали дети, а Марья Назаровна уже была на ногах.

— Ну, барышня, сегодня немного унялось идорогучуть-чуть протерли уже,—можно собираться,—заговорил постучавшийся в двери дед Тихон.

— Я готова. Сена побольше, да не забудь короб взять,—отозвалась Марья Назаровна радостным и веселым голосом.

Через полчаса старый Тихон и молодая барышня сидели в санях и на худой лошаденке выплывали по сугробу за деревню. Только что проложенный след впереди проехавшими опять замело и приходилось пробираться пешком. Лошаденка, как пьяная, шаталась в стороны, нащупывая тоненькими ножками твердую дорогу и вперед подвигалась медленно, медленно.

— Но, но, убогая, вывози родимая,—понукивал Тихон, кнутовищем щелкая по оглоблям.—Три версты всего, дорогая, а так как по скатерти.

Пегая кобыленка выбивалась из сил, потела, задыхалась от усталости, по-долгу останавливалась в снегу и потом опять робко делала несколько шагов вперед. Силы изменяли.

— Господи, скоро ли конец сугробам,—не вытерпела Марья Назаровна.

— А вот ужо и березки виднеются; должна пойти дорога,—гнусавил Тихон, и опять за свое:

— Ну, ну, убогая.

Лошаденка совсем выбилась из сил, а впереди стояла высокая гора снега, отделявшая протаренную дорогу. Всего несколько сажен, а нет мочи. Дед Тихон слез с саней, взял за повод убогую и, ласково приговаривая, трогал вперед.

Кобыленка напрягала последние силы, вытаскивала одну ногу, потом другую и опять ложилась животом на снег. Сухая морда ее рыла сугроб; трепали длинные уши, голова качалсь.

— Ох, трудно, родимая, тяжело. Но, но, еще немножечко, еще, еще—возился старик то около саней, то около лошади.

Но бедная лошаденка вытянулась во всю длину,—лежала неподвижно. Старик пробовал поднять ее, но она повернулась на левый бок, закатила большие открытые глаза и морду положила на снег.

— Вот беда,—слезая с саней, говорила Марья Назаровна,—что-ж тут делать—и сама начала топтаться по пояс в снегу, пытаясь помочь лошаденке, покрикивая и подталкивая ее.

Измученная кобыленка как-то забилась по снегу, потом рванула вверх и стала на ноги, животом опираясь на снежную гору и дрожала.

Старик облегченно вздохнул и стал протаптывать снег на дороге.

Дорогой проезжала вереница саней и вскоре помогли бившимся в сугробе выбраться на гладкий путь.

Дед Тихон и Марья Назаровна снова уселись в сани, и лошаденка засеменила дрожащими ножками.

До города еще больше пятнадцати верст. Сухой и резкий ветер дул в плечи,

ми. Белорусский народ всегда готов войти в единую славянскую семью, чтоб после, вместе со всеми родными народами, влиться в общий союз Всемирной Трудовой Федеративной республики...

Сильный духом и крепкий верою в лучшее будущее Белорусский народ».

Эта нота белорусского народа к польскому должна показать тем, кто собирается вновь закабалить Белоруссию, что это сделать нелегко.

Если поляки в настоящее время добились своего, то белоруссы добьются лучшего. Только нужно белорусскому народу в настоящее время помнить одно: сейчас идет в невидимку торговля судьбою многих народов. Каждый народ только сам может защитить свое право на лучшее счастье.

Белоруссы, защищайте свое право на лучшую жизнь!

Аль-Вз.

ТРЕБУЕМ ЧЕСТНОГО ОТНОШЕНIЯ.

Когда мне попадается в глаза газетная или журнальная статья, где встречается слово «Белоруссия», а тем паче «белорусское национальное движение», у меня как-то инстинктивно появляется опасение: опять кто-то путает.

Это с одной стороны.

А с другой—у меня тотчас-же возкает подозрение, что автор статьи—скрытый враг белорусского вопроса. Кому-же, в самом деле, придет в голову бескорыстная идея писать о таком сложном и запутанном вопросе, как белорусский, где так много проблематичного, непроверенного, и неосвещенного даже для нас, деятелей белорусского движения.

Признаюсь, грешны мои мысли о журналистах небелоруссах, уделяющих внимание запросам и нуждам нашего исторически обездоленного края.

И не я этому виной. Больно уж несуразной и уродливой выходит белорусская национальная проблема в этих статьях, как по методу ее трактования и общим выводам, так и по фактическому материалу, которым авторы оперируют. Получается такое впечатление, точно естественный человеческий лик какой-то шутник отобразил в кривом зеркале: лоб сошелся в тоненькую полоску, щеки раз'ехались в сторону надутым пузырем, коровьим выменем отвис подбородок—не лицо, а чорт знает, что такое. Читаешь подобный публицистический шедевр и сами собой идут на ум слова Пушкина:

.... бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам...

Аналогичное состояние я пережил, когда читал этими днями статью некоего «С. С. П—аго», под заглавием «Положение в Белоруссии», напечатанную в одном из номеров «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов».

Свою статью С. С. П—ий начинает утверждением, что «из всех оккупированных областей Белоруссия представляет из себя нечто самое неопределенное, самое расплывчатое».

А вот мы, белоруссы, никакой неопределенности не видим здесь. Белоруссия имеет свои этнографические границы; имеет в прошлом свою историю, делится на определенные классы и общественно-политические группы, имеет определенную хозяйственно-экономическую структуру.

Дальше:

«В до-революционное и до-военное время Белоруссия составляла одну область с Литвой, так называемый Северо-Западный край».

А почему бы, после этой фразы автору не добавить дальше, что этот «Северо-Западный край» искусственно-насильственным образом «составило» русское самодержавие, наводнившее в свое время Белоруссию и Литву «Бисмарками—составителями». Муравьевско - Столыпинского штампа? Этот исторический факт, пригодный по своей элементарности в школьный учебник истории, безусловно, известен автору статьи. Совсем другое значение и смысл получил бы «Северо-Западный край», будь отмеченным этот факт.

Охарактеризовав дальше в нескольких словах экономическое положение Белоруссии, которое оказалось также вполне определенным,—С. С. П—ий перешел к ее политическому состоянию.

Здесь автор превращается в Колумба.

«В политическом отношении—это была страна консервативно-католических буржуазных партий, с одной стороны, и мелко буржуазного Бунда, с другой».

и Марья Назаровна вскоре начала покашливать. Что-то ныло в правом боку, и даже голова кружилась.

К месту приехали,—уже начинало темнеть, и мороз злился и трещал по настоящему. И только в теплой комнате Марья Назаровна почувствовала, что опять захворала. Пришел Семен Петрович, она лежала в постели, и на ней не было лица.

— Опять простыла, взволновано заговорил он: Вечно ищет хворобы. В такую стужу по бездорожью.

— Степан, но мне хотелось видеть тебя, и я обещала детям,—со слезамс в голосе оправдывалась больная; — завтра едем к ним, ко мне...

— В больницу, матушка, тебя, а не на елку...

Мороз трещал, а вьюги не было,—унялась.

Деревня Антоновна встречала праздник.

Сплошная белая крыша изб дымилась отдельными столбиками труб, и дым правильными колечками вился к холодному, пустынному небу.

Дети сидели на теплых печах и ждали второго дня.

Маленький Антипка поминутно приставал к своему деду Тихону, который отвез учительницу за подарками, то и дело спрашивая:

— Ты видел свечечки? Она показывала тебе ящечки? Красивые платочки? А много конфект?

— Много всякой разности, да простыла, больно, сердечная,—с грустью отвечал старый Тихон на лепет своего внука и подальше залезал на печь.

Незаметно прошел первый день Рождества. Только вечер его несколько попраздничному отозвался в Антоновке—хороводами и славильщиками Христа.

На дворе становилось теплее. Утром, на второй жданный день, даже солнце выглянуло и засмеялось в окна, стопяя узоры со стекол.

Дети ликовали.

Еще с обеда они тянулись в училище и с собою вели пятилеток и меньших.

Антипка в школу привел свою пятигодовалую сестрицу Дуню и все время возился с ней около нарядной елки, указывая на шарики и звезды блестящие и вместе с ней звонко смеялся.

Начинало смеркаться, а учительница все не приезжала. Дед Тихон зажег в классе две большие лампы. Ученики все чаще и чаще начали выбегать на дорогу. Но вот пронеслось по классу:—«едет, едет»...

И скоро у училищного крылечка остановилась пара пенистых лошадей. Дети гурьбою обступили приехавших.

Марья Назаровна, поддерживаемая Степаном Петровичем, вошла в класс, потом в свою комнату, болезненно улыбаясь и здороваясь с пестрой детворою.

Вскоре дед Техон вынес несколько пачек красных свечей, фонари и игрушки,—отдал старшим ученикам.

— Приказала развесить и затеплить,—с печалью в старческом голосе он говорил.

Елка была готова,—горела синими, красными огнями и ярко блестела верхней золотой звездою.

Но было тихо.

— Нездорова, —тревожно шептали дети.

— Простыла,—громче всех, говорил Антипка.

Но вот в дверях показалась и она, в черном длинном платье и в сером платке.

— Такая уж видно наша доля детки, и один день в году не можем вместе порадоваться,—я больна.

Закашлялась Марья Назаровна, и слезы показались на ее глазах.

А куда делись меньшевики, эс-эры, «Белорусская социалистическая Громада» и, наконец, многочисленные белоруссы-большевики, часть которых, находящаяся на территории Советской России, в настоящее время сумела создать многочисленные революционные организации, как Отделы и Отделения Белорусского Национального Комиссариата и Белорусские секции Российской Коммунистической Партии? Перечисление партий автор, по народной поговорке «с кашей с'ел».

Наконец, автор подошел к самому важному и центральному—к белорусскому национальному движению.

Подошел, и одним росчерком пера не признал его:

«Белорусского национального (более широкого) движения до сих пор не было, все попытки немногочисленных групп интеллигенция, главным образом, сельских учителей, насадить белорусское национальное движение до сих пор кончалось крахом».

В 1909 году, когда начало развиваться народное национальное движение в Белоруссии—народное, это подчеркиваю и утверждаю—писатель-марксист М. Горький, на страницах «Современного Мира» отметил этот знаменательный факт и предложил его вниманию мыслящей демократии. Через девять лет, когда белорусское национальное движение приняло именно широкие размеры, С. С. П—ий, тоже, наверное, марксист на столбцах «Известий» не видит и не признает этого движения. В таком случае чем же был 1-й Всебелорусский С'езд в Минске, на котором участвовали сотни представителей сермяжной Белоруссии, и который высказался о федеративном вступлении Белоруссии в состав Российской Республики с правом на национальное самоопределение? П—ому, и приписывать его создание «не. Про этот с'езд, безусловно, известно, С. С. многочисленной группе интеллигенции», думаем, автор не осмелится.

Цитируем дальше: «Попытки насадить Белорусское национальное движение до сих пор кончалось крахом».

Верно! Крахом окончился и Всебелорусский С'езд. Но кто устроил «крах»?

Своеобразно понимает автор статьи сущность и природу белорусского национального движения.

«Вообще же до сих пор,—пишет он,—отсутствовали условия для развития белорусского национального движения, так как последнее развивается успешно при наличности богатого и среднего крестьянства, а белорусские крестьяне в главной своей массе бедняки».

Говоря в другом месте о положении этого, якобы, белорусского национализма в период немецкой оккупации, автор вскользь бросает такие фразы:

«Когда белорусские националисты пользовались покровительством германских оккупационных властей» или «тут-то они (немцы) начали поощрять белорусских националистов, не давая им, впрочем, широко разгуливаться».

Не вдаваясь глубоко в сущность национальной проблемы, как таковой,—проблемы в высшей степени сложной и не получившей еще своего полного освещения с точки зрения материалистического понимания истории,—нам хочется, в назидание С. С. П—ому, высказать по национальному вопросу несколько элементарных истин.

Национализм, поскольку последний исторически выявлял себя, как движение народных масс или общественных групп, имеет три ярко очерченные и замкнутые в себе разновидности, три типа, три лица.

Национализм первого типа есть национализм вначале привилегированных сословий, а в следующие исторические периоды — привилегированных классов, в своей идеологии, стремящийся путем хищнического захвата и разбоя расширить свои территориальные и народные пределы, всегда и повсеместно прикрывающийся лживой и пышной фразеологией. Ведущий свой род от феодальных государств, со стоящим у власти феодальным дворянством, до современных буржуазно-империалистических республик, этот национализм по своей кон'юнктуре и идейному обоснованию однообразен и беден содержанием: его основа—экономическое обогащение; его теоретическая надстройка—«осуществление историческо-национальных идеалов» и «миссионистическая роль нации». Короче говоря, это—зоологический национализм. Ярким примером подобного национализма может служить Польша, где эта подлая и шовинистическая идеология, подобно гангрене, заразила широкие слои демократии.

Такого национализма наша Белоруссия, к ее великой гордости, не знала и не знает.

Национализм второго типа—это, если можно так выразиться, авантюристический национализм. Он не имеет ни сословных, ни классовых корней. Мало этого, он не имеет за собой никаких общественных групп. Его творят в моменты политических бурь и безвременья отдельные лица. Как это ни странно, но родословная линия этого национализма идет от Пуришкевича до Петлюро-Грушевского.

В период оккупации такой национализм пышно расцвел и в нашем краю в лице «Белорусской Рады»

С этим национализмом ничего общего не имеет здоровая национальная идея трудовой Белоруссии. Грибы, Воронки, Алексюки,—не борцы за национальное возрождение, а провокаторы и предатели народного дела, маленькие белорусские Гапоны, политическая судьба которых окончится так же позорно, как она окончилась у Гапона-большого.

Национализм третьего вида есть национализм широких народных масс, стремящихся жить и развиваться в условиях своего быта и своей национальной культуры. В высшем и конечном своем завершении он служит великому делу об'единения всего человечества в единый трудовой Интернационал. Основной принцип этого национализма стихийно выдвинула русская революция в лозунге «мир без аннексий и контрибуций, на

— Подарки в моей комнате получите, а теперь веселитесь без меня, сказала она детям и вместе с Степаном Петровичем ушла к себе.

Елка горела, а дети тихим кольцом ходили вокруг нее, и радости прежней не было...

— Вас к себе зовет, в дверях проговорил Тихон.

Дети гуськом потянулись к больной учительнице, а оттуда поодиночке выходили заплаканными с подарками в руках.

Класс пустел.

Догорала одинокая елка, и постепенно гасли ее огни.

К полночи в училище стало тихо.

Только вновь поднявшийся ветер голосил под окнами и жестким снегом сердито хлестал по стеклам. Старый Тихон лежал на училищной печи и вздыха. В комнате учительницы метались в жару больная Марья Назаровна; стоны ее вторили голодным песням ветра...

Антоновка спала под снегом, и детям ее снилась кудрявая, зеленая елочка и... больная учительница.

Погоды не было всю неделю. Ветер то поднимался, то утихал. Дети ежедневно посещали больную учительницу и с каждым днем становились грустнее и печальнее. Не бывал в училище только один Антипка. Он заболел и вот уже пятый день не поднимался с постели.

Марья Назаровна не поправлялась. Врачь еще в первый раз своего посещения больной признался Степану Петровичу:—вряд ли удастся ей встать.

И она больше не вставала с постели.

На седьмой день после елки Марья Назаровна умерла, и вся деревня провожала ее гроб на антоновское занесенное снегом кладбище.

Дети путь к могиле своей учительницы устлали веточками той елки, которую всего только десять дней тому назад вместе с покойницей убирали к празднику.

Голосили дети,—и слезы их ветер разнес по поднебесью.

Александр Вазилло.

основе национального самоопределения народов». Национализм данной формации учтен и получил юридически-правовую формулу в Конституции Советской Федеративной Республики. Об этом национализме,—ваше внимание, товарищ С. С. П—ий!—говорится и в программе партии коммунистов-большевиков: «самоопределение нации вплоть до полного отделения». **Национализм последнего вида и есть наш белорусский национализм, которым в настоящее время живет и терзается трудовая и мыслящая Белоруссия.**

Во имя этого национализма мы, дети Белоруссии, боролись и будем бороться. И мы победим. Ибо мы верим, что практическое осуществление народного национализма всех стран Европы явится завершением и победой грядущей мировой революции.

Перестаньте же гаерствовать, товарищи С. С. П—кие. Надоело нам! Требуем честного и серьезного отношения к великому, а быть может, и трагическому вопросу национально-культурного возрождения трудовой Белоруссии.

Ив. Баранкевич.

Отдел истории, нау и и мысли.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ.

II.

«Сквозь толщу бесчисленных социальных и экономических наслоений все резче пробивается наружу «воля к нации», — еще в 1910 году писал в своем предисловии к сборнику «Формы национального движения в современных государствах» А. И. Кастелянский.

В настоящее же время эта «воля к нации» не только пробивается, но уже с реальной очевидностью высится на горизонте международных отношений. Теперь эту народную «волю к нации» всякий народ, вырвавши из «толщи социальных и экономических наслоений», горделиво выставляет вперед, как свое неот'емлемое право на существование.

«И подобно тому, как общественный под'ем и политическое пробуждение, охватившее после французской революции почти всю Европу, отлилось прежде всего в формы широких восстаний за национальную независимость, наша эпоха— одна из величайших, быть может, в общественной жизни нового времени—в еще большей мере ознаменовалась стихийным взрывом национальных страстей и ожесточенной борьбой за право национальности»,—говорил десяток лет тому назад все тот же А. И. Кастелянский.

И нужно согласиться, что это—правдивые слова. Теперь эта истина, особенно в наши дни последнего времени, находит полное подтверждение во всем происходящем вокруг нас. То, чему мы сейчас являемся свидетелями, говорит нам, что мы живем именно в эпоху «стихийных взрывов и ожесточенной борьбы за право национальности».

Те социальные и экономические наслоения, которые после французской революции долгое время оставались незыблемыми, в настоящее время претерпели большую метаморфозу. Мировая война и революционный пожар XX века всколыхнули заплесневелое болото человеческих взаимоотношений, и на арену жизни вышли, так называемые, скрытые силы человеческого бытия. То, что многими столетиями копилось под спудом социальной несправедливости, ныне разбило оковы искусственного «правопорядка» и грозно выдвинуло новые лозунги, новые требования за новые права. Если французская революция породила после себя тягу ко всякого рода национальным независимостям, то великая русская революция и социально-экономический революционный взрыв во всей Западной Европе поставил этот вопрос, как говорится, ребром. Теперь не может быть иного ответа, кроме того, что выдвинула первой русская революция — «... на основе самоопределения всех народов».

Именно на этой основе должен строиться новый мир и перестраиваться старый. Другого пути нет: это—новый этап всечеловеческой истории. Напрасно многим кажется, что «воля к нации» есть смешанное понятие, имеющее в своем содержании обратные корни. Это можно было говорить после французской революции, когда активно действующим народом, главным образом, был определенный узконациональный класс. Теперь в этом отношении дело обстоит совсем иначе, и теперь самые нормы национального существа имеют иной смысл. Подлинный народ, с его «внутренне-общественными противоречиями», ныне является основанием всех исторических причин. Законы «железной» экономики легли первым и главным камнем в угол мирового переустройства.

И причины этого переустройства ярко определены А. И. Кастелянским таким выражением: «Одновременно с разрастанием глубоких противоречий внутри общественного организма, наряду с чрезвычайным обострением экономических, социальных и политических антагонизмов, с резким расчленением общества на враждебные друг другу классы, словом, параллельно с раз'едающей дифференциацией дает себя чувствовать другой, не менее властный процесс, действующий как будто в обратном направлении—процесс социально-психологической интеграции, который путем целого ряда психологических реакций тесно сцепляет все эти центробежные элементы и сливает их в одно неразрывное духовное целое. И по мере того, как крепнет это целое, в его частицах все осязательней становится сознание принадлежности к этому целому. И в постоянном взаимодействии между ними связь все сильнее закрепляется, создается как бы особая форма, крепко обнимающая собою все разнородные частицы.

Именно лишь форму образует национальность»...

Сейчас у нас в России, да почти и во всей Европе, мы видим резкое расчленение общества на враждебные друг другу классы. И в то же время мы наблюдаем повсеместно нечто об'единяющее, которое за последнее время начало называться «национальным единством» отдельных народов. Правда, здесь кроются логические противоречия, но все же это симптомы новых настроений.

Сущность социальных, экономических и политических противоречий легла в основу нового миропонимания. За этим должно следовать и новое представление о человеческом содружестве, — новое в дальнейшей структуре старых и молодых государств.

В густой и удушливой атмосфере современной неразберихи весьма трудно определенно сказать о тех возможностях, которые могут вылиться в неожиданные формы. Старое, отжившее во всем мире, идет к концу, но самый конец так загадочен, что о нем можно говорить только в общих предположениях. Ясно одно: человечество, под давлением внешних факторов должно искать новых форм своего дальнейшего существования.

Контуры намечаются и день ото дня становятся все ясней и очевидней. Экономические причины человеческую историю заставляют катиться по руслу «переоценки всех ценностей» общественной жизни.

Самые заядлые ретрограды теперь уже не могут выступать с кабинетной мудростью против грядущего торжества новой истории, во главе которой будет стоять всепокоряющий труд. И по пути нового шествия должны расставляться вехи человеческих взаимоотношений.

Старый мир, составлявший до сих пор совокупность отдельных государств, очень мало считался с отдельными народами. И еще теперь, когда уже до основания, можно сказать, всколыхнуто море общечеловеческой жизни, еще многие думают, что новые отношения людей должны будут построиться по каким-то изобретенным картам отдельных людей.

Нет, с полной уверенностью можно сказать,—настала новая эра в мировой истории и идут новые силы, которые должны будут связать разваливающийся общественный мир. Принципы, по которым до

сих пор строились представления о «народе», «нации», «национальности», «государстве» и т. п., ныне сдаются в архив человеческой мысли и истории. Те понятия, по которым проходила красной нитью вымышленная хитроумным разумом «навязанная государственность», уходят навсегда с арены борьбы человека за свое существование.

«Лишь только из глубоких низин бессознательной жизни подымается на поверхность сознания новый закон социальной силой, как он начинает претендовать на преимущественное представительство данной национальност, считающий себя ядром и наиболее верным выразителем ее нужд и чаяний».—говорилось раньше в науке о государстве. И это в большей степени отмечается сейчас. «Из глубин низов бессознательной жизни» поднялись новой социальной силой и новые принципы, оправдывающие историю недавних дней.

То, что еще сравнительно недавно считалось чуть ли не непоколебимой истиной, сегодня отвергается и отвергается на основе здравого смысла вещей.

Много раньше говорилось, что все народы имеют или имели свои государства.

Государства отдельных народов складывались постепенно из отдельных народностей, таким образом составляя единую государственную «нацию». Даже те великие государства, которые в мировой истории прошли яркой полосой и после перестали существовать, как, напр., Римская Империя, Греция и др., и те обыкновенно подводятся под общее понятие «единой нации»,—национальных государств. Особенно настойчиво принцип национального государства выдвигается в XIX ст., когда человечество в передовой своей части должно было искать оправданий своему коллективному сожительству.

Но теперь, когда пред всем человечеством встал реально осуществимый идеал в дальнейшей жизни, когда с торжеством труда во всем мире должен в конце концов осуществиться на земле социализм, и особенно в наше время небывалых потрясений, человечество почувствовало всю фальшь прошлых национальных взаимоотношений и государственных устройств. Ошибки прошлого послужили уроком для настоящего. Появились и настоятельно требуют разрешения иные задачи.

Мир понял, что насилием и принуждением строились государства, но судьбы их не долговечны и чреваты ужасами последствий.

«Национальное государство — этот великий лозунг XIX столетия, под влиянием которого изменилась почти вся политическая структура Европы, оказался на деле политической фикцией,—одно из обычных злоупотреблений в истории народов. Национальное государство осуществилось лишь постольку, поскольку государственная нация укрепила свое верховенство и наложила резкую печать на все государственное строение»,—в свое время говорил, пророчествовал А. И. Кастелянский. Теперь его слова оправдались с поразительной очевидностью для всех. Нации пало не государство, смысла XIX века, распалось, и вновь собрать его на таких диких началах не представляется возможным.

Все несчастье «национального государства», построенного по лозунгу XIX столетия, заключалось в том, что оно в себе, прежде всего, заключало сумбурное смешение в самом понятии «национальная государственность».

Строители таких государств нелепо смешивали два разных представления— «народ» и «нация». Это смешение представлений всецело зависело от того непонимания содержаний, которые вкладывались в эти два, по существу разные, термина. Народ, это—одно, нация—другое. Хотя, нужно сказать, за последнее время эти два понятия на обывательском языке отождествились. По своему же естественному происхождению и существу они далеко различны.

Народ, это — совокупность граждан одного государства, по определению немецкой терминологии, об'единенная территорией, одними законами и другими началами государственности. Под понятие «русский народ» подходит и еврей, и поляк, и белорусс, и грек, живущие в России. «Нация же есть термин, обозначающий обыкновенно совокупность людей, не организованных в единое государство, но связанных единством языка, единством культуры, единством истории или, по крайней мере, единым национальным сознанием»,—так толкуют немцы, по выражению В. Водовозова.

Во французском же представлении народ и нация—синонимы.

Русский же народ мыслит о себе, как о народе и как о нации постольку, поскольку дело касается «интернационального права»,—права международного. От нации есть производное—национальность. И вот последнее в настоящее время получило в жизни право гражданственности.

Теперь уже почти все народы признают для национальности такие признаки: «общее происхождение, общая культура, общая история, создавшая исторические традиции, единая территория и иногда государственная организация; но ни один из этих моментов (даже помимо государственной организации, с которой национальность совпадает только в редких случаях) не является безусловно обязательным для создания национальности», — учит В. Водовозов. Но по существу, говорит далее Водовозов, «об'ективных признаков для определения национальности нет, а приходится довольствоваться признаком чисто суб'ективным—«сознанием» своей принадлежности к той или другой национальности». И этот суб'ективный признак неот'емлем. Это—единственно верный признак, который позволяет белорусса, не говорящего на белорусском языке, но мыслящего себя белоруссом, причислить к белорусской национальности. Этот признак нужно отнести и ко всем другим народностям. Вот по нем то и должны складываться национальности.

«Национальные же государства», которые существовали и пока существуют еще теперь, они отбрасывали этот признак «сознания», и свою государственность строили на признаках, как уже много раз говорилось, отвлеченно-об'ективных. А это в свою очередь мешало созданию интернациональных отношений.

Не было истинных национальных государственных организмов, а следовательно не могло человечество свободно идти к интернационализму подлинному.

При «национальных государствах» порядка XIX века слишком угнетались и угнетаются негосударственные национальности. В таком государстве обыкновенно была и есть всегда какая-нибудь одна суверенная национальность, по которой, или вернее от имени которой, строился весь государственный аппарат. Понятное дело, при такой государственной структуре не приходится говорить о какой бы то ни было социальной справедливости по отношению меньшинств, не говоря уже про их униженные классы. И такой государственный принцип был постоянно ядром национального раздора.

Негосударственные нации стремились стать государственными, что можем проследить по Австро-Венгрии и России. Создавалась национальная борьба, которая слишком тормозила культурную работу целого государства и в корне подрывала национальную культуру отдельных народностей.

«Может ли оно разрешить великие нравственные и экономические задачи, к которым призвано государство?»

«Итак, нация должна совпадать с народом, всякая негосударственная нация естественно стремится стать государственной нацией, создать для себя государственную форму; в этом стремлении сказывается здоровое чувство; наоборот, всякое государство должно стремиться стать национальным, всякое же национальное государство по общему плану есть государство искусственное, не удовлетворяющее своему естественному назначению, держащееся на насилии и потому слабое, не прочное», — говорит Водовозов о националистической теории государственного права.

Но решение «великих нравственных и экономических задач» теперь для всего человечества стало неизбежным. С течением времени весь мир должен будет представлять огромный народ, имеющий в своем распоряжении (в будущем) одинаковые экономические перспективы. Даже в настоящее время, хотя и не с большой серьезностью, ставится вопрос под именем «границы стираются». А это значит, что, по выражению одного ученого,—«задача, следовательно, состоит в том, чтобы найти условия мирного сожительства националь-

ностей, смешанных на общей территории».

И, конечно, человечество так или иначе вынуждено поставить этот вопрос на разрешение, сначала отдельных наций, а потом и всех народов. Законом эволюции всечеловеческая история неизбежно придет к одному результату: «на общей мировой территории установится форма общечеловеческого государства». К этому стремится весь людской род. Только стремления по этому пути разные и разные не у национальностей в целом, а у их отдельных группировок. Вот почему этот процесс всеобщего достижения «интернационализма» толкуется и понимается, с поверхностного взгляда, по-разному. Интересы чисто индивидуального свойства играют здесь большую роль. Экономические факторы, граничащие с благом той или другой группы нации, не дают возможности солидаризироваться целым национальностям в плоскости наискорейшего достижения Интернационала. На заре всякой новой исторической эры мы можем наблюдать параллельно национальной борьбе другую борьбу, именно—борьбу междунациональных классов. И почему всегда этапы национальных строительств отмечались на шкале истории черточками с надписями: аристократия (бюрократия и дворянство), буржуазия (городская и сельская) и наконец—рабочие (пролетариат).

Прежде всего значилось первое: аристократия строила государство и по-своему фабриковала так называемые правовые нормы. И, понятное дело, эти нормы не могли быть общенациональными. Особенно, когда дело касалось интернациональных отношений. В погоне за преобладание культурным первенством аристократия всех наций на общемировом горизонте вырисовывалась с течением времени все слабее и бледнее. Аристократизм, по преимуществу салонный, не мог долго выдерживать исторической борьбы и постепенно сходил с арены государственного и общественного соревнования. Но после себя он оставлял весьма дурное наследие, так называемую государственную буржуазию. Этот класс (буржуазия), будучи по своему происхождению недоноском национальной культуры, оказывался живучим и, как ни странно, определенно национальным. Поскольку аристократия скоро теряла национальные признаки, особенно чисто-суб'ективный,—национальное сознание, постольку буржуазия была живучей в этом отношении. Грубая по своему духовному началу, оживевшая сердцем и без всякого намека на благородство души, она держалась очень и очень крепко за свое «место». Низменные, античеловечные интересы буржуазии слишком зверино держались болота своего возникновения. Для буржуазии не малую цель имела территория. Во имя своих эгоистических тенденций, буржуазия скоро превратилась в чисто «империалистическое» сословие и с этим неот'емлемым качеством на протяжении многих веков оперировала в мировой истории. Кроме того, она в постоянной дико-государственной работе выработала в себе живучую способность приспосабливания (оппортунизм). Подобно всякой живой твари, буржуазия сумела приспособиться и к месту и времени. Эта ее могучая способность и до настоящего времени позволяет ей так или иначе в истории играть заглавную роль.

«Национальное государство» XIX века есть порождение буржуазии.

А когда такое искусственное об'единение разнонациональных народов со временем оказалось несостоятельным, буржуазия стала примазываться к новым принципам государственного строительства. И буржуазия своим инстинктом самосохранения отгадала новый путь, путь «национальных самоопределений». Но этот путь слишком прямой и открытый; движение по нему видно для всех.

Буржуазии такой путь невыгоден, и она спешит его затуманить. С момента проявления несостоятельности «национальных государств» человечество, как уже указывалось, потянулось к нащупыванию выхода из этого тупика. Буржуазный класс общества, к этому времени размножившийся за счет своей мелкоты—«мелкой буржуазии», господствовавший во всех государствах экономически и политически, сейчас же приступил к новой работе. Новые государственные нормы для разработки передаются в отдельные общественные организации, и буржуазия становится во главе этих организаций, которые переименовываются в разного рода партии.

Партийная работа в области национального вопроса принимает сразу явно буржуазную окраску. Нация и национальность, народ и народность трактуются в таких партиях самым разнообразным способом. Получаются самые нелепые выводы, идущие в разрез с подлинно национальными стремлениями.

Народная «воля к нации» подменивается шовинизмом; самоопределение народов истолковывается, как полное обособление и т. д., и т. п. А в это время история, гонимая экономическими, социальными и политическими причинами, делает свое дело. Общесоциальная несправедливость дает понять подлинному народу, народу труженику, пролетариату, что без его вмешательства исторической ошибки не исправить.

Пролетариат организуется вокруг своих пролетарских партий.

Для отыскания путей выхода из-под гнета исторической, государственной несправедливости, рождаются социалистические партии. Но они главным образом останавливаются на вопросах политических и экономических. Государственные переустройства молодыми социалистическими партиями мыслятся сначала, как освобождение всех народов от абсолютизма и вообще от власти королей.

Буржуазные же партии занимаются прежде всего национальным вопросом. И только сравнительно недавно социалистические партии в программу своих работ включили вопрос «о нацинальных взаимоотношениях». И, нужно правду сказать, трактовка национального вопроса в социалистических партиях была неудачная. Так или иначе и сюда проник приспособляющийся дух буржуазности. Не имея ясного представления о нации, подлинно народные партии сбивались в толковании о разрешении национального вопроса. И первая из социалистических партий, ставшая на верный путь в этом отношении, партия пролетариата — «социал-демократическая».

Отто Бауэр в своем большом труде «Национальный вопрос и социал-демократия» о нации говорит:

«Нация, не как нечто застывшее, раз навсегда данное, а как беспрерывный процесс образования; в основе же этого образования лежат те условия, при которых люди ведут борьбу за существование и за продолжение рода». И далее Бауэр там же пишет:

«Общность территории лишь постольку является условием существования нации, поскольку она необходима для общности культуры»...

Здесь мы уже имеем дело с народом, которому необходима общность культуры, именно общность всечеловеческой культуры. Поскольку буржуазные толки о национальных проблемах двигаются шовинизмом, постольку решение национального вопроса пролетарским сознанием определенно естественно. Пролетариат иначе и не может мыслить свое существование, как только в тесном содружестве всего мирового пролетариата.

И теперь, когда в деле государственных переустройств уже непосредственное участие принимает пролетариат не только своими партиями, но в некоторых государствах и всем своим существом, можно надеяться, что скоро и вторая черточка на шкале истории—«буржуазия»—будет стерта окончательно. И те искусственные государственные организмы, которые в XIX веке окрестились «по злонамеренному недоразумению национальными государствами с державными отдельными нациями», заменятся естественными союзами самоопределившихся национальностей.

Работы много, и сложной работы. Но сейчас для этой необходимой работы самое благоприятное время. Общемировой взрыв дал трещины в старом здании последнего этапа капиталистического государства. При серьезном внимании можно видеть все ошибки старого и по ним необходимо избегать новых ошибок. Нужно побольше света, простора и свободы для новой работы.

Строителем новой истории становится могучий, но еще неопытный мастер политических заданий. Пролетариат силою исторических вещей призван выполнить

свою работу. Из «глубины низов» выходит молодая сила, и направляет весь мир к известному идеалу, в царство социализма. Разбивая политические, экономические и социальные оковы, народ-богатырь грозно идет к торжеству Труда, к Братству, Равенству и Свободе. Только сам народ, преодолев на своем пути все препоны классовых противоречий, сумеет построить на национальном вопросе Интернационал. Сильны еще классовые противоречия; много еще придется труду положить силы в борьбе с капиталом. История не делается днями. Целые десятилетия и века нужны, чтобы окончательно свалить междунациональное зло и его злейшие последствия.

Всякой новой работе сопутствует роковое противодействие. Одновременно с истинным пониманием сущности вещей, всегда идет тупое непонимание. И оно (последнее) очень часто затемняет неподдельный свет истины, затуманивает само понимание. Это логическая связь мировых явлений. Особенно это возможно, когда понимание исходит из «глубоких низин», когда народные толщи поднимаются густой массой на вершину возводимой грандиозной постройки. Именно сейчас, как говорилось много раз выше, народные массы поднялись высоко, чтоб кончить, завершить первое здание всечеловеческой справедливости в истории, здание, которое должно служить аркой, ведущей к конечному идеалу всего человечества.

В настоящее время разрубается гордиев узел истории, и нужно быть смелым и в то же время осторожным, чтоб, кроме узла, не перерубить и того, на чем завязан этот узел...

На долю пролетариата выпала одна из труднейших задач мировой истории. Ему суждено своим непосредственным трудом помочь всему людскому роду выйти на дорогу «общности культуры» во всем мире». Но для этого пролетариат должен помнить, что в такой ответственной и святой работе не должно иметь места дикое ослепление, которое давно сродни тупому непониманию. У пролетариата есть свои архитектора, свои учителя; с ними он должен работать заодно. Они без него и он без них бессильны. Если первые две черты на шкале истории изжили себя, то виною этому причины экономические, естественные. Совсем иначе обстоит дело с последнею чертою, с девятым валом человеческой судьбы. Здесь нужно только «просветление»...

Трезвое и ясное просветление требуется от пролетариата в разрешении национального вопроса. Прочь всякий дикий космополитизм! Национальный вопрос стоит на пути, его нужно преодолеть пролетариату, преодолеть сознанием и умом.

Национальный вопрос, это—не преграда к социализму, а наоборот, это—крепкая ступень в храм свободного труда и Интернационала. Только раскрепощенные национальности сумеют завершить круг истории; только самоопределившиеся народы и народности войдут в новый мир красоты и всеобщего блага на земле.

«Вовлечение всего народа в национальную культурную общность, завоевание нацией полного самоопределения, увеличивающаяся духовная дифференциация наций—вот что означает социализм», — говорит пролетарский культурный работник Отто Бауэр. И в этих немногих словах много исторической мудрости.

Кто станет утверждать, что для народа не нужна культурная общность? или, что духовная дифференциация наций—не закон истории?

Никто, кроме ослепленных космополитов, которые благо человечества видят в тумане водяной пыли,—вне союза союзов отдельных народов.

История требует подчинения своим законам, и народы, делающие историю, находятся в постоянной зависимости от причин, основанных на логике мирового разума. Вне этих причин нет поступательного хода культуры и прогресса. Каждый отдельный народ призван в жизни выполнить свое назначение, принести дар в жертву общей культуре, и этого права-обязанности никто у него не может, не смеет отнять...

Каждое племя и даже маленькая народность, если они еще не потеряли своего национального облика, должны в общем ходе мировой истории проявить свою коллективную инициативу. Не выполнив этой задачи, они будут вечно служить упреками совести для тех народов и народностей, которые милостью судьбы считаются державными национальностями. И, кроме упрека, эти блуждающие, не сумевшие выявиться национальные души, будут стоять преградой на пути к Интернационалу, к международному братству.

Независимо от об'ективных признаков (главным образом территории), все национальности имеют право на свое самоопределение, для работы во имя общности всечеловеческой культуры...

Национальный вопрос разрешается в современной постановке в зависимости от общих признаков наций на следующих основаниях:

1) Полная государственная независимость; 2) федерация; 3) территориальная автономия, и 4) персональная—экстерриториальная автономия.

Всякий народ знает, что ему необходимо сейчас, чтоб скорей войти в общий союз союзов всех народов мира.

Клим Злобич.

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ И ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ.

В традиционных воззрениях на развитие научной мысли могут быть отмечены две основные точки зрения.

С одной стороны область науки мыслится как царство независимого, противополагающего себя всему остальному миру интеллекта, как суровая область ледяных вершин человеческого духа, растопить которые бессильны даже жаркие лучи настроений, которые заставляют бурлить и клокотать широкое море общественности.

С другой стороны выдвигается утверждение, что развитие научной мысли представляет собою всецело продукт общественных (в частности, экономических) отношений, что состояние научных знаний в каждый данный момент является простым отражением именно господствующих в данной общественной среде взглядов и настроений, и что если и можно говорить о руководящем свете науки, то лишь как о свете пловучего маяка, бросаемого волнами и увлекаемого незримыми течениями этого общественного моря.

Обе эти точки зрения одинаково некритичны и должны быть отвергнуты.

Тем не менее каждая из них заключает в себе известную долю истины, которую нам и предстоит отделить от шелухи тех ложных построений, которыми она в них облечена.

Прежде всего следует отметить, что даже поверхностное изучение истории развития научной мысли легко убедит нас в том, что в основе титанической борьбы человеческого духа на путях его научных достижений, в основе расцвета и увядания, возвышения и падения, слияния и столкновения научных школ и отдельных принципов и учений, лежали и лежат не одни только интеллектуальные моменты,—моменты бесстрастной оценки об'ективной удачности тех или других построений, но и моменты бесспорно эмоционального свойства; изучение всех перипетий этой титанической борьбы обнаруживает перед нами не одно только холодное сверкание отточенного оружия мысли, но и яркие вспышки чувства.

Да и понятно! Разве могла бы наука подняться так высоко па ступенях знания, преодолевая бесчисленные ряды препятствий, если бы носителями ее не руководила эта живая сила чувства, если бы не горело в их груди то священное пламя воодушевления, которое порождает высокие подвиги научного героизма, даже самую жизнь человеческую, складывающего к подножию трона истины, которое извечно над всеми голосами возвышает энтузиазмом звучащее: «E pur si muove!».

Но вместе с тем должно признать, что если наука самым порывом своим к свету высших откровений обязана этим эмоциональным силам, то им же она обязана и теми великими заблуждениями, которые связывали ее подолгу и снижали ее могучий полет.

Начала, формулированные учителем, часто получают в глазах его учеников и последователей значение, несоответствующее их действительной ценности. Окруженные в их сознании ореолом высшего авторитета, они становятся об'ектом воодушевленной научной пропаганды; их действие стремят-

ся распространить на все смежные области знания, вплоть до придания им универсального значения.

Принципы, резко противоречащие данной системе научных убеждений, представляющиеся вносящими в эту систему дисгармонию и расстройство, возбуждают против себя не менее воодушевленную оппозицию, не позволяющую порою разглядеть и признать то новое и ценное, что они в себе заключают.

И здесь, как и в других областях общественной жизни, имеют место свои революции, свои периоды застоя и возвращения вспять, и здесь эмоциональный момент, как скрытый двигатель, фигурирует за кулисами всех этих изменений.

Но кроме того, и сейчас это для нас наиболее важно, в силу тех же общих законов своего действия, эти эмоциональные силы открывают пути для влияния на развитие науки даже со стороны внешних по отношению к ней течений общественной мысли.

История дает тому не мало примеров и подтверждений.

Как целые философские системы, так и отдельные отрасли индуктивных наук сплошь и рядом оказываются могущественным потоком господствующих настроений в русло политических и социальных задач данной эпохи и даже определяются ими по содержанию.

Особенно сильно действие этих тенденций проявляется в моменты бурного кипения общественной мысли, в моменты политических катастроф и социальных катаклизмов.

Периоды четырех великих культурных кризисов человечества являются в то же время определенными вехами на путях развития научной мысли.

И тем не менее было бы поспешно заключить отсюда, что развитие науки есть лишь простая производная эволюции общественных отношений, что область научных знаний обречена служить простой ареной для борьбы внешних социальных сил.

Напротив того, внимательное изучение надлежащих явлений вскрывает перед нами все растущую сопротивляемость науки в отношении этих внешних влияний.

По мере постепенной позитивации научных знаний, по мере все большей дифференциации ее теоретической и практической областей разделения прежде смешивавшихся и переплетавшихся между собою задач формулировки желательного или должного и констатирования сущего, как оно есть,—по мере этих процессов в сознании ученых все глубже укореняется воззрение на науку, как на деятельность, вполне самодовлеющую и самоцельную, и в развитии ее получают возобладание самой сущностью ее обусловленные тенденции, и таким образом осуществляется постепенная **автономизация** научной мысли.

В настоящее время различные отрасли знаний достигли на этом пути различных ступеней.

Наиболее подверженной влияниям внешних течений остается попрежнему область социальной науки, проблемы которой тесно связаны с сокровенными чаяниями и ожиданиями, с глубокими разочарованиями и с заветными стремлениями человечества.

Вторым правилом можно установить то положение, что каждая научная дисциплина тем более автономна в своем развитии, чем больше число добытых ею рационализированных знаний, чем прочнее единство вырабатываемых ею методов и воззрений.

С обоих указанных точек зрения наименьшие результаты в этом отношении должны быть достигнуты как раз тою наукою, руководящий свет которой был бы особенно ценен человечеству в переживаемое нами время, высшею и наиболее общею социальною дисциплиною—социологиею.

Лишь во второй половине прошлого столетия вспыхнула на научном небосклоне звезда этой молодой дисциплины.

За короткий протекший с тех пор срок она приобрела большую яркость и ныне признается большинством за источник научного света первой величины. Социологическая литература разрослась чрезвычайно. Определились основные течения или школы, по которым группируется весь этот материал.

В Европе возникает множество социологических обществ; каждые три года то в Париже, то в Лондоне, то в Берне, то в Риме собирается «Международный Социологический Институт», в университетах Франции, Германии, Бельгии, Соединенных Штатов Северной Америки читаются курсы социологии; выходит целый ряд журналов по социологии; увлечение новыми задачами широких научных и общественных кругов может быть отмечено повсеместно.

Тем не менее до сих пор социологическая литература в значительной мере характеризуется чертами свойственными развивающимся, еще не сформировавшимся дисциплинам.

«Несмотря на самые похвальные усилия социологов,—пишет виднейший представитель современной социологии Е. де-Роберти,—не было найдено ни одного широкого обобщения, не было формулировано ни одного из тех основных законов, которые управляют крупными разрядами явлений и открытие которых знаменует переход от эмпиризма еще не сбросившего с себя ярма философского умозрения к точному знанию, свободному от подобной опеки».

Не менее характерное признание делает и другой видный социолог Э. Дюркгейм, заявляющий, что «социологи не вышли еще за пределы общих соображений о природе обществ, об отношениях мира социальных явлений к явлениям биологическим и об общем ходе прогресса».

Число подобных признаний можно было бы умножить до бесконечности. Ими обычно и открываются имеющиеся в литературе обзоры социологических учений.

Все это только подтверждает, повидимому, остроумное замечание Тарда, что младенца социологии ученые ухитрились окрестить раньше, чем он родился. И тем не менее должно признать, что если еще вчера по отношению к социологии действительно было применимо изречение:—quot capita, tot sententiae, то сегодня в ней начинает вырабатываться то единство методов и воззрений, которое, как уже отмечалось выше, является верным симптомом того, что недалеко уже время, когда социология в качестве вполне оформившейся дисциплины прочно займет свое место в системе наук.

И вот, казалось бы, что в условиях переживаемого момента, когда в гигантской лаборатории общественной жизни производится изумительный опыт, когда все силы общества приведены в движение и на наших глазах творят свою созидательную и разрушительную работу, когда дух истории каждое мгновение незримо витает над всеми нами, казалось бы вот момент для глубочайших изысканий, которые раскроют общий смысл и разыщут самые тонкие пружины сложного механизма общественной жизни, казалось бы,—вот момент для величайших социологических озарений!

Но не будем самообольщаться!

В самом деле, можно ли признать, что условия для производства глубоких социологических анализов сейчас благоприятны?

С большой осторожностью нужно подойти к ответу на этот вопрос.

Слишком тесно связаны эти социологические проблемы с теми настроениями, которые распространяются сейчас в общественной среде со странной заразительной силой, чтобы можно было нам гордым усилием сознания подняться на высоты истинного научного об'ективизма!

Слишком слаба автономизация социологической мысли, чтобы противостоять их могучим влияниям!

Слишком велика опасность, что социологические анализы сегодняшнего дня явятся лишь искусственной псевдо-мотивацией, рационалистической оболочкой тех движений, которые протекают в эмоциональных глубинах нашего сознания.

И не таковы ли они на самом деле, эти социологические анализы сегодняшнего дня!

Следует ли, однако, сделать из всего этого тот вывод, что сейчас вовсе невозможна хоть сколько-нибудь плодотворная разработка социальной науки, что мы должны на время вовсе отказаться от этой задачи?!

Отнюдь нет, и мы меньше всего к этому призываем.

Факт остается фактом: на наших глазах творится история; на поверхность социальной почвы проступают ее скрытые силы.

Может ли истинный ученый отказаться

от использования открывающейся возможности подлинной социологической экспериментации: сме͏ет ли он покинуть свой исследовательский пост, когда расширено и новым ярким светом залито поле его наблюдений?!

Но для того, чтобы работа его оказалась плодотворной, для того, чтобы были избегнуты те опасности, те подводные камни и рифы, о которых мы говорили выше, она должна удовлетворить некоторым существенным условиям.

Формулировать эти условия и является целью настоящей статьи.

Прежде всего для достижения подлинного об'ективизма, для достижения maximum'a плодотворных научных результатов, надлежит отказаться от попыток охватить протекающие события во всей их целостной сложности, с целью определить направление их развития и уразуметь их смысл и значение.

Усилия, направленные на выполнение этой задачи, неизбежно окажутся отвлечены на ложные пути, отвлечены действием тех глубоких эмоциональных диспозиций, с которыми эти события ассоциированы в нашем сознании неразрывною связью.

Выполнение этого условия, как ни трудно оно осуществимо, явится первым залогом того, что разработка социальных проблем потеряет обычный для нее в наше время публицистический характер, но будет проникнута тем специфическим научным духом, который только и достоин поставленной на разрешение задачи.

Осмысление происходящего не должно в этом случае явиться самоцелью. Оно должно лишь послужить материалом для научных индукций, обосновывающих наиболее общие законы и тенденции развития общественной жизни—законы, установление которых и является самою существенною и вместе с тем самою благородною задачею социальной науки.

Нужно отказаться от немедленных попыток ставить отдаленные социальные прогнозы!

Нужно отказаться от попыток составления всеисцеляющих социальных рецептов!

Ибо, встав на этот путь, мы рискуем тем, что наши доводы, в какую бы quasi-научную форму мы их ни облекли, окажутся лишь самообманом, суррогатной, искусственной мотивировкой положений, которые продиктуют нам наши желания, и что все наши конструкции будут тем самым лишены всякой теоретической ценности.

Мы должны отказаться от постановки задач, выдвинувшихся на первый план в нашем сознании; мы должны отказаться от разрешения проблем, наиболее сейчас волнующих и интересных.

Мы должны отыскать для определения важности этих проблем другой критерий.

И отыскать его не составит большого труда.

Обратимся к истории науки!

Пусть она продиктует нам наши задачи!

Проследим развитие ее методов.

Углубимся в скрытый смысл борьбы ее противоположных течений, и нам станут ясны эти очередные наметившиеся в ней к разрешению задачи.

Пусть сюда направятся усилия ученых! Пусть непрерывные в своем течении, неразрывные в своем единстве, брызжущие жизнью события современности станут для них тем мертвым материалом, из которого они сумеют извлечь лишь то, что необходимо для возводимой ими научной постройки.

Каковы же эти очередные задачи социальной науки?

Само собою разумеется, что в пределах журнальной статьи нельзя с должною полнотою ответить на этот вопрос.

Поэтому мы остановимся на нем лишь в самых общих чертах.

Но для того, чтобы определить основные тенденции развития социологических учений, нет надобности углубляться в дебри давно минувшего и на листах пожелтевших фолиантов разыскивать зародыши тех идей, расцвет которых мы наблюдаем в наше время.

Как засушенные семена между страницами забытых книг, хранились эти зародыши-идеи, пока заботливая рука не извлекла их, и под живительными лучами брызнувшего на них яркого света они не ожили и не дали наконец свои ростки.

Гений великого Конта явился для них этою животворящею силой, и поэтому именно с него начинается подлинная эволюция социологической мысли.

Именно в его учениях мы находим, как в фокусе, собранным все, что было сделано социологическою мыслью до него; именно в его учениях оказались удивительным образом подведены итоги всему разрозненному достоянию прошлого; именно он, силою своего гения, дал этим, собранным воедино учениям могущественный толчок к новому быстрому и плодотворному развитию; именно к нему все позднейшие социологические школы восходят как к своему неизменному источнику!

Бросим наш взгляд с высоты: какие из этих течений иссякли на первых порах, оставив после себя лишь засохшее русло, слабо намечающее путь, по которому они тщетно пытались пробиться в широкое море научной истины, какие еще бурлят и пенятся в могучем потоке, пробивая свою дорогу!

Начало этой эволюции знаменуется торжеством органической школы. Как внутренние тенденции развития науки, так и ослепительный блеск новых великих открытий в смежной отрасли—биологии—равно обусловили это торжество.

Великий Спенсер изложил новое учение в стройной, эффектной системе.

Целый ряд авторитетных ученых связал с этим учением свои имена.

Не здесь ли—основная задача науки? Не здесь ли—вернейшие пути к ее разрешению?

Отрицание будет ответом на этот вопрос. Обращаясь к развитию органической школы, мы должны признать, что Спенсер, ее признанный основоположник, сказал в ней вместе с тем и последнее слово. Ни одной новой мысли в развитие органической аналогии не находим мы у его последователей, ни даже сколько-нибудь углубленной разработки унаследованного от него материала.

И в той мере, в какой они все же идут дальше Спенсера, в какой их работы имеют самостоятельный интерес и значение, в той мере они сходят с почвы голых аналогий и становятся на иные пути.

Органические воззрения, таким образом, не обнаружили способности к дальнейшему расцвету; органическая школа, долго еще многочисленная в своих представителях, внутренно определенно склонялась к упадку, так как большинство из них, исповедуя школьную доктрину в ее застывших формах, не в ней находили источник подлинного научного творчества, сознательно или бессознательно обращаясь к иным методам для разрешения социологических проблем.

В стороне от основного направления пролегает русло дарвинистической социологии. Поток ее оскудел и иссякает, просочившись сквозь почву.

Не слились с основным течением и другие школы: механическая, в абстрактных законах механики искавшая об'яснения специфических социальных проблем; антропо-географическая, вопрошавшая застывшую в своем безмолвии природу; экономическая, продолжавшая гнилую метафизическую традицию, лозунгам своей практической политики обязанная своим распространением.

Только первоначальною слабостью основного потока, с трудом пробивавшего свой новый путь в скалистой почве, следует об'яснить возникновение этих боковых течений, питавшихся другими источниками, тяготевших к более легким, уже протоенным, путям.

Истинным продолжением новой социологической традиции явилось учение так называемой нео-позитивной школы с нашим знаменитым соотечественником Е. де-Роберти во главе. Ученые этой школы хорошо понимают, что пытаться об'яснять факты социальной жизни законами биологии, что искать этих об'яснений в застывших формах окружающей среды, или факторов эволюции в ее вторичных продуктах, это значит упустить при изучении этих фактов как раз то, что в них по существу социально.

Они об'являют, что углубленный анализ открыл им новый вид энергии, новую могущественную силу, лежащую в основе и регулирующую ту быстротечную смену явлений, которую мы именуем социальным прогрессом.

Это—особый вид психической энергии,

проявляющейся в процессах психического взаимодействия между людьми, это—«общественное сознание», — «коллективное «я»,—«общественный психизм».

Эта школа дала много ценных открытий.

Но разрешить основную проблему она все же оказалась бессильной.

Ибо, олицетворив движущие силы психического общения в понятии единой, верховной, над-индивидуальной силы, она отказалась глубже проникнуть в природу этого общения, отказалась его об'яснить.

Но проблема была намечена.

Непосильная для старых борцов, она воодушевила легионы новых, которые начертали ее на своих боевых щитах.

И всеми дальнейшими завоеваниями своими социология обязана именно этой новой генерации социологов психологической школы.

Появились блестящие работы Тарда, в учениях которого о «подражании» уже наметились в тумане контуры заветных берегов.

Психиатры на новую почву перенесли свои исследования о внушении, значение которых для социологии становилось все более очевидным

Наконец, в аудитории нашего Петроградского университета прозвучало новое слово гениального русского философа-юриста проф. Л. I. Петражицкого, с небывалою дотоле глубиною и силой трактовавшего природу психических взаимодействий *).

Лишь на этих путях, возможны дальнейшие триумфы социологической мысли!

Не ясно ли теперь, в каком смысле события современности могут явиться драгоценным источником социологических наблюдений?!

Не ясно ли, что именно для общественно-психологического эксперимента открывается широкое поле?!

Проследить пути распространения и нарастание силы общественных настроений; установить их связь с условиями данной общественной среды; установить их связь с теми лозунгами, которые оказались начертаны на колеблющихся знаменах, под сенью которых они протекли; вскрыть их глубокие мотивы и определить степень их заразительной силы; наблюдать стихийные эмоциональные взрывы и те психологические реакции, которые неизбежно идут им на смену,—вот задачи, выполнение которых даст материал для ценнейших социологических индукций и позволит, наконец, уразуметь сущность психического взаимодействия между людьми и установить его законы. И не должно быть никаких промедлений!

Психологический материал лишь в актуальном виде ценен и ярок. Но быстро тускнеют оставляемые им следы.

Наши потомки не смогут, изучая эти следы, восстановить в своем сознании тех переживаний, в огне которых расплавлен наш мозг и испеплено наше сердце.

И не должно быть никаких сомнений! Пусть не смутит нас упрек, что мы лишь созерцатели великого пожара Рима.

Созерцая багровое пламя, мы сумеем провидеть в нем для человечества перспективы нового, прекрасного Рима.

Пусть не будет колеблющихся в стане рыцарей нашей науки!

Пусть будут глухи они к страстным зовам, влекущим их на другие пути!

Пусть немеркнущим светом сияет им гордый девиз—бесмертные слова великого Спинозы: «Не плакать, не смеяться, но понимать!».

П. Ю. Яновский.

*) Подробному изложению и разбору социологических воззрений проф. Петражицкого в связи с изложением собственных взглядов на этот предмет автор этих строк намерен посвятить в ближайшем будущем большую работу. В ней-же найдут подробное развитие схематически намеченные здесь взгляды на историю развития социологической мысли.

БЕЛОРУССЫ И БЕЛОРУССИЯ.

Белоруссия из всех славянских стран выделяется богатством своих мифологических преданий и обилием своего песенного творчества. Белорусский фольклор, отличаясь разнообразием поэтических форм и мотивов, а также и глубиною содержания, дает белорусскому народу несомненное право претендовать на почетное место в кругу высококультурных и богато одаренных народов арийской семьи.

Как сербский и болгарский народы, так равно и белорусский народ в своем поэтическом творчестве неразрывно связаны со своим далеким прошлым, именно с тем седым прошлым, когда они, будучи беспомощными, преклонялись перед грозными и животворными явлениями природы, как перед видимыми проявлениями непонятной и неусвоенной ими сущности... Мифологические предания и песни, которые поются белорусским народом в продолжение тысячелетий, несомненно относятся ко времени язычества. Не только песни и предания убеждают нас в этом, но и обрядовые обычаи, таящие в себе много нитей, связывающих современность с отдаленнейшим прошлым. В сказанном легко убедиться, если проследить целый год жизни белоруса.

Начнем с Коляды, самого поэтического и древнейшего из славянских праздников, имеющего несомненно мифологическое значение. Коляда или Колядка празднуется с 24 декабря по 1 января, в некоторых местах продолжается до Крещенья. Белорусская Коляда вполне соответствует сербскому Божичу, новорожденному богу, который в этом смысле весьма близок к таинству белорусской Коляды. Обрядность разнится, но сущность та же — рождение нового Божича (солнца), победа света над тьмою, первый радостный праздник солнца, торжество солнцеворота. Как у белоруссов, так и у сербов и у многих других славян— убиение ко-Ладе кабана, считается необходимостью. Мифологическое значение Коляды явствует из песен, исполняемых белорусскою молодежью в Рождественские святки. Белорусс, среди морозной зимы, с мятелями и вьюгами,—когда дни постоянно убывают, а ночь застилает перед ним всю природу, когда вещий вой волков в лесной глуши пугает детей и взрослых,—мрачно проводит декабрьские дни среди своих дремучих лесов и пустынных болот. В это время происходит в окружающей его природе титаническая борьба добра со злом, света с тьмою; что это время безусловного господства Ситиврата (Карачуна), повелителя морозов, Зюзи, как его теперь называют белоруссы. Он ведет борьбу со светозарным богом Перуном. Но близится праздник солнцеворота; подземный царь предчувствует, что должен родиться Божич, светлое солнце, и что тогда уже борьба немыслима. Сативрат стремится погубить новорожденного и потому гоняется за женой Перуна, Громовницей, долженствующей снизойти на землю, родить Божича, т. е. Дажбога или солнце. Громовница в понятии белорусского народа отожествляется с Колядою, которая, удачно прячась от Ситоврата в ивняках, рождает Дажбога. По представлению белорусса, бог Зюзя сед, с длинною бородою, с босыми ногами, в белой шубе, без шапки, с железною булавою. Чтобы его задобрить, чтобы он не был лют, ему оставляют кутьи, а еще чаще «гаспадарь» первую ложку кутьи бросает за окно, приговаривая: «Мороз хадзі куцью есьці». Особенно накануне Нового года ему откладывают кутьи в особую миску и оставляют ее на ночь на столе, уверяя, что Зюзя придет «поесьці куцы». Большую часть зимы Зюзя проводит в лесу, а иногда посещает и деревни, и каждое его появление предвещает жестокую стужу. Когда Зюзя рассердится, он ударяет своей булавой в пень—и пошли трескучие морозы

Рождественские праздники повсеместно в Белоруссии (от Белостока до Белого, от Режицы до Речицы, от Двинска до Пинска, от Трок до Стародуба, от Беловежа до Брянска), как у православных, так и у католиков, начинаются 24 декабря, в сечельник, «куцьею». Вымывшись предварительно в лазни, после заката солнца, собираются семьями в домах, придвигают «к куту» (к углу) стол, на нем расстилают сено, покрывают белою скатертью и на ней ставят заготовленные блюда с куцьею преимущественно из гречи, ячменя, пшеницы, гороха, ржи а у некоторых, более зажиточных, бывают «блінцы», кроме «куцьи и блінцоу» к столу подается еще различных сортов рыба, смотря по достатку. Куцья во все продолжение обеда стоит на столе с сытою и потом ее подают и в конце обеда, как равно и овсяный кисель. Под скатертью непременно подстилается сено. «Гаспадарь» сам накладает куцью, поливает сыту, поздравляет своих домочадцев с праздником, вспоминает покойников (небощикоу) и затем, как уже было упомянуто выше.

бросает лыжку куцьи у кут Зюзе... В Минской и Могилевской губ. в некоторых местах приглашают «дзядоу», т. е. почивших родителей и дедов, поесть, приговаривая: «Дзяды, дзяды хадзіце куцью есьці». В промежутках вытаскивают из-под скатерти сенную былинку, и по длине ее заключают о будущем росте льна. После еды бегут смотреть, протоптаны ли тропинки дочерна и много ли звезд на небе. Первое предсказывает обильный сбор гречихи, а последнее—хороший приплод скота. Осматриваются также древесные ветви: если они покрыты инеем, то будет хороший урожай садовых плодов. Если в этот день оттепель, то санная дорога продлится до половины марта и притом будет ранняя весна и изобильное лето. Когда пожилые гадают о погоде и урожае, девушки в то же время прислушиваются к лаю собак: откуда он слышен, оттуда явится жених. Потом бегут к соседним домам и подслушивают под окнами. Радуются, когда подслушают слова: «ну ідзі, браце, досыць сядзець»... Приходят в отчаяние, если услышат, что гостя упрашивают еще посидеть. Но всего ужаснее, если услышат слова: поп, свечи, доска и т. п., ибо это предвещает близкую смерть самой подслушивающей или ее суженому. Те, которым не удалось подслушать и разгадать свою судьбу, берут охапку дров, или обхватывают простертыми руками плетень и потом считают число полен или кольев: четное число предсказывает замужество, нечетное—беду; весь год никто не посватается. В этот вечер связывают у скота ноги, ччтобы скот не перескакивал плетней и не стаптывал посевов, а также, чтобы рои пчел не уходили. Женщины в это время свивают, как можно крепче и тщательнее клубки, ибо это увеличивает «качны».

Нельзя в это время сгибать обручей, поводьев, ободьев и полозьев, ибо это имеет дурное влияние на скот. Нельзя связывать помела для выметанья печей, ибо от этого произойдет пожар или гром ударит в дом.

Кутья («щедрік») повторяется накануне Нового года, но уже скоромная, непременно с колбасами и обильною выпивкою. Третья кутья бывает накануне Крещения. В этот день в Белоруссии соблюдается строгий пост и даже во время кутьи нет того обилия яств и питья, которые необходимы накануне «Коляды» и «Щедріка»... По вечерам, во все дни рождественских праздников, селяне тихо и мирно проводят у себя дома у очага «святые вечера»...

После праздников Коляды, приблизительно в Сретенье, 2 февраля, наступают праздники в честь Громовницы, жены Перуна, т. е. белорусской Упоци. Как богиню лета, белорус изображает ее красивой полной женщиной, с головой, убранной спелыми колосьями, и с плодами в руках (это изображение напоминает Живу или Сиву, которой поклонялись поморяне и чехи).

На Громницу освящают свечи, каковые должен иметь каждый правоверный белорусс-христианин.

Если на Громницу мороз (и большой), то снег не долго пролежит, весна же и лето немного обещают хорошего. Чаровницы и ведьмы страшно боятся громницы, освященной свечи и, когда имеют к ней доступ, грызут ее зубами.

Масленица (те же Сатурналии и Вакханалии) в Белоруссии, как и у всех славян,—продолжение тех же Колядок и служит завершением ее празднеств.

Велик-день (Пасха), народный праздник в Белоруссии. Пост,—истинно в большинстве случаев строго соблюдаемый и доводящий многих до истощения, заставляет ожидать с нетерпением этого праздника, к которому каждое семейство старается непременно заготовить «свенцоное» Необходимая принадлежность свенцоного у селян—яйца, окрашенные красною краскою, кулич, сыры и колбасы, венчики, поросенок и т. д. С Пасхою в мифологическом значении соединяется трогательное, глубоко древнее, арийское представление Rädh'ы, напоминающее славянскую Радуницу, обновление природы весною, сродственное с Рада-гостом, величественный храм которого, описанный Адамом Бременским, находился в Гетре. Радоуніца имеет высокое значение: с весенним обновлением природы, она пробуждает память о почивших отцах и дедах. Она и до сих пор сопровождается торжественными поминками по умершим, совершаемыми во вторник на Фоминой неделе. Ночью под Радоуніцу белоруссы поминают своих покойников—дзядоу, приносят им жертву, бросая под стол «блінец» и произнося при этом слово: «хаутуроч».

Вслед за Радоуніцей следует весенний праздник «Ляльнік». Значение его, как равно обрядов и игр в день св. Юрия (Георгия), 23 апреля, определительнее и яснее других мифических праздников.

У белоруссов весна называется Лёля или Лиоля; но настоящая богиня весны, конечно, известная Лада, к которой и обращаются в песнях и воззваниях. Лёля—юная, стройная, красивая девица. Когда белорусс хочет похвалить красоту девушки, то говорит: «Прыгожа, як Ляля!». В честь Лёли (Лиоли) бывает праздник накануне св. Юрия. Девушки собираются от всей деревни на просторном лугу. Они избирают из своей среды самую красивую, наряжают ее в белую рубаху, шею, руки и стан украшают зеленью, а на голову кладут венок из весенних цветов. Потом ее сажают на приготовленном возвышении, устланном зеленым дерном. У ног ее кладут зеленые венки, ставят хлеб, молоко, яйца, масло, творог, сметану. Девушки, взявшись за руки, окружают Лиолю хороводом и поют песни. Заклинание весны поется обращением к самой богине Ладе:

«Благословi, мацi
Ой, Лада, мацi!
Вясну заклiнацi»,

С окончанием праздника Ляльника, непосредственно начинается торжество сына Лады и Дажбога (Солнца)—Ярилы (Юрий в христианстве заменил Ярилу).

В представлении белоруссов Ярило воплощается в образе красивого юноши, раз'езжающего на белом коне и в белом плаще; на голове у него венок, в руках колосья, ноги босые. Ярило—бог плодородия и чувственной любви. В Юрьев день Ярило по приказанию матери отворяет ворота неба и на белом коне приезжает на землю, а с его появлением начинается настоящая весна. В этот же день в первый раз выпускают селяне скот в поле. Празднества Ярилы сопровождаются хороводом, песнями и игрищем. Очевидно, в древности совершение языческих браков и умычек соединялось с празднеством Ярилы. После празднеств в честь Ярилы наступают празднества Семика (семика), совпадающего с христианскими празднествами Св. Троицы, и Св. Духа. С этим древне-славянским праздником неразлучно связан обряд кустов. Есть, что-то трогательное и высоко-поэтическое в этом чествовании весны. Народная белорусская поэзия видит в месяце мае и начале июня благословенные дни, когда Цвоця и Лиоля, поработив мрачные силы, нисходят на землю, чтобы обновить, оживить природу, украсить ее цветами и зеленью. В Семик не только дома внутри и снаружи украшаются молодыми березками, но даже рога скотины обвиваются зеленью. Предание о русалках лет за 50 перед сим живо еще было в Белоруссии; русалки почитались недобрыми духами. Праздник русалок начинается на другой день Троицы рано утром. Молодежь собирается в рощах, особенно на берегу реки или озера. Девушки на ветвях дерев свивают венки, каждая столько, сколько у ней парней на примете. Те же русалки, но уже под именем Свитезянок, известны в Минской губ., в Новогрудском у. По дороге из Новогрудка в м. Городище, среди раскинувшихся живописно курганов и лесов, встречается круглое озеро, назыв. «Свитязь», окаймленное могучими вековыми дубами, плакучими ивами, кленами, сгибающими и далеко расстилающими свои ветви над поверхностью озера и отражающимися на далеком пространстве. Вода озера чистая и прозрачная, а виднеющееся дно усыпано цветными камнями.

9-го мая праздник св. Миколы Мокраго. На него перенесено языческое представление морского бога, царя водяного—Стрибога. В представлении белоруссов он хитрее и добрее Перуна, этот бог является также покровителем земледелия, ибо Стрибог не считался еще богом ветров.

После Колядок замечательнейшим народным праздником в Белоруссии считается праздник Ивана Купалы, христианское Усекновение главы Иоанна Крестителя, сохранивший еще до сего времени яркие следы язычества. Купалой в Белоруссии заканчиваются весенние праздники и прекращается высокое значение Лиоли (Лады), хотя в сущности еще перед сим

Цвеція (Сава) уже начала свое летнее господство. Миф Купалы определяется весьма ясно. Купала—та же Лада, или белорусская Ляля (Лёля). Древние белорусские песни указывают даже на женитьбу Дажбога на Ладе—морской царевне. Дажбог увидел с неба Ладу и влюбился в нее. Лада ездила по морю в золотой лодке, гребя серебряным веслом, и плескала водой на Дажбога. У нее золотая коса. Дажбог едет к морскому царю, чтобы жениться на Ладе, но морской царь, Стрибог, относится к этому отрицательно. Празднество Купалы совершается в ночь с 23 на 24 июня. В Могилевской, Минской и Витебской губ. торжество Купалы сохранилось в первобытной своей чистоте, более наглядно и своеобразно, нежели в других славянских землях. Вечером, 23 июня, все население села или деревни выходит в поле, к реке, к озеру или хотя бы к ручью. Избрав пригодное место, вбивают большой кол, наверху привязывают сноп, обкладывают соломою, на которую бросают прутья, полена, хворост и т. д. Потом зажигают, одни скачут через костер, другие бегают кругом, непременно три раза. Бросая прутья в огонь, приговаривают: «Каб мой лен быу так вялік, як гэтая хвараcьціна»

Девушки между прочим, поют:

Купала на Ивана
Гдзе Купала почевала?
Купала на Ивана,
Купала на Ивана,
Што Купала уживала.

Скачка через огонь усиливается, когда костер истлеет до половины, но женатые и вдовцы лишены этого удовольствия. При восходе солнце 24 июня поют:

Иван да Марья
На горе купаліся.
Гдзе Іван купауся
Берег колыхауся.
Гдзе Марья купалась
Трава расстілалась.

Смысл песни тот, что Дажбог и Лада (Лёля) купались на небесной выси и когда по народному преданию, море (а следовательно и берег) колебалось от вступления в него Дажбога, Лада расстилала по полям травы.

Травы в эту ночь играют важную роль и получают особенное символическое значение. Первое место, конечно, принадлежит папоротнику, или Перунову цвету. На папоротник, по народному преданию, нисходит огонь Перуна и вспыхивает ярким цветом. Это и есть воображаемый цвет папоротника, и отсюда составилось мнение, будто бы он цветет только раз в год, в полночь на 24 июня. Кто сорвет этот цвет, тому открыты все тайны природы, и злые духи должны ему повиноваться. Нелегко сделаться обладателем волшебного цветка: рать Чернобога употребляет все адские ухищрения, чтобы воспрепятствовать этому. Селянин-белорусс верит, что в эту ночь клады, зарытые в земле, являются на поверхность, как светящиеся огоньки в кустах и в особенности в папоротнике, в виде воина и т. п. На страже каждого клада стоит чорт, принимая на себя различные виды, и только в редких случаях, когда надобно напугать смельчака, являясь в собственном виде. Черти являются и не в одиночку, а малыми стаями. Они прыгают вокруг искателя клада, сверкают огненными глазами, бьют его по лицу длинными хвостами, цепляются за волоса когтями; слышится вой, рев, свист. Чаровницы в эту ночь тоже выкидывают разные шутки: поят коров росою и этим отнимают у них молоко. Много чаровниц отправляются на шабаш на Лысую гору и для этой цели похищают лошадей. Не один папоротник играет важную роль в Купальскую ночь. В это время собираются разные зелья, травы и былины, как для украшения и плетения венков, так равно и лекарственные. Собираются васильки, любимые в Белоруссии, рута, Иван-да-Марья, бражник, дягель и др. К празднованию Купалы применены наиболее значительные ярмарки в крае, а именно, к этому времени приурочены ярмарки в Минске, Борисове, Лоеве, Пинске, Свержене, Грозове, Турове, Лядах, Шклове, Быхове, Бешенковичах, Ѳене и др. местах.

Купальский праздник в Белоруссии со всеми обрядами,—песнями, поверьями, легендами—вполне олицетворяет поэтическое творчество народа, его любовь к природе, к заветным обычаям отцов и дедов. Почти повсеместно в Белоруссии уцелели старинные обряды и обычаи, правда, перепутавшиеся с христианскими наслениями и представлениями: так, например, чучело Лады (Лёли) топится в реке или в озере, и к утру селяне перед восходом солнца совершают обряд очищения, бросаясь в воду, а затем бегут смотреть, как играет восходящее солнце. Народ верит, что Днепр, Березина, Сож, Двина, Неман и др. реки серебрятся в это время каким-то необычайным светом, что деревья сходят со своих мест и ведут промеж себя тайные речи. Говор цветов, деревьев, птиц и животных слышны и понятны тому, кому удастся добыть цвет папоротника. Даже роса в Купальскую ночь обладает живительными и целебными свойствами.

С празднеством Купалы у белорусской интеллигенции соединено торжество возрождения белорусской идеи, и цветок василька является символом пробуждения белорусского народа к самостоятельной самодовлеющей белорусской культуре, которая должна дать ростки от старых культурных народных корней и разростись в пышное дерево общечеловеческой культуры...

К летнему господству Цвеци-Савы относятся, если не столь поэтичные, как весенние праздники, зато самые величественные и торжественные. 5 июля праздник Велеса, т. е. Месяца, бога стад, покровителя пастухов, к которому они обращаются со своими молитвами. В загадках его называют лысым волом. Принадлежности Велеса—свирель и дудка. В то же время он—бог творчества. Певцы—это его внуки, как говорится в памятнике художественного устного белорусского народного творчества (XII стол.), в «Песне о полку Игоря».

Миф Велеса в Белоруссии не вполне определителен. Сохранилась любопытная легенда у белоруссов, намекающая, что женою месяца была Денница.

Перебор Місячек, перебор!
Всех зірочек перебрау.
Одну себе зірочку сподобау
Хаць яна і маленька,
Да ясненька
Між всех зірочек значненька.

20 июня—праздник Ильи пророка. Самое совпадение этого дня с началом жатвенной поры связало св. Илью с Перуном-громовержцем, но вместе с тем и плододавцем, которого чествовали во времена язычества, именно, в эту пору. Перун—могучий цар небесный, которому Белбог вручил небесный молот, чтобы вечно вести борьбу с Чернобогом и его бесовскою ратью.

Перун, по представлению белоруссов, величавый, статный, высокого роста, с черными волосами и длинной золотой бородой. Восседая на пламенной колеснице, он раз'езжает по небу, вооруженный луком и стрелами. Его гремящий лук—каменный молот, иногда радуга. Его стрелы—молнии. Ими он сокрушает вражеские полчища Чернобога. Они нагромождают чреватые тучи, чтобы затуманить солнце, сорвать месяц, совместить в тучи напиток жизни—воду. Перун одним ударом своего каменного молота разбивает тучи, и оплодотворяющая вода обильно льется на землю. Бесы бегут на землю, но и здесь их настигают стрелы Перуна. Бесы знают, что Перун любит человека и щадит его: поэтому они бросаются в жилища людей, чтобы спастись среди них, но в таких случаях Перун поражает и жилище человека, а если случится, что стрела постигнет и человека, то боги наградят его за то в будущей жизни. Вот почему белоруссы не решаются спасать погибшего от грома, т. е. до выезда Перуна на небо. Духи, подвластные Перуну, носятся по полям и лесам на ретивых конях с быстротою стрелы; противники же их, т. е. темные силы, чернобоги, в образе хищных птиц, производят ветры и бурю.

С наступлением осени, господствующим мифическим представлением и притом исключительно белорусским, является Жыцен. Жыцень принадлежит к разряду эльфических духов. Белоруссы описывают его малорослым, худощавым стариком. У него суровое выражение лица, на лбу три глаза, на голове длинные вз'ерошенные волосы. Назначение Жыценя весьма определенное: он способствует росту и созреванию хлебов и овощей. Он расхаживает по полям и огородам и наблюдает, хорошо ли ведется хозяйство, а после снятия хлеба и овощей—все ли как следует убрано. Тут же творит он суд и расправу: коль скоро заметит, что в известном участке оказывается много колосьев не срезанных

или разбросанных, он собирает их, связывает в снопы и переносит на участок того хозяина, у которого все в порядке и все убрано, как следует. Но этим суд не оканчивается: последствия скажутся на следующий год,—у нерадивого хозяина все пропадет, а у старательного, на участок которого он перенес снопы,—будет обильный урожай. Жыцень расхаживает иногда по дорогам, в виде нищего, с нищенской сумой. Встретив прохожего, он грозит ему пальцем. Прохожий, конечно, узнает его, и тотчас расходится широкая молва, что Жыцень грозил неурожаем:

Жыцень с кобзою—голод на двор.

По другим поговоркам: «Жыцень хлеба не дау», или «бардзем на Жытия, калі в засекі не прытке».

С половины ноября начинается господство Зюзи. Зима на пегих кобылах, встает на ноги, кует морозы, ставит по рекам мосты и выпускает на землю подвластных ей духов.

У белоруссов, кроме главных представлений, существуют еще мифы, связанные с тем или другим праздником, но действующие постоянно во все времена года. Народная фантазия приковывает к ним разные случаи повседневной жизни, боится их, или почитает их, хотя в христианстве уже не находим применения их к святым. Так., например, у белоруссов существует Жижаль, дар огня, живущий где-то в преисподней. Но он страшен, являясь на поверхности,—ибо он-то и производит лесные пожары. Надобно полагать, что у белорусов Жижаль заменяет славянского Сварожича, о коем у них не сохранилось никаких преданий. Древнемифическое существо Чур пользуется особенным уважением у белоруссов. Чур белоруссов—бог, оберегающий границы поземельных владений. Бугры или небольшие курганы, насыпанные на границах участков, как межевые знаки, состоят под особым попечением Чура,, и никто не посмеет разрыть такой бугор из опасения разгневать божество. В то же время Чур является домашним пенатом, так что каждый дом, каждое семейство имеет своего Чура, охранителя домашнего очага, преследующего и отгоняющего демонов мрака. Другая форма чур—есть щур, от слова пра-щур, родоначальник, предок,-что вполне соответствует мифу бога Чура. Известны на Белоруссии и Лешие. Они родственны с домовым, с водяным, с русалками, с воздушными бесами; словом, со всем тем, что известно под именем «чортовня». Леший ростом равняется с самыми высокими дубами и другими деревьями, но, когда появится на поляне, он ровен с травою. Он всегда хромой и лысый, и потому его называют «лихим», «нечистым». Их много пород: колдычи, плескун, доброхот и проч. У каждого свой характер, свои владения и свои обязанности. Лешие замучивают людей, особенно в сильную стужу. В числе древних преданий у белоруссов сохранилась память и о главном, добром боге, Белбоге, отце Перуна, которого они зовут Белуном. О величии и высоком значении Белбога у них смутное представление. Белорусс уверяет, что Белун иногда нисходит на землю, что он является старцем с длинною белою бородою, в белой одежде и с посохом в руках. Он милостив и творит добро. Про удачливого человека на Белоруссии говорят: «мусіць посябруся з Белуном». У белоруссов еще известны домашние бесы, преследующие и наводящие на них болезни. Есть еще женские духи—сестры. Водяной дух называется Водзяником, земляной—Хлаупіком, домашний—Дмовік; леший—Ляснік и сторож кладов—Сатана или Проклятый. Король кошек называется Варгій, петухов—Будзімір, мышей—Подпор.

Д. Соболевский.

БЕЛОРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ И РЕЛИГИЯ.

Когда вы спросите неграмотного белорусса, который дальше своего уездного города нигде не бывал, какой он народности, то получите неопределенный ответ, приблизительно следующий.—Я тутэйши тубалец (т. е. здешний коренной житель), чалавек просты, а у волосци кажуць, што русын.—Если не в таких выражениях, то во всяком случае по смыслу почти одно и то же ответят простолюдины в разных местах Белоруссии.

Но никто из них, будучи незнакомым с книжной терминологией, не назовет себя белоруссом.

Уже скорее многие из белоруссов, коль скоро они исповедуют православную религию, считают себя русскими, да и то только потому, что так их называют ближайшее начальство и волостной писарь.

Те же белоруссы, предки которых были униатами, и те, кои исповедуют римско-католическую религию, считают себя поляками, а в Виленской губернии даже литовцами.

Та или иная религия является в Белоруссии единственным признаком, по которому простолюдины различают национальности. В некоторых случаях такой признак близок к истине: так, например, почти все поляки исповедуют римско-католическую религию или ее мариавитскую секту; евреи, кроме принявших христианство, все—иудейской религии. Но по отношению к белоруссам такой прием определения народности совершенно неприменим, так как в Белоруссии принадлежность к той или иной религии обусловлена многими чисто историческими и экономическими факторами. Как известно, на протяжении целого ряда веков Белоруссия по частям переходила под власть то того, то иного соседнего государства. Каждое государство, владея частью Белоруссии, старалось насильно обратить подвластных белоруссов в свою господствующую религию. Особено тяжелый гнет в этом отношении пришлось перенести белоруссам после соединения Литвы с Польшей, когда польское духовенство всеми зависящими от него средствами всюду насаждало католицизм, а вместе с тем и полонизировало белоруссов. Для той же цели изобретена была и уния.

Кроме того, тяжелая экономическая зависимость белоруссов от польской шляхты сильно способствовала тому, что многие простолюдины обращены были в униатов и католиков.

Но, несмотря на все это, справедливость требует сказать, что, к чести белоруссов, они стойко выдержали невыносимый гнет в течение целого ряда веков и все-таки в чистоте сохранили свой язык, обычаи и весь уклад домашнего и хозяйственного быта. Может быть, ни один славянский народ не сохранил так свои бытовые черты, как это до последнего времени удержали белоруссы во многих глухих местах своей обширной земли.

Вот почему в Белоруссии та или иная религия не может служить показателем принадлежности носителя этой религии к известной национальности.

Как было указано выше, белоруссы католики и бывшие униаты только по недоразумению причисляют себя к полякам или литовцам, точно также православные белоруссы ошибочно называют себя русскими в смысле великороссов, тогда как по языку и по всей совокупности своих бытовых особенностей как те, так и другие принадлежат к особой славянской народности, которую принято называть белорусской.

Мы не будем вдаваться в рассмотрение, почему эту народность называют белорусской и насколько такое название соответствует действительности. Это завело бы нас слишком далеко, чего не позволяют нам ни об'ем настоящей заметки, ни наши силы.

Но мы, основываясь на многолетних личных наблюдениях в разных местах Белоруссии, еще раз повторяем, что этот народ, как таковой, никогда не называет себя белоруссами, но считает себя «тубальцами» своего края, а обитателям разных местностей приписывает различные названия, как например, живущим в лесистой части Белоруссии дает название «полешуков», занимающих полевые места, присваивает наименование «полевиков» или «линьвинов», так как полевая часть Белоруссии граничит с Литвой, и т. п. Вследствие того, что сам народ не называет себя общим определенным именем и даже часто по случайным религиозным признакам причисляет себя к чужой народности, чуждой по языку и по всем бытовым чертам, нередко является путаница в распределении народностей той или иной местности.

Особенно большую путаницу в этом отношении вносят мало подготовленные статистики, которые православных белоруссов относят к великороссам, а католиков—к полякам или к литовцам. К сожалению, все бывшие всеобщие народные переписи чрезвычайно страдают указанным недостатком, почему мы в настоящее время даже лишены возможности выяснить точное количество всех белоруссов.

Будем надеяться, что при будущей все-

общей или частичной переписи при опросе и заполнении статистических листов будет обращено внимание не на религию опрашиваемого лица, а на его язык и общую совокупность бытовых черт.

А. Сержпутовский.

К ВОПРОСУ О БЕЛОРУССКОЙ ОРФОГРАФИИ.

В настоящее время, когда не только все народности Европы, но и других частей света поднимают вопрос о своей самобытности и борются за свою самостоятельность или автономию, по нашему крайнему разумению, белоруссам, как нельзя более, своевременно подвести итог тому, что у них сделано в культурном и просветительном отношении и что надлежит сделать в ближайшем будущем, как самое неотложное.

Не будем скрывать от себя того печального факта, что в отношении возрождения белорусского самосознания пока сделано очень и очень немного. Не говорю, чтобы у белоруссов в этом отношении не было стремления или чувствовался недостаток в культурно-просветительных деятелях, напротив, была богатая нива и не мало сеятелей. Но, как известно, все эти начинания при прежнем режиме встречали непреодолимые препятствия. Белорусские писатели по необходимости должны были действовать под тем или иным флагом, действовать врозь, часто без общего, определенного плана.

Особенное разнообразие замечается в белорусском языке того или иного автора, а также в орфографии. Одна группа белорусских писателей, уроженцев северо-западной части Белоруссии, имела тенденцию вводить в свои произведения множество полонизмов. Эта группа печатала свои произведения латинским или польским шрифтом. Другая группа писателей применяла параллельно русский гражданский шрифт, с некоторыми его изменениями. Были еще и такие писатели, а особенно собиратели произведений народного творчества, которые печатали собранные материалы особым русским гражданским шрифтом, с прибавлением условных знаков письма, чтобы по возможности точно передать произношение народной речи. Это так называемый фонетический способ письма.

Если к этому прибавить, что язык исторических белорусских актов во многом отличается от современной народной речи, то будет понятно, какое разнообразие замечается как в языке, так равно в орфографии во всей имеющейся белорусской литературе.

Не подлежит сомнению, что писатели должны широко использовать богатую сокровищницу живого народного языка в его настоящем и прошлом. Но так как в Белоруссии почти в каждом отдельном селении замечаются значительные особенности народных говоров как в грамматическом, так и словарном отношении, то представляется чрезвычайно затруднительным, как в данном отношении установить нечто однообразное. Между тем, такое однообразие как в грамматике, так в орфографии крайне необходимо.

Особенно это необходимо в виду того, что в настоящее время открываются белорусские учебные заведения, в которых вводится преподавание белорусского языка.

Само собою разумеется, что для школьного преподавания языка необходимы учебники, образцы литературных произведений и др. книги и что эти книги должны быть однообразны, как по языку, так равно по орфографии, чтобы не вызвать путаницы в головах учащихся.

Насколько мне известно, таких книг на белорусском языке еще очень мало, а грамматики, кажется, совсем нет.

Из всего сказанного выше видно, как неотложно необходимо установить незыблемую орфографию белорусского языка, приняв во внимание его фонетические особенности.

Весь этот труд может быть выполнен научными и литературными силами вновь открывшегося Белорусского Вольно-Экономического Общества в Петрограде, которое, между прочим, в своих задачах и целях намечает культурно-просветительную деятельность по Белоруссии. Как известно, названное Общество уже приступило к открытию в Петрограде белорусских училищ низшего и среднего типа, библиотек и других просветительных и культурных учреждений.

Приветствуя такие благие начинания, вместе с тем выразим пожелание, чтобы безотлагательно приступлено было к выработке и установлению однообразной орфографии белорусского языка и к составлению его грамматики.

Принимая во внимание, что в Белорусском Вольно-Экономическом Обществе работают такие известные ученые, как академики А. А. Шахматов, С. Ф. Ольденбург и Е. Ф. Карский, профессор Жукович и др., мы смело можем надеяться, что в недалеком будущем белоруссы, подобно своим братьям великороссам, украинцам, полякам и др., полюбят свой родной язык, будут иметь богатую литературу и станут на естественный и нормальный путь национального развития.

А. Сержпутовский.

НОВЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ.

В недалеком будущем предполагается открыть в Петрограде Этнографический Отдел Русского Музея.

Открытие названного музея несколько затянулось, благодаря условиям военного времени.

Основан музей еще в 1902 году. В течение всего времени ученые специалисты совершали экскурсии к различным народностям разных местностей России и сопредельных стран, таких именно стран, которые так или иначе оказывали влияние на культуру обитающих в России народов или сами подверглись культурному влиянию этих народов и собирали этнографические и отчасти археологические коллекции для музеев.

Таким образом, кроме России, собирались этнографические коллекции в Австро-Венгрии у чехов и словаков, гуралов, угро-руссов, гуцул, лемков, бойков и восточных русинов Галиции, в Сербии и Черногории, Болгарии, Румынии, Турции, Персии, Японии и Китае. Причем, конечно, главное внимание было обращено на народы России вообще и на русские народности в частности.

В течение 15 лет собран чрезвычайно богатый и ценный в научном отношении материал по этнографии и отчасти по археологии.

По обширности и полноте материалов предположенный к открытию музей займет почетное место среди мировых учреждений этого рода и даст много новых данных, которыми обогатит этнографию.

В Этнографическом Отделе, между прочим, представлены довольно обширные коллекции и белоруссов.

С кратким перечнем этих коллекций я и хочу познакомить читателей.

Белорусские коллекции, главным образом, собраны в Минской, Могилевской и Витебской губерниях и только отчасти в Гродненской, Виленской и Черниговской. Собранные материалы представлены так, что они довольно полно характеризуют хозяйственный быт белоруссов. Часть собранных материалов, насколько позволяло помещение музея, уже выставлена в шкафах и витринах, на щитах и на рундуках. Здесь представлены чрезвычайно примитивные предметы, относящиеся к охоте и рыбной ловле. Как известно, в Белоруссии огромные пространства заняты лесами и до настоящего времени. В прежнее время эти леса почти сплошь покрывали всю обширную площадь Белоруссии. В лесах водилось множество дичи, почему охота на диких животных в прежнее время играла не последнюю роль. Точно также множество рек, речек и озер, а отчасти и болот способствовало распространению рыболовства.

Затем, представлены предметы скотоводства и примитивного пчеловодства или, вернее, бортничества. Как говорят нам летописи, еще во дни летописца Белоруссия изобиловала бортевым пчеловодством и даже платила дань медом. Вследствие обширности лугов и хороших пастбищ, скотоводство процветает здесь до наших дней.

Хорошо представлены земледельческие орудия самых примитивных форм. Эти орудия в глухих уголках Белоруссии сохранились до последнего времени и могут служить прекрасными образцами в истории развития земледельческих орудий вообще.

Следующими идут предметы народной техники. Сюда относятся предметы добывания огня и пользования им, обработка минеральных веществ, в частности—об-

работка камня и гончарство, обработка металлов, обработка растительных и животных материалов. Сюда входят предметы бочарства, ткачества и проч. Засим, представлены предметы передвижения.

Но больше всего уделено внимания одежде и украшениям. Кроме больших коллекций одежды, хранящейся в ящиках, в шкафах представлено 24 манекена мужчин и женщин, лица которых сделаны скульптором по подлинным фотографиям белорусских типов.

В витринах представлены образцы узорчатого шитья и тканей, узорчатые поеса и т. п.

Кроме того, собраны предметы верования, обрядов, игр и развлечений, представлен вертеп или кукольный театр, разные музыкальные инструменты, предметы, характеризующие народную медицину, заметки неграмотного люда, народный календарь и т. п.

Кроме подлинных предметов, имеются модели разных построек и сооружений: снято на местах множество фотографий типов, построек, средств передвижений, бытовых сцен и т. п. Многие фотографические снимки увеличены и будут представлены для обозрения широкой публики. Фотографии пополняют пробелы коллекций, представляя те предметы, которые по своей громоздкости или по иным причинам не могли быть приобретены и доставлены в музей.

После открытия Этнографического Отдела Русского Музея, широкая публика найдет в нем чрезвычайно много интересного и поучительного, с другой стороны ученые специалисты получат возможность пользоваться на месте, в Петрограде огромным этнографическим материалом не затрачивая ни времени, ни труда на экскурсии к той, или иной народности.

Шарпат.

Сообщения с мест.

НАКОНЕЦ-ТО ОСВОБОДИЛИСЬ...

(Письмо из Быховского уезда, Могил. г.).

Кошмар оккупации минул — немцы оставили Быховский уезд.

Крестьяне наших деревень избавились от военного постоя наглых и хищных «победителей». Окончились грабежи, которые немцы, не краснея, называли реквизициями. Окончилось бессовестное выматывание мужицких трудовых денег за всякого рода пропуски и разрешения. Нет больше грубых и жестоких комендантов...

Снятие оккупации избавило наш уезд не от одних лишь немцев. Одновременно с мужицких плеч свалилась и еще более тяжелая ноша.

Вслед за немцами, захватив свои пожитки, уехали, за редким исключением, все помещики и бывшие царские чиновники, взявшие было в дни оккупации бразды правления в свои цепкие руки. Как те, так и другие, пользуясь заботами о них оккупационных властей, не хуже немцев гнули мужика, как говорится, «в три дуги» и лупили с него не кожу, а рвали уже живое мясо.

В этой своре, теперь уже исчезнувшей, имелись редкие экземпляры негодяев. Обойти молчанием некоторых из них прямо-таки не позволяет совесть.

Отмечу здесь троих проходимцев, игравших при немцах роль «владык и хозяев» всего Быховского уезда.

Первый из них—Ладыжинский. Кто он? По происхождению Ладыжинский—сын бывшего царского министра внутренних дел. По своей партийной принадлежности он, в некоторых случаях, именовал себя кадетом. По общественно-служебному положению... о, здесь такое многообразие, такое смешение самых противоположных положений, что голова идет кругом...

В дни самодержавия Ладыжинский — уездный предводитель дворянства, а, следовательно, застрельщик всяческих черносотенно-патриотических начинаний и самоотверженный «слуга отечества» по части «искоренения крамолы».

Но вот произошла революция. У власти стал Керенский. Начался обильный урожай на «мартовских социалистов». Провинциальное черносотенное чиновничество стало усердно кувыркаться и перекрашивать себя в красный цвет. Кувыркнулся и Ладыжинский. Кувыркнулся, и стал Председателем Продовольственной Управы.

Свершился октябрьский переворот. Эсэро-меньшевистские учреждения пошли на смарку. Опять кувыркнулся Ладыжинский. На этот раз стал уже членом уездного Совдепа.

Началась польская оккупация. Пришли легионы. Ладыжинский кувыркнулся в обратную сторону. Заверил поляков в своем сочувствии делу воссоздания Речи Посполитой и получил назначение на пост Председателя Уездной Земской Управы.

Пришли немцы. Легионы были обезоружены и отправлены на родину. Вся власть в уезде перешла в руки немецкого командования. Еще раз кувыркнулся Ладыжинский. Новых «победителей» он заверил уже в своей преданности и симпатии к Германии. Немцы не обидели человечка — Ладыжинский получил пост «гражданского начальника уезда». Это, как видно, более всего пришлось по нраву Ладыжинского. Из бывших царских городовых и жандармов им был организован отряд «милиции». Началось искоренение в уезде «большевистской анархии». Началось выколачивание с крестьян всякого рода «налогов»... От «административных действий» бывшего «товарища Ладыжинского» волком завыл уезд...

Вдруг, совсем неожиданно, стало известно, что немцы, согласно дополнительному договору, должны оставить Быхов. А здесь еще и революция в Германии... Немцы стали торопливо собираться в путь... Ладыжинский последний раз кувыркнулся и... исчез...

Остальные два проходимца были лишь соратниками Ладыжинского и о них придется меньше говорить.

Один из них—бывший земский начальник, некто Волкович.

Этот бывший царский опричник все время состоял у Ладыжинского чем-то вроде секретаря. В дни немецкой оккупации носил титул «правителя канцелярии гражданского начальника уезда». Строчил в немецкую комендатуру доносы на горожан «неблагонадежных в смысле большевизма» и ежедневно избивал в своей канцелярии просителей.

Другой — местный обыватель Цырульник.

Это—личный друг и советчик Ладыжинского. Заведывал делом изобретения всевозможных налогов, которые потом «милиция» выбивала из мужицких тулупов нагайками. Нес обязанности кассира по части получения взяток и был организатором всей взятнической системы. Занимался, под протекторатом Ладыжинского, спекуляцией продуктами первой необходимости...

С побегом Ладыжинского, исчезли и эти два негодяя...

Будем верить, что будущая Белоруссия перестанет являться ареной хищнических авантюр всякого рода проходимцев.

Лесовик.

«БЕЛОРУССКАЯ СПРАВА» В СТАРОЙ ОККУПАЦИИ.

II.

Политический переворот в России отозвался гулким эхом по всей Литве. Наблюдавшееся ранее у н.-деков и социал-шовинистов всех народностей края ярко враждебное отношение ко всему русскому стало заметно смягчаться. «Расейская ориентация» начала находить и среди рядовых белоруссов все больше сторонников.

Чтобы создать на Литве противовес этой «опасной тенденции», немцы взяли новый курс.

Белорусские политиканы уже выполнили почетную роль немецких маяков; к тому же, состояние Германии было в то время (весной 1917 г.) таково, что о широких планах внедрения вглубь Белоруссии думать не приходилось.

И вот, после поляков и белоруссов пришел черед литовцев, с которыми немцы завели политический флирт. Повсюду сразу заговорили о близком объявлении независимости Литвы.

Германофильствующие социал - независимики, почувствовав охлаждение к ним властей, стали снова искать сближения с другими местными организациями. По их инициативе, в белорусском клу

остоялись два совещания представителей азличных социалистических партий для ыработки общей линии поведения в свяи с ожидаемыми крупными событиями. а этих совещаниях выясилась непримиимая аннексионистическая позиция лиовских социал-демократов, исключающая сякую возможность соглашения с ними. ак, они твердо настаивали на включении состав территории Литвы Гродненщины Виленщины, уверяя, что эти области аселены, именно, литовцами, лишь заывшими свой язык...

Вскоре стало известно, что в Вильпе бразовался литовский комитет, с учатием литовских с.-д., для созыва нацио-ально-литовской конференции, долженвующей представлять из себя нечто оде учредительного собрания литовского осударства. Далее выяснилось, что делеаты (исключительно литовцы) явятся на онференцию не по выборам от населения, по назначению упомянутого комитета и утверждению оккупационных властей.

В виду очевидной опасности для интеесов всего края от этой прусско-литовкой затеи, противники ее решили устроть по этому поводу митинг протеста.

Фактическими организаторами его быбелорусский громадовец Антон Луцкеч и литовский с.-д. Франц Эйдукевич оследний играл какую-то таинственную усмысленную роль: на митинге он горяпризывал к бойкоту «преступной конеренции», а вслед затем сам участвовал работах конференции и даже баллотиролся в тарибу). К участию в митинге и были приглашены все партии — соалистические, демократические и даже ржуазных сионистов. Не удостоились иглашения только «расейские» партии с.-д. и с.-р.—да вновь образовавшаяся лорусская организация «Сувязь незажнасьці і непадзельнасьці Беларуси», иентирующаяся в сторону Украины (во аве «Сувязи», выпускавшей время от емени «лістоукі» с изложением своих глядов, стоит известный белорусский тель, В. Ластоускі).

На митинге была принята резолюция, вергающая всякое участие в создаваей фикции краевого представительства требующая созыва обще-краевой конренции из выборных представителей всего населения Литвы и Белоруссии, различия национальностей и веры. а резолюция, как известно, не провела ожидавшегося действия ни на мцев, ни на литовцев (даже тех, кто м участвовал в ее выработке и провении).

В сентябре 1917 г. состоялась литовая конференция в Вильне, на которой ла выбрана «краевая рада» (тариба) 20 лиц—национал-демократов и клекалов (два места было затем уступлено циалистам). Чтобы придать тарибе вид аевого представительства, было решено едоставить 5 мест представителям друх народностей: 2—полякам, 2—евреям 1—белоруссам.

Однако, никто из перечисленных народностей не пожелал войти в тарибу.

Белоруссы, кроме того, устроили свой митинг (в ноябре 1917 года), на котором было принято решение требовать равного с литовцами представительства в краевой раде и ходатайствовать перед властями о разрешении созвать белорусскую конференцию. Ходатайство было немедленно возбуждено белорусским национальным комитетом помощи жертвам войны, в лице его председателя, все того же А. Луцкевича. Официальным мотивом ходатайства было обсуждение условий вступления в тарибу.

Немецким дипломатам, видимо, улыбалась мысль создать консервативную тарибу-раду из представителей двух основных народностей литовско-белорусского края, составляющих вместе бесспорное большинство: тогда можно было бы, в крайнем случае, обойтись и без делегатов от других, более оппозиционных национальностей. Вот почему власти, не удовлетворяя до сих пор аналогичных ходатайств еврейского и польского национальных комитетов, тотчас дали разрешение на созыв белорусской конференции. В деле организации ее созыва белорусские социал-шовинисты выявили во-всю свою подлинную физиономию. Забыли гг. Луцкевичи свои выступления против «предательской тарибы» и стали до мельчайших подробностей копировать литовских националистов.

Был создан комитет по созыву конференции, в который вошли и «социалисты», и «демократы», и откровенные н.-деки, и ксендзы, и попы. Так как православных священников-белорусов в Вильне не оказалось, то пришлось позаимствовать их у великорусской народности. Для этого «незалежники» обратились к настоятелю Знаменской церкви, свящ. Гапановичу, и С.-Духова монастыря, о. Савватию, и — верх торжества! —оба эти «отцы», бывшие недавно столпами виленского «союза русского народа», согласились вдруг «украсить» своими именами список белорусского коалиционного комитета. Для полноты картины раздобыли и посадили в комитет старого, впавшего в детство, помещика из исла кающихся польских дворян.

Эта-то «небольшая, но честная компания» и создала белорусскую конференцию— по образу и подобию литовской Делегаты с мест не выбирались, а приглашались комитетом. Разумеется, были привлечены те, кто разделял взгляды социал-незалежников, и отстранялись те, кто был против них.

В самом комитете «социалисты» и черносотенцы спелись отлично; маленький диссонанс вносили только 2—3 лица из так называемой «группы Ластовского».

Основное принципиальное разногласие заключалось в вопросе об ориентации.

Группа бр. Луцкевичей, поддерживаемая н.-деками, ксендзами и попами, определенно тянула в сторону Германии. Мотивировалась эта ориентация аргументами, якобы, экономического материализма. Вот эта аргументация: система рек в Белоруссии, являющихся, при слабом развитии железнодорожной сети, главной артерией торгово-промышленного и сельско-хозяйственного обмена, связывает Белоруссию с ее западными, а не восточными соседями. А так как весь Неман и нижнее течение Двины находятся уже на территории, занятой германцами, то... К тому же—тут белорусские незалежники повторяют дословно литовских неподлегловцев—для земледельческого белорусско-литовского края выгодно оградить себя от конкурренции аграрной России и приобрести взамен богатый рынок в индустриальной Германии. Группа же Ластовского, применяя тот же «речной» аргумент, приходит к другому выводу, так как считает главной и важнейшей краевой рекой—Днепр. Поэтому последняя группа, не настаивая на соединении Белоруссии с Литвой («раз литовцы этого не хотят»), высказывается за союз с тем государством, по территории которого проходит нижнее течение Днепра, т.-е. с Украиной.

Как видим, в обоих этих «научно-обоснованных» ориентациях все зависит от того, собственно, на какой пароход садиться: один ведет к Балтийскому, другой—к Черному морю.

В комитете победили сторонники судоходства по Двине и Неману... Подавляющим большинством была принята резолюция о том, что «беларусское грамадзянство, в далейшай свасй палитычнай ориентацыи, будзе апирацца на тую сыстему вялікіх дзержав, за которую мір умацуе палаваньне на пабережьи Балтыцкаго мора».

В настоящий момент развала германского империализма такая формулировка ориентации представляется неопределенной, но в то время, когда резолюция выносилась (январь с. г.), ее германофильский характер не мог возбуждать никакого сомнения. Эта резолюция комитета по организации белорусской конференции была бы платформой, на которой должны были фактически стоять назначаемые «делегаты». Путем такого политического подбора была создана «краевая» конференция, долженствовавшая, по замыслу ее творцов, решить судьбу всей Белоруссии! Напрасно честно мыслящее меньшинство предлагало ограничить задачи конференции национально-культурным строительством. Политиканствующее большинство стремилось придать ей самые широкие учредительские функции. Под знаком этой борьбы, в которой все преимущества были на стороне социал-черносотенного блока, прошла главная часть «положительной» работы конференции.

III.

25 января 1918 г. открыла свои занятия Белорусская конференция в Вильне.

Собралось всего около 50 человек, из

которых огромное большинство представляло различные белорусские учреждения г. Вильны. Состав, тщательно подобранный и просеянный громадовско-черносотенным блоком Комитета по организации конференции, оказался, как и следовало ожидать, послушным воле его творцов. К тому же, Комитет, в котором так отлично спелись «социалисты» Луцкевичи с ксендзом Толочко и столпом союза русского народа, свящ. Гапановичем, был представлен на конференции целиком и составлял почти половину всего числа участников.

Было ясно, что конференция примет все решения, какие ей продиктуют германофильствующие незалежники.

Тем не менее, небольшая группа оппозиции, с В. Ластовским во главе, решила дать сражение социал-черносотенному блоку по всем затронутым вопросам.

Сильными пунктами оппозиции были: непризнание за случайной конференцией из подобранных представителей небольшой части Белоруссии права решать судьбу целого края; требование, чтобы данная конференция занялась исключительно национально-культурными вопросами; непринятие немецкой ориентации и требование созыва всебелорусского с'езда депутатов как из оккупированной, так и неоккупированной части.

Слабыми же местами этой оппозиции были: крайняя расплывчатость общих воззрений в духе русских народных социалистов и скрытое несочувствие идее создания единого Белорусско-Литовского края. Последний пункт нашел бы себе психологическое оправдание в том, что группа большинства тянула в сторону Литвы, главным образом, потому, что литовская рада уже определенно высказалась (в знаменитой резолюции от 11-го декабря 1917 года) за «вечный союз» с Германией. Но в стремлении обособить Белоруссию, чувствовалась тенденция создать государственную единицу, где белорусское большинство было бы господствующей, державной народностью. А это звучало уже совсем «по-литовски»...

Вся виленская социальная и радикальная демократия отнеслась с понятным возмущением к белорусскому изданию литовской конференции. Чтобы раз'яснить участникам белорусской конференции их подлинную роль и поддержать моральный протест оппозиции против узурпации учредительных прав всего края кучкой ставленников г.г. Луцкевичей: виленские организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и Партии Социалистов-Революционеров выпустили «Открытое письмо» к участникам конференции, которое было в первый же день с'езда роздано по рукам всем делегатам. Приводим его текст:

«Аткрыты ліст да удзельнікоу беларускай конференції.

Грамадзяне!

Нямецкаму правіцельству важна, каб літвіны і беларусы выказаліся проці саюза з Расеяй. Гэтым карыстаюцца немецкіе дэлегаты на мірнай конфэрэнцыі, каб сказаць расейцам: «чаго вы клапочацеся аб вольным самоозначэньні нацый у Лигве и Беларусі? Гэты нацыі ужо выказаліся проці вас, а аб рэшці мы ужо самі з ім сталкуемся»... Але вы, Грамадзяне, напэуна ужо добра ведаеця, як немцы з намі «сталковываюцца». За два с паловай гады іх грабежніцкай гаспадаркі у нашым краю яны далі даволі усим да зразуменьня, чаго можна ждаць от прусскіх башыбузукау. Нямецкая орієнтація суліць нашему краю адну толькі руіну. Наш слабы фабрычны промысол будзе задушэн вяликай індустрыей нямецчыны. Увесь гандэль апынецца у нямецкіх руках. Увесь край абернецца у калонію для збыта нямецкіх фабрикатоу. Наше сырье пойдзе у нумжецчыну за бязцэнак, каб вернуцца выраблэным, але ужо у тры дарагы. З высокіх цен на збожжа разжывуцца толькі паны, а бедны хлебароб, у катораго мала зямлі, ды трэба збожжэ прыкупляць, будзе галадаваць с свэей сямьей. Падацца некуды: у городах заработкоу німа; прыйдецца iзноу карк гнуць на панщыне, або кінуць сваю старану. Тысячы безработных, батракоу і зруйнованых селян пацягнуцца у Прусію ды за мора і апусцее наш край. Прыедуць гакатысты, скупяць пашы землі і засэлюць нямецкім каланістамі. А у след за экономічнай няволяй, прійдзе канец і на культурна - націо-альнае жыцьце. У Усходняй Прусіі літвіны ужо тэк анямечаліся, што няхочуць пазат злучыцца с сваімі братамі з Вялікай Літвы. Гэткая же пропасць раскрыецца паміж намі и рэштай Беларусі, калі мы попадзем пад «культуру» прускіх юнкероу. Не разбівайця-жэ Беларусь на часці! Не подлавайцеся хітрасці тых, хто цягне вас бытцым за Літвой, да заправуды за Прусіей. Ня верця нямецким агентам, якіе шырацъ усію неправуду аб Расеі, напалаюць на расейскую революцыйную дэмократію, каб запужаць вас і кінуць у прусацкіе абоймы. Расейскіе соцыалісты першые прызнаюць волю народу і праклоняюцца перад ей, яны зраблілі уже гэто с Фінляндзіей і Украйнай. Але яны павіны бароцца с фалшаваньем народнай волі панамі, каторые хочуць адарваціа ат Расеі, каб захаваць свае землі, з багачамі, духавенствам і безпрынцыпными інтэлігентамі каторые строяць свой добрабыт на горы, беднасці і безправ народных масс.

Грамадзяне, беражыцеся вынасіц якіе будзь пастанауленьня за увесь народ! Надумайця: беларусоу налічецца 12 мільёноу, у межах окупації мясцца ледзьве 1 с паловай мільёны беларусоу. Якже можецъ восьмая часць пастанауляць за увесь народ? Акрамя таго, вы як чэстные грамадзяне, павінны прызнаць, што нарат за забраны немцамі край, вы ня можеця пастанауляць, бо не упаунамочаны на тэто народам.

Калі вы папраудзе любіця свой замучэвый край, калі вы жадаеця яму волі і шчасця, то трэбуйця разам з намі натых местового ачышчэньня края ад нямецкіх войск. Не барыця на сабе цяжкаго атказу перад усім народам, не паста ауляйця за яго, не старайця небазпечных фікцый, не выбірайця «Рады здраднікоу»! Доля Беларусі павинна пастанауляцца не на прыпадковай конфэрэнції, у на палавіна мертвой обстаноуцы, а толькі на дэмократычным Сэйме, свабодна выбраных усем насяленьнем края, пры братэрской помачы рэволюцыйнай дэмократы! Раса, которая видзе гэроічную барбу за правы, волю і шчасця усіх народоу. Прылучайцы-ж, Грамадзяне, ваш голос да агульнаго кліча перэдавых барцоу.

Прочь навалу заваеваце леў! Ніхай жыве вольнае самаазначэньне нацый!

Віленскія срганізацыі: Расейскай Соцыал-Демократычнай Работніцкай Парцыі и Парцыі Соцыалістоу-Революцыонероу.

Студзень, 1818 г.».

Несмотря на весьма умеренный, чисто-«громадзянский» тон «Открытого листа», расчитанного на умеренную психологию участников конференции, действие его ограничилось лишь платоническим сочувствием и одобрением с их ст роны на словах. Когда же доходило до голосования, то принимались резолюции комитетского большинства. Так, конференция одобрила приведенную нами в предыдущем № «Чырвоного Шляха» германофильскую резолюцию Организационного Комитета об ориентации в сторону держав, за которыми «мир укрепит господство на побережье Балтийского моря». Было также постановлено избрать Белорусскую Раду в составе 20-ти человек., т.-е., столько же, сколько было в литовской тарибе.

Предложение оппозиции присоединиться к общему требованию всей краевой демократии об уводе немецких оккупационных войск было, после «дипломатических» раз'яснений со стороны А. Луцкевича, принято конференцией в такой возмутительно-перелицованной форме: «Конференцыя жадае, каб Беларусся была очышчена ад **чужацких** (то значы, **рассийских и польских**) войск» (!?). Таким образом, немецкие войска, ограбившие и разорившие весь край, не были признаны «чужацкими», и их увода «незалежная» конференция **не «жадала»**. Одной этой позорной резолюции достаточно, чтобы охарактеризовать гражданское самосознание и политическую честность большинства конференции и его «идейных» вождей.

Чтобы парализовать опасное и вредное влияние подобных резолюций, оппозиция догадалась в последний (3-й) день с'езда предложить участникам вынести решение, что все постановления данной конференции приобретают силу лишь по их утверждении всебелорусским учредительным сеймом. И тут произошло непонятное чудо: ни один из присутствующих не

решился в этом пункте выступить против оппозиции, и предложение ее,—сводящее, в сущности, к нулю все практическое значение «работ» конференции,—было принято единогласно!..

Это не помешало, конечно, конференции избрать «временную» Раду, в которую вошло большинство организационного комитета с его определенной физиономией. И—что еще хуже—это не помешало также оппозиции войти в виленскую раду и нести морально-политическую ответственность за ее предательскую деятельность.. Характер этой деятельности ярко сказался в посылке в Минск, после занятия его немцами, особой депутации, в целях повлиять на тамошнюю Раду в «желательном» германофильском духе. Эта делегация, возглавленная А. Луцкевичем, до того увлекла минских незалежников описанием прелести немецкой культуры в старой оккупации, что они решили отправить известную верноподданническую телеграмму ех-кайзеру Вильгельму с просьбой о «просвещенном содействии» делу возрождения Белоруссии.

«Блестящий» успех делегатов виленской рады завершает собою цикл изолированных выступлений социал-шовинистов старой оккупации и открывает новую главу в истории белорусской справы; координацию действий незалежников старой и новой оккупации для согласованного предательства жизненных интересов трудящихся масс нашего злополучного, забитого, замученного Края.

С. Ольшевский.

В Зарубежной Белоруссии.

От редакции. По независящим от редакции обстоятельствам статья Ив. Б—ча: «Факты и впечатления»—печатанием не может быть окончена.

НЕДАВНЕЕ.

Говорить нельзя...

О своих нуждах, горе, несправедливости отношений, о праве на лучшую жизнь, как людей,—обо всем этом говорить нельзя.

— Претендовать на человечность к себе вздумали... Ах, вы... вонючие...

Обобрали. Все увезли, добытое трудом мозолистым... Нищета и голод... Милости нет...

Говорить нельзя...

...Шумит осенний лес о былинах давних.

Бредет дед.

Вязнут ноги в грязи. Мелкий дождь сыплет, как сквозь частое сито, мутью застилает даль и безмилосердно льет за шиворот.

— Такой вредный... ниточки не оставил сухой...

Тело ежится, поры его будто иглами натыканы. Поскатная сорочка под свитой стала лубком. Скопылился лапоть. Шлепает онуча по слизистой земле. Обе калошины штанов до колена в грязи. С картуза одна за одной падают на кончик носа капли дождевой воды. Капли стекают на верхнюю губу и сливаются небольшим потоком в щель неплотно сжатого рта...

Повисла голова на грудь. Шире оттопырился ворот свитки, и быстрее полились ручейки по спине.

О горькой доле старый думает:

«Лейся, лейся, дождик, сильнее лейся... мне все равно... Поласкай спину, избитую нагайкой, омой хоть ты кровянистую сорочку»...

«Эх, ты горе наше.. жизнь страдальческая»...

...В избушке холодно.

Влез на печь дед. Стонет, охает, костлявое тело отогревает. Нечего переодеть. Пар от высыхающей сорочки поднялся к потолку. Чуть-чуть согрелася спина...

Пожевать-бы чего. Подтянулся живот к ребрам, точно резиновый. В глазах мутит. Голова как свинцом налита. Тошнит.

— Старуха, посмотри, может быть, в печи и есть что-нибудь.

— Погоди, поставит дед Адам.

— Не насмехайся, старая... Душа просит... Два дня без харчи...

И опять плывут думки-мысли в лохматой голове деда:

«Батька рассказывал про крепостное право... про помещиков, значит... Секли кнутами, брили головы, дегтем поливали, потом перьем... посыпали. Водили по улицам. Кормили гнелым печеным картофелем... Вот кабы сейчас печеный картофель и соль... Да и без соли хорошо... Говорят, большевики скоро придут... Тихона Якимова сын Васька тоже большевик... Скорее бы пришли — бульбочки печеной хочется»...

... За окном моросит и млится беспрерывный дождь.

Похоже на то, будто «крёсна» кто-то расставил во всю ширь осеннего неба. Натянул на крёсна основу и вот ткет неведомо зачем грязное серое полотно. Должно быть, саван готовится на горемычную Рабу-Белорусь.

Темно... Холодно... Голодно...

Эх ты, доля, доля!..

Лохматый.

В ОККУПАЦИОННОЙ КУНСТКАМЕРЕ.

Движение масс создает вождей. Толпа выдвигает героев. И каков приход, таков и поп. Где нет массового движения, где царит покой стоячего болота, там в загоне честная идейная политика, там расплажаются лишь политиканы — беспринципные карьеристы, флюгеры, хамелеоны.

В таком, именно, печальном положении очутилась оккупированная в 1915 г. столица Белорусско-Литовского края, где—в обстановке бесправия и забитости народных масс—на политических подмостках подвизались «вожди» самого сомнительного свойства. Разоблачить их на местах или пересылать материалы в Россию не позволяли «независящие обстоятельства»; только с уничтожением военного фронта сюда стали попадать сообщения, рисующие подлинную морально-политическую физиономию этих печальных «героев безвременья».

Вот характеристика двух таких «типов» из «стаи славных»:

1. Антоний Луцкевич. Участвовал в движении 1905 г., как член «Белорусской Социалистичной Громады». Незадолго до войны сделался ярым сепаратистом; вел «дипломатические» переговоры с «Ostmarkverein'ом» (Союз восточных областей) через посредство униатского митрополита Шептицкого. В то же время редактировал газету русских прогрессистов, где решительно опровергал «провокационную ложь» о его сепаратистских тенденциях и связях с «мазепинцами».

В 1914—15 г.г. поместил ряд статей патриотического и алармистского характера. Перед приходом немцев в Вильну созвал совещание социалистических и демократических организаций для выработки мер защиты края от вероятных насилий. Как только немцы заняли Вильну, стал подписываться: А фон-Луцкевич...

В обывательском Комитете выступал против политики оккупантов. В это самое время редактировал «Гоман» — немецкую газету на белорусском языке. Газета ругательски ругала «москалей» и превозносила культуру «освободителей» края.

Когда осенью 1916 г. немцы об'явили «трудовую повинность» для всех мужчин от 14 до 45 лет, рабочие партии выпустили прокламации с протестом против грубого насилия над мирным населением; предложили и Луцкевичу, как руководителю «Громады», принять участие в общем протесте. Отказался. Прокламации вышли на всех языках, кроме белорусского.

В начале 1917 г. стал одновременно фигурировать и в качестве громадовца, и в качестве члена «Белорусской Социал-Демократической Рабочей Группы». Им была составлена и отправлена за подписью официального редактора «Гомана», члена упомянутой Группы, Я. Салевья, приветственная телеграмма Гинденбургу и Людендорфу, где эти генералы восхваляются, как лучшие и незабвенные друзья белорусского народа. После февральской революции та-же группа выпустила первомайское воззвание—первую белорусскую прокламацию. Когда на одном из междупартийных совещаний фон-Луцкевичу указали на эту противо-

речивость действий, он «оправдался» тем, что приветствие немецким генералам имеет целью «только противовес польским интригам»...

Перед созывом литовской конференции в сентябре 1917 г. устроил совместно с литовским «неподлегловцем» Ф. Эйдукевичем митинг протеста против «узурпации прав всего населения края кучкой самозванных представителей литовской нации». В январе 1918 г. созвал такую же конференцию белоруссов, приглашенных самозванным комитетом из шовинистов-ксендзов, черносотенных попов и «незалежных» интеллигентов, с Луцкевичем во главе. Конференция эта выделила из себя белорусскую раду на подобие литовской тарибы.

После заключения брестского мира стал помещать в своей газете статьи (за подписью: «Сабатажник» и т. п.), «уничтожающие» большевизм и «доказывающие» необходимость германской ориентации. Едва, однако, колесо военной фортуны перевернулось, Луцкевич отправился на поклон в **Киев**—это гнездо союзнических и контр-революционных интриг.

Переворот в Германии уже застает нашего героя в центре Советской России—Москве, где он проливает перед корреспондентами крокодиловы слезы по поводу разорения края хищниками империализма.

Не будет ничего удивительного, если этот хамелеон теперь об'явит себя ярым «коммунистом», чтобы при первой же перемене ситуации предать новое знамя и перекинуться на сторону «вильсоновой ориентации».

2. Францишек Эйдукевич. Лидер виленской организации «Lietuvię Socyal-Demokratia» («Литовской Социал-Демократии»), с'езд которой высказался в 1907 г. за автономию Литвы в пределах Российского государства. По мере приближения немецкой оккупации становился сепаратистом. После занятия Вильны германскими войсками выступил определенно за независимость Литвы, со включением Вильны, где литовцев имеется каких-нибудь 2%.

Вошел в блок с «Бундом» и разделил профессиональные союзы на две группы: еврейскую и христианскую. В качестве председателя «христианской секции» открыл и управлял рабочей столовой, в которой царил дух самодурства и... антисемитизма. Когда открывалась платная должность, доброволец-еврей изгонялся и заменялся «литовцем».

На рабочих собраниях Эйдукевич выступал против оккупационных властей; однако, был у них на лучшем счету. Служа в строительном отделении Stadtverwaltung (немецкой управы), он имел возможность принимать и увольнять рабочих по своему усмотрению. Тех, кто без оглядки поднимал руку за его предложения, он награждал легкой работой и даже зачислял прогульные дни. Кто же становился к нему в оппозицию, тот немедленно увольнялся и, в качестве безработного, рисковал попасть в немецкие принудительные «рабочие батальоны». Такое всемогущество создало ему многочисленный кадр самых послушных «товарищей».

В 1916 году на митинге, устроенном Центральным бюро профессиональных союзов в память 17 октября 1905 года, Эйдукевич чествовал это событие пространной речью на тему о... «barbarzyźmie rosyjskim» (русском варварстве)...

В мае 1917 года выпустил прокламацию, посвященную русской революции и требующую создания «самостоятельной и независимой Литовской Республики».

Когда немецкая пресса начала лицемерно восхвалять большевизм, он устроил в рабочей столовой вечер, на котором демонстрировал в волшебном фонаре портрет В. И. Ленина.

Накануне открытия пресловутой литовской конференции, созванной национал-демократами в согласии с ген. Эйхгорном, Эйдукевич, совместно с белорусским «незалежником», фон-Луцкевичем, устроил митинг, на котором выступил с пламенной речью против «предательских замыслов ксендзов» и призывал «всех честных граждан бойкотировать самозванную конференцию». На следующий же день Эйдукевич пошел на конференцию, принимал участие в дебатах и голосованиях, и даже выставил свою кандидатуру в тарибу, но при баллотировке получил меньше шаров, чем его партийные единомышленники Кайрис и Биржишка, и, благодаря этому, не попал в «парламент ксендзов».

Во время брестских переговоров созвал, вместе с Бундом, конференцию всех социалистических и демократических организаций (до буржуазных сионистов включительно), на которой была выработана (и затем выпущена) общая декларация с протестом против «узурпаторской тарибы», с требованием удаления оккупационных войск и созыва Учредительного Собрания Литвы и Белоруссии. В связи с начавшимся тогда революционным брожением в Вильне, Oberost (главное немецкое командование на востоке) предписал приостановить деятельность всех рабочих союзов—профессиональных и культурных—и арестовать, как руководителей движения, журналистов Ижбицкого и Гинсбурга и «большевика» Эйдукевича. Первый был выслан, второй перешел на нелегальное положение, за Эйдукевича же вступились члены тарибы, и он остался на свободе. В благодарность за это влиятельное заступничество, он всячески поддерживал в рабочих массах авторитет тех, кого сам называл недавно «предателями» и «узурпаторами». Возмущенные, наконец, его двусмысленным поведением, члены виленской организации литовской социал-демократии устроили в конце марта т. г. партийную конференции для выработки мер борьбы против «дезорганизующих и деморализующих элементов». На этой конференции подавляющего большинства организации (не явилась только группа литовских социал-патриотов) было решено, в виду невозможности созвать партийный с'езд для исключения из партии Эйдукевича и компании, выступить целиком из Л. С.-Д. и образовать новую — независимую социал-демократию Литвы и Белоруссии.

Одним ударом «вождь» очутился вне масс. Пару месяцев Эйдукевича не слышно стало. Вдруг он откуда-то получил деньги и литературу на русском («варварском»!) языке и стал агитировать против «неподлегловства» и за федерацию с Российской Советской Республикой!?. Разумеется независимым социал-демократам достается от него на орехи за их половинчатость и соглашательство. Таков поразительный кинематографический «ряд волшебных изменений милого лица».

Теперь, говорят, ходит в Вильне по рукам остроумная открытка, с карикатурным изображением типично-бюргерской фигурки этого сере-социалиста, флюгера и карьериста. Под «патретом»—меткая эпиграмма на польском языке:

Chcial byc ministrem litewskim, chce byc komisarzem rosyjskim. Pozostanie zas... mandarynem chynskim.

(«Хотел быть литовским министром, хочет быть русским комиссаром, будет же... китайским мандарином»).

Чужан.

ТОЖЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ» ПАРТИЯ.

В 7-8 номере нашего журнала, в статье «Что делается в Минске», мы уже упоминали о том, что на первом заседании «обновленной» черносотенно - помещичьей «Белорусской Рады» были оглашены декларации всех политических партий этого мизерного и ублюдочного «перламента». Из всех деклараций единственной, якобы, революционной была декларация белорусских эс-эров, именующих себя в стенах Рады предлиннейшим названием—«Фракцией Социалистов - Федералистов Рады Белорусской Народной Республики».

Декларацию прочитал «сам» И. Воронко.

Нами теперь добыт этот любопытный документ.

«Декларация» интересна, с одной стороны, как документ, раскрывающий перед нами линию революционно-политического поведения в Раде всех этих Воронок, Грибов, Алексюков, осмеливающихся еще до сих пор именовать себя социалистами, и, с другой стороны, она интересна как, некоторым образом, программа злополучных белорусских эс-эров, где измена интересам трудовых классов Белоруссии граничит с идеологическим убожеством и скудоумием.

Исходя из этих соображений, мы решили познакомить наших читателей с этим шедевром эсеровскаго творчества.

Приводим «декларацию» в русском переводе:

«Товарищи и господа члены Рады Белорусской Народной Республики!

Настал полуночный час для Белоруссии. Некогда славное и сильное государство, пережив тяготы освободительных войн и перенеся тяжелый гнет испытаний эпохи царских правительств бывшей Российской Империи, вверженная в кровопролитнейшую всемирную войну и пережив на своем лоне и зарю свободы, и черные дни анархии, Белоруссия приблизилась к последнему моменту эволюции, за которым должны следовать или снова многолетнее угнетение, или радостное яркое утро национального возрождения, свободы и государственного обновления.

Эпоха государственного строительства, начатая немногими, сохранившими любовь к своему народу, передовыми вождями белорусского возрождения во дни освобождения России от гнета царизма и чиновничества, пройдя тяжелый путь через все стадии великой российской революции, не нашла отклика в политике бывших российских революционных правительств и предоставила Белоруссию самое себе.

Не долго пришлось бедной стране, измученной страданиями беженства, войны, тяжелого военного постоя, и мачехиных забот, терпеть, сгибаться и падать под тяжестью испытаний, неизвестных доселе ни одной стране в мире.

Волею 1-го всебелорусского с'езда, устами исполнительного комитета Рады, этого всенародного веча, 9 марта 1918 года Белоруссия несколько веков тому назад бывшая славной народной державой со своим передовым национальным укладом жизни и языком, об'явлена Белорусской Народной Республикой. Изданная по сему великому случаю уставная грамота наметила декларативно все основные пункты белорусской конституции, которые, волею белорусского всенародного схода, ясно формулированы в постановлениях 1-го всебелорусского с'езда и его рады. Утверждая республиканский строй в пределах белорусской земли и предоставляя детальное сконструирование государственного образа правления в стране дальнейшим верховным учреждениям, Рада Белорусской Народной Республики, поставленная быть на страже интересов белорусского народа и точно выполняя все чаяния создавшего ее схода, 25-го марта 1918 года, новой уставной грамотой об'явила Белорусскую Народную Республику независимой и порвавшей все прежние узы, связывавшие ее с восточной державой,—как с властями бывшего временного правительства, так и с последней природной властью «большевиков», именуемой властью народных комиссаров.

Об'являя о независимости Белорусской Народной Республики, как о нашем единственнейшем и законном праве поставить себя вне опеки правительств, ничего общего с белорусским народом не имеющих, и готовя себя к определенным суверенным взаимоотношениям с другими народами и их правительствами, мы, фракция социалистов-федералистов Рады Белорусской Народной Республики, считаем это действие закономерным этапом для полной гарантии нашей неприкосновенности, нашего права быть равным с равными, этапом для завершения нашего государственного строительства и подготовки тех крепких свободных и достойных связей, какие Белоруссия должна совершить для обороны этой независимости. Об этом ясно и определенно говорят первые выступления белорусских организаций и все уставные грамоты, издававшиеся верховными органами Белорусской Народной Республики.

Но мы—сыны трудового белорусского народа, дети хлеборобов, и наши белорусские верховные учреждения, возглавляемые совестью народной—юной белорусской интеллигенцией, оберегая источники нашей народной власти, окруженные внутри нашей родной земли с одной стороны нашими врагами, элементами, чуждыми нам и кинутыми нам российскими правительствами и полонизированной частью верхов, мы, белорусская демократия, не в состоянии были противопоставить свою силу слова и духа силам, нас окружающим. Отвергнутые на мирной конференции в Брест-Литовске в январе 1918 года, благодаря злым наветам наших врагов, неуслышанные при установлении дополнительных статей брест-литовского договора в Вильне в августе этого же года, в эту тяжкую годину испытаний мы стали перед фактом умерщвления белорусской государственности, перед фактом раздела Белоруссии на много частей. Соседние с нами народы, как Великоруссия, Украина, Польша, Литва, Латвия, возглавляемые не народными правительствами, глухи к нашим протестам и не слышат наших требований, они со спокойной совестью, пренебрегая демократическими принципами и основами мирного сожительства народов, отнимают у нас одну область за другою, лишая нас таким образом той земли, которая насыщена кровью наших братьев, которая удобрена костьми наших дедов, которая полита потом белорусского земледельца за все века политического и национального гнета в тисках изменивших народу бояр и царской власти.

Но этого мало!

Зажатые окружающими нас нашими недругами, апологетами руссификации и полонизации, смертными врагами белорусского национального возрождения, представителями классового феодального строя, мы переживаем и внутри страны жестокие атаки не только на наше государственное строительство, но и на наши национальные довольства.

Римско - католическое духовенство, пользуясь отсутствием у белоруссов твердой власти, проводит свои старые заветные планы: через костел полонизировать край, через костел насаждать польские школы, через костел заглушать в народе национальное белорусское самосознание, через костел присоединить Белоруссию к Польше. Имея для своих услуг всегда, во все периоды порабощения белоруссов, капиталы помещичьего класса на Белоруссии, в свое время питавшегося на нашей земле, никакой пользы для Белоруссии не приносящего, — польское войско, римско-католическое духовенство готовит пышно декорированный костельными процессиями, с польскими национальными эмблемами путь для триумфального шествия на восток рады регенцийной и ее короля.

С другой стороны—остатки русского чиновничества, базируя всю свою идеологию, всю свою деятельность и все свои помыслы на «Свободе Законов Российской Империи», поддерживают вредную для Белоруссии руссификацию, проводимую всеми теми учреждениями, какие, не имея даже никакой связи с последней природной властью в краю, лелеют в своей душе идею прежнего порабощения Белоруссии централистским правительством,—будь то, в лучшем случае, правительство князя Львова, или, что еще возможнее, правительство российского императора.

Так было, так есть, но так не будет!..

Мы, фракция социалистов-федералистов Рады Белорусской Народной Республики, **согласившись на реформу Рады Белорусской Народной Республики, путем предоставления в ней мест для возможно более широкого представительства всей страны, для возможно более реального проявления политической деятельности, для возможно полного представительства всех демократических организаций края** в нынешнем нашем Белорусском Предпарламенте, базируясь на всем вышеизложенном, в оборону нашей независимости на пользу будущим федеративным связям Белоруссии с народными державами, независимость Белоруссии признающими, в основу своей нынешней работы полагаем:

а) в национальном вопросе:

1) организационную, закорнную борьбу с руссификацией и полонизацией Белоруссии;

2) насаждение бесплатной низшей и средней белорусской школы посредством преобразования в белорусские школы нынешних польских и великорусских школ, властью Белорусского правительства и учреждение высших школ на Белоруссии, как общеобразовательных, так и специально-технических;

б) в гражданском управлении:

3) передачу всей гражданской власти в крае Белорусскому Правительству;

4) постепенную белоруссизацию всех современных учреждений, какие могут быть оставлены для функционирования, а также постепенное введение в них белорусского языка, который должен быть государственным;

5) отмену всех сословий и роспуск всех сословных учреждений;

в) в земельном и экономическом вопросах:

5) безусловное, наискорейшее и ясное решение земельного вопроса, **путем уменьшения крупного землевладения для бесплатной равномерной передачи излишка земли землевладельцам-крестьянам;**

7) экономическое развитие Белоруссии посредством насаждения кооперативов во всех областях народного хозяйства;

г) в рабочем вопросе:

8) проведение в жизнь всех завоеваний рабочих и освобождение рабочего класса от господства работодателей;

д) в международном вопросе:

9) учреждение для Белоруссии своей национальной обороны для охраны порядка и защиты интересов народа и его правительства;

10) установление в Белоруссии мирной жизни и облегчение чужого военного постоя, поскольку он не будет в союзе с белорусским правительством;

11) участие белоруссов от имени Белорусского Правительства в заключении всеобщего мира на демократических основах и на принципе самоопределения народов;

12) об'единение всей Белоруссии в ее этнографических и исторических границах в одно неделимое государство;

13) перемену тех пунктов всеобщего мира, какие предлагает американский президент Вильсон, в которых усматривается право соседей желать частей Белорусской земли и заглушать голос Белорусского правительства;

14) восстановление разрушенных войною сельских и городских хозяйств и удовлетворение беженцев за счет международного фонда, согласно реальной стоимости уничтоженного имущества и независимо от принадлежности населения к той или иной национальности.

Всегда миролюбивый белорусский народ, исповедующий в своей душе чувство миролюбия к другим, освобождаясь сам от гнета и насилия, желает свободы и другим, поэтому мы будем добиваться:

15) национально-персональной автономии для всех меньшинств на Белоруссии.

Опираясь на закон 9 октября 1918 года, мы считаем необходимым также добиваться:

16) наискорейшего приготовления к созыву Белорусского Сейма, какой должен быть избран на основе всеобщего, равного, тайного, прямого и пропорционального избирательного права.

Ради достижения этих основных и первоначальных задач нашей работы, как минимума в настоящий момент, и ради выяснения тех условий, на каких Белоруссия для охраны своей независимости может совершить федерацию с тем или иным соседним народом, мы, фракция Социалистов - Федералистов, **связанные живыми узами с 1 всебелорусским с'ездом, остаемся в Раде и будем работать,** несмотря ни на какие препятствия, какие нам пошлет судьба нашего отечества, добиваясь, чтобы Белоруссия заняла равное место среди всех народов человечества, где не будет ни одного народа, могущего иметь господство над другими.

Мы призываем Раду во всех своих идеалах проявлять только свои демократические принципы, какие — и только они должны быть осью нашей политики, нашего Крестьянского Государства. Когда же лойяльность наша и призыв наш не встретит в большинстве Рады, поскольку это большинство не будет нашим, отклика и желания работать вместе с нами, мы оставляем за собою свободу действий и перед Радою и перед всем белорусским народом заявляем, что мы живем для Белорусской Народной Республики, для белорусского национального возрождения, для белорусского дела, чего мы никому не отдадим.

Демократии всех народов и других национальностей мы просим помочь нам в наших достижениях за право стать среди народов, каким революция и свобода принесла лозунг самоопределения.

Да здравствует трудовой народ Белоруссии!»

Характерно в этой «декларации» признание господ «социалистов-федералистов» в том, что они «согласились» на реформу Рады «путем,—как говорится в декларации, представления в ней мест для возможно более широкого представительства всей страны», «для возможно полного представительства всех демократических организаций края».

О каком «представительстве всей страны», о каких «всех демократических организациях края» говорят эти политические недоноски? Здравая логика говорит, что речь идет здесь о «представительствах» тех «демократических организаций», лидеры которых по новой «избирательной системе»,—а об этой «системе» мы уже говорили в прошлый раз,—попали в раду «Белорусской Республики». Иными словами, речь идет о православных братствах, о православном духовенстве, о римско-католических капитулах, о «Раде польской Земли Минской», о крупных землевладельцах, о торгово-промышленниках и о городских самоуправлениях, созданных немецкой властью путем назначений. От исто-демократических организаций ведь никто не пошел в Раду. Нечего сказать, — «представительство всей страны»...

Трудно найти подходящее название этому месту в декларации. По нашему мнению, это—политическая наглость самого низшего пошиба.

Не менее интересен пункт аграрной программы господ «федералистов». По их «социалистическому» убеждению, земельный вопрос в Белоруссии должен быть разрешен «путем уменьшения крупного землевладения для бесплатной равномерной передачи излишка земли землевладельцам крестьянам».

Такой программой, наверное, и Скирмунд остался доволен. Ведь дело касается не всей помещичьей земли, а лишь «излишков», того, что самому пану, пожалуй, не нужно.

Нет, русские кадеты в последнее время несравненно революционнее смотрели на разрешение земельного вопроса. Скоро же белорусские эс-эры забыли громкие слова о «социализации» и о «земле и воле».

Еще одно место.

Федералисты незалежной Белорусской Республики упоминают вскользь в своей декларации о «живых узах», которые якобы связывают их с 1-м всебелорусским с'ездом.

Вы бы, господа, не пачкали своим прикосновением то, что в свое время было для всякого истого революционера белорусса и дорого, и свято.

И. Б.

БЕЛОРУССКИЕ С.-Р.

(От нашего корреспондента).

Партия Белорусских Социалистов Революционеров образовалась на обломках Белорусской Социалистической Громады. Когда Ц. К. партии в Минске санкционировал соглашательство с крупной земельной буржуазией, то партия распалась. Революционно-настроенные элементы сорганизовались в новую партию—Белорусских С.-Р. Она, эта партия, имеет своих представителей в Раде Белорусской Народной Республики, которые образуют особую фракцию, известную под названием «фракции семерых». Партия ставит своею целью борьбу с засильем буржуазных элементов в Белорусском крае.

В настоящее время партия развивает усиленную деятельность по формированию партизанских отрядов из крестьянского населения в оккупированной Белоруссии. Уже сорганизовались и действуют довольно многочисленные отряды в Слуцком, Мозырском, Пинском и Новогрудском уездах Минской губ. Главной задачей их является препятствовать отходящим немецким войскам что-либо вывозить из Белоруссии. Особенно внимательно эти отряды следят за тем, чтобы немцы оставляли в руках местного крестьянства оружие и военное снаряжение.

Но организацией партизанских отрядов не исчерпывается деятельность партии. Ею развита также сильная агитация среди белорусского крестьянства в пользу образования Советов, — волостных, сельских, местечковых и уездных, разослано много агитаторов, издано несколько листовок на белорусском и на русском языках. Листовка под названием «Что делать?» («Што робіць?») инструктирует крестьян по вопросу о выборах в Советы, при чем указывается, что «выбирать имеют право все взрослые мужчины и женщины, все, кто своими мозолистыми руками трудится на земле, а также и

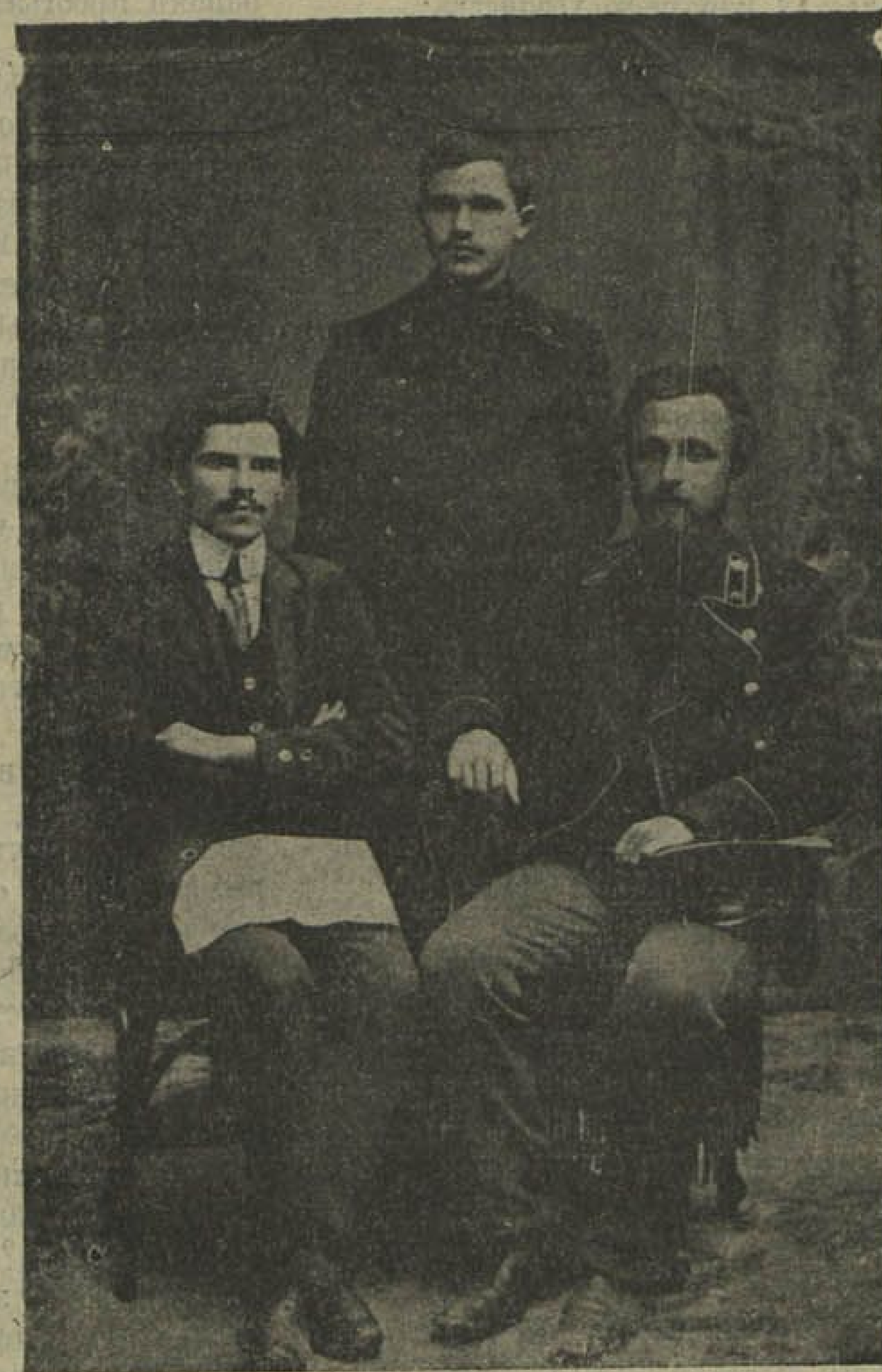
ГАЛЛЕРЕЯ БЕЛОРУССКИХ ПОЭ

дакция журнала «Чырвоны Шлях» в целях наиболее полного осведомления белорусского об времени помещать их портреты

Цишки Гартны

Современный белорусский писатель.

Группа современных белорусских писателей:
ТЕОДАР ЧЭРНЫШЕВИЧ, МАКСЫЧ ГАРЭЦКИЙ И ЛЯВОН ГМЫРИК.

земельные работники». Другая листов предостерегает белорусских крестьян выступать против большевиков и не даваться провокации помещиков и ка-талистов, т. к. наконец, настало время, гда трудовой народ, организованный в веты, должен взять всю власть на Бе-русии в свои руки. «Только такая на-дная власть сумеет дать вам то, чего веками добивались: земли, воли и астливой доли»,—как говорт листовка. нчается она возгласами: «Да здрав-вует социалистическая революция! Да равствует независимая Белорусь! Да равствует всемирная федерация!»

Среди главарей партии, в настоящее емя заметно стремление к соглашению Рос. Ком. Парт. на почве совместной актической работы над осуществлением ветского строя в Белоруссии. Основным ловием соглашения выставляется неза-висимость Белоруссии в федерации с Россией.

П. Л.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЧЕРТЕ ПЕРВОЙ ОККУПАЦИИ.

На общем собрании Белорусской Секции Российской Коммунистической партии, состоявшемся в помещении рабочего клуба «Белорусская Хатка» 3-го декабря, прибывший из зарубежной Белоруссии тов. Ярош сделал доклад о современном положении в черте старой оккупации.

Германская революция всполошила местную буржуазию, которая суетливо старается организоваться. Заправилы буржуазного лагеря все время упрашивали немецкое командование не уводить своих войск, пока они не создадут свою военную силу. Работают эти господа во-всю. Оригинальностью их действия не отличаются —все идет по избитому трафаретному шаблону. Первым делом вырабатывается соглашение с правыми социалистическими партиями и с ксендзами и помещиками; параллельно организуются белогвардейские отряды и польские легионы.

Соглашение вылилось в создание Рады, которая теперь старается перенять власть от немцев. К последнему моменту такая Рада уже сконструирована во всех деталях и заседает в г. Гродно. В Раду входят два белорусса, два великорусса, шесть евреев, шесть поляков и два литовца.

Ксендзы и попы неутомимо в костелах и церквах произносят проповеди против большевиков, рисуя последних исчадием ада и зверем из Апокалипсиса. Эта подлая, провокационная агитация местами, особенно в темных белорусских уголках, где нет рабочего элемента, имеет успех и довольно значительной. Крестьяне здесь

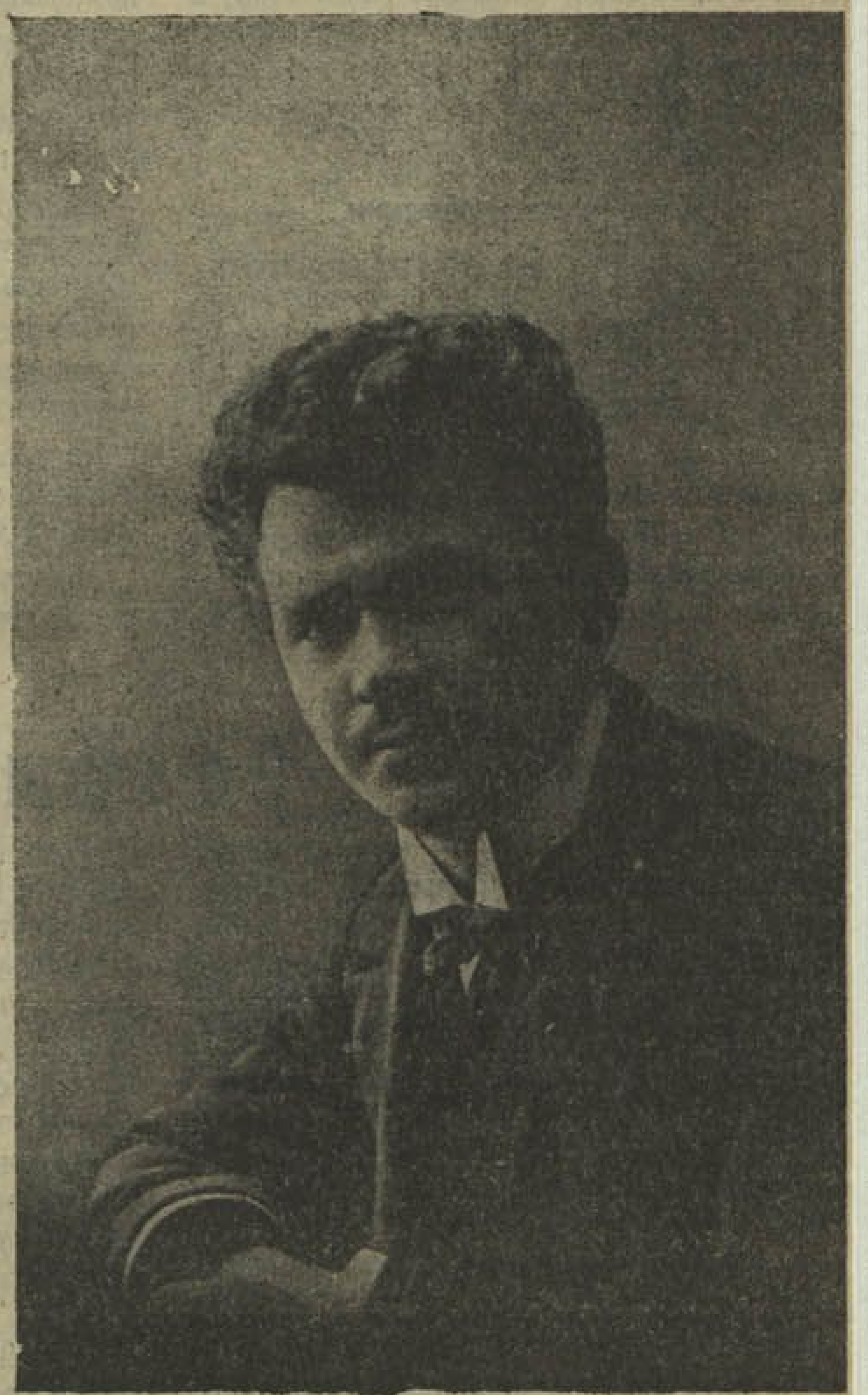
ТОВ, ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ.

щества относительно выдающихся белорусских поэтов писателей и ученых, будет время на страницах своего журнала.

Алесь Гурло.

Современный поэт.

Гальяш Левчык.

Современный белорусский писатель.

запуганы такими проповедями и боятся прихода Советской власти.

Помимо агитации на религиозной почве, против большевиков польская буржуазия организует кадры агитаторов из своей среды, которые популяризируют в широких народных массах идею присоединения Гродненской губ. к Польше. Однако, агитация эта не имеет никакого успеха. Трудовые классы Белоруссии, в своей общей массе, тяготеют к Советской России.

В черте первой оккупации уже создались ячейки Российской Коммунистической партии; последние ведут на местах усиленную организационную работу.

Одна из таких ячеек и прислала тов. Ярошa для связи с Петроградской Белорусской Секцией Российской Коммунистической партии.

Докладчик от имени ячейки, делегировавшей его, в конце своего доклада изложил просьбу о посылке, в возможно большем количестве, коммунистов-белоруссов в Гродненскую губ. Нужны именно коммунисты-белоруссы, как люди хорошо знакомые с местными условиями и бытом.

На местах имеется большой спрос и на агитационную литературу.

Белорусс.

Минская Рада левеет.

По сообщению «Минской Газеты», последнее заседание рады и совета старейшин привели консервативные части рады к убеждению в подчинении социалистическим и демократическим фракциям рады. Это полевение выразится, видимо, и в организации однородного социалистического совета народных министров Белорусской народной республики.

Законы революции неумолимы, даже по отношению к Минской раде.

Уходят.

По сообщению «Минской Газеты» 13 ноября, Секретариат Белорусской [На]родной Республики, на одном из с[воих] последних заседаний, решил подат в [от]ставку.

Формирование Белорусской Национал[ьной] Армии.

Как сообщает «Минская Газе[та»] 10 ноября, радой Белорусской наро[дной] республики принят закон о немедле[нном] формировании белорусской национал[ьной] армии, как на территории Белору[ссии], так и на территории Украины.

Положение белоруссов в Вилинщин[е] укрепляется.

«Минская Газета» от 15 ноября [сооб]щает:

«Виленская белорусская рада об'я

себя органом равноправным с литовской тарибой в районе так называемой первой оккупации или новосозданной Литвы. Такое решение виленской белорусской рады, имеющее под собою законное основание (так как виленская белорусская рада является органом, избранным на белорусской конференции в январе этого года, а литовская тариба органом назначенным) следует приветствовать. Во всяком случае, это даст возможность сговориться о единой власти в Литве».

И это после революции...

Как сообщает тоже «Минская Газета» от 15 ноября, вышедший № 1 «Дело Труда» по распоряжению цензурного отделения местной германской комендатуры, конфискован за непредставление номера на предварительный просмотр цензуры.

Судя по этому сообщению, революция в Германии не обуздала военное командование.

Немцы боятся «большевистской заразы».

«Минская Газета» от 10 ноября помещает следующее воззвание минского совдепа»:

«Товарищи, некоторые лица стремятся вызвать среди нас восстание и повредить нам, разрушив наше единство.

Ни под каким видом мы не должны допустить, чтобы мы, солдаты, забылись до того, чтобы могли думать об уничтожении, разбоях и убийстве.

Не обращайте внимания на русские прокламации, распространяемые безответственными лицами.

Следите за частными лицами, переодевающимися в германскую форму, и арестуйте их.

Товарищи, дело идет о нашей безопасности, о возможности в порядке вернуться домой к женам и детям.

Мы должны безусловно исполнять все распоряжения и приказы, исходящие от воинских учреждений в согласии с солдатским советом, в противном случае наша безопасность не может быть обеспечена и нашему возвращению на родину грозит опасность».

Минская комендатура.

Минский Совет Солдатских Депутатов».

Об'явление солдатского совета 10-й армии.

«Минская Газета» поместила следующее об'явление Солдатского Совета 10-й армии: «Товарищи, Коммунистический Комитет местных обывателей распространяет в городе, написанную на плохом немецком языке, прокламацию с намеками на события, разыгравшиеся в воскресенье, 10 ноября, на Соборной площади. Неправда то, что офицеры удалили красное знамя, наши же товарищи воспрепятствовали вмешательству населения. Мы не позволим никому вносит розь в наши ряды. Совет Солдатских Депутатов 10-й армии».

Разные сообщения.

Погромы в Польше.

«Изв. Ц. И. К.» сообщают:

В последнее время события в Польше шли ускоренным темпом. Немцефильское министерство уступило место кабинету национал-демократов, однако и последнее удержалось недолго; им на смену пришел кабинет социал-предателей, во главе с идолом всего польского мещанства—Иосифом Пилсудским. Польское «социалистическое» правительство покушаться на устои капитализма совсем не намерено.

На-днях из Варшавы получилось письмо, выдержки из которого характеризуют положение в Польше: «Десятого ноября польские революционные социал-демократы устроили митинг при стечении около 10,000 человек. После митинга было организовано шествие с красными знаменами и лозунгами социальной революции. Одновременно вышли на улицу и патриотически настроенные элементы, которые свою демонстрацию превратили в ряд хулиганских выступлений. Они бросались на германских военных и разоружали их. Затем толпа студентов, легионеров Довбор-Мусницкого и др. ударила в помещение редакции «Нашей Трибуны», где поломала, разграбила и уничтожила все. Шесть человек, присутствовавших в редакции, были арестованы полевой жандармерией польских войск. Заведующего конторой польские жандармы пытали в течение трех часов, ударяя о стену и избивая по лицу железными рукавицами; они требовали указать им фамилии лиц, посещающих редакцию. Вместе с тем, та же толпа устроила погром типографии, где печаталась «Наша Трибуна», и избила ее владельца, несмотря на то, что он не имел никакого отношения к газете и печатал наравне с социал-демократической газетой и буржуазные издания.

На следующий день, при помощи добровольцев-шпиков, было открыто партийное бюро С. Д. П. и Л., и опять произведены были аресты. Буржуазная пресса старается вовсю. Она стремится свалить все революционное движение на головы евреев и печатает списки арестованных, помещая исключительно еврейские фамилии.

Из шляхетско-польского лагеря в последнее время частенько указывают на белорусское национальное движение, как на проявление чего-то долженствующего.

Мы, белоруссы, можем с гордостью заявить: какими путями не шло бы белорусское движение, но Белоруссия никогда не будет ареной еврейских погромов—гнусный зоологический национализм нас никогда не тронет.

Среди польских рабочих.

Как сообщает «Дзенник Виленский», под влиянием развивающихся в Европе событий среди польских рабочих образовались два лагеря: народный и международный. К первому принадлежит католическо-демократическая партия, народный рабочий союз и революционная Фракция Польской Социалистической Партии. К международному лагерю примкнули с.-д. Царства Польского и Литвы и так называемая «левица» Польской Социалистической Партии. Последние две партии стремятся создать польскую коммунистическую партию.

(Ц. Инф. Б.).

Борьба со слухами.

В виду того, что за последнее время в деревнях ходят нелепые ни на чем не основанные слухи о международном положении России, Смоленский Уездный Исполком постановил собрать по всем волостям уезда общие собрания комитетов бедноты, на которых представителями уездного исполкома, должен быть освещен текущий момент.

Отмена постановления о заложниках.

В связи с постановлением 6-го с'езда Советов об амнистии, Витебский Городской Исполком отменил свое прежнее постановление об об'явлении лиц, арестованных по обложению имущего класса, заложниками.

Жизнь в Дриссе.

«Сын Республики» пишет:

«Получена телеграмма из гор. Дриссы, в которой сообщается, что военный революционный штаб прибыл туда 23 ноября ночью. В городе полный порядок. Приступлено к организации Советской власти в волостях. Старшины скрылись. Деньги и народное имущество расхищены. Белогвардейцы и их соучастники скрылись в м. Освее и Кохановичи. Почтовые аппараты похищены, провода порваны. В городе и местечках ощущается острая нужда в продовольствии, так как имевшиеся склады разграблены. Вооруженная сила имеется, но ощущается недостаток в деятельных работниках — организаторах».

Как праздновался октябрьский переворот в глухих деревенских уголках.

В «Сыне Республики» один из корреспондентов описывает, как был проведен Октябрьский праздник в Радунской волости, организованный местным Советом.

Торжество празднования открыл военный руководитель тов. Рогачев, привет-

ствовавший собравшихся от имени Советской власти.

«Вторым, — повествует корреспондент, —вышел председатель Волостного Совета Григорий Сильченко, который об'яснил значение красного знамени для трудового народа.

Третьим—заведывающий Отделом Народного Образования Ст. Д. Зенченко, об'яснивший собравшимся в своей речи историю русского народа».

«После речей,—описывает дальнейшее корреспондент,—хор певчих под руководством тов. Вязанко пропел вечную память павшим борцам за свободу. Весь зал встал на ноги... Этот же хор спел «Вы жертвою пали» и «Дружно, товарищи, в ногу».

Г.г. братья Познахирко из деревни Осиновка на струнных инструментах исполнили несколько пьес. Тов. Ст. Д. З-ко продекламировал стихотвор. «Письмо Николаю II». Снова пение под музыку братьев Познахирко. Тов. Ст. Д. З-ко исполнил монолог Апухтина «Сумасшедший». Три из дер. Рубежник пропели русские песни: «Гой ты, Волга матушка» и «Ты взойди, солнце красное». Тов. Ст. Д. З. продекламировал на малорусском языке «Кавказ», Тараса Шевченко и по белорусски «Да радной Беларуси».

Хор, под руководством тов. И. В. Живенкова пропел Марсельезу, снова музыка и снова хор под руководством тов. Ивана Рогачева пропел «Дубинушку». Первое отделение закончилось смехотворной бурсацкой «Ектенией», совершенной всеми товарищами.

Ив. Рогачев благодарил собравшихся Тов. Григорий Ив. Сильченков сказал блестящее «слово» по текущему моменту. Нечего и говорить о том, что все исполнители встречались громом аплодисментов.

Все 15 номеров были исполнены замечательно.

Всем собравшимся был предложен бесплатно чай, сахар, яблоки и хлеб.

Начавшиеся в 6 часов вечера танцы в двух залах продолжались до глубокой ночи. В малом зале тов. Иван Ефр. Овсянников открыл танцы пляской горцев».

Социалистический уголок революционной России... и одновременно с тем — «Городок Окуров» с его затхлым, мещанским бытом.

Радостно... и как-то горько, и как-то обидно....

Голос Белоруссов.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИССАРИАТА ЗА ПЕРИОД ФЕВРАЛЬ—ОКТЯБРЬ 1918 г.

Белорусский Национальный Комиссариат представил в Народный Комиссариат по делам национальностей обширный доклад о своей деятельности за период времени с февраля по октябрь месяцы текущего года.

Белорусский Национальный Комиссариат был учрежден декретом Совета Народных Комиссаров 15 февраля. Комиссариат вначале имел следующие отделы: Статистический, Культурно-Просветительный, Юридический, Беженский, Трудовой, Издательский и Военный.

Во главе Комиссариата стояла ответственная Коллегия из трех лиц и Коллегия распорядительная из Заведывающих Отделами.

В апреле эта конструкция Комиссариата получила видоизменение. Были упразднены отделы: Труда, Военный и Статистический; их места занял новый Отдел—Агитационно-Политический. В июне месяце Юрдический Отдел переименовался в Ликвидационный.

Непродолжительная деятельность этих четырех Отделов вылилась в следующем:

Военный Отдел вел пропаганду Советских идей среди солдат. Им был организован в Петрограде первый белорусский отряд Красной Армии в 50 человек. Этот отряд имел своей ближайшей задачей поступить в распоряжение Советской власти для несения караульной службы или других целей, по усмотрению руководителя вооруженной охраны Петрограда. Предполагалось также весь личный состав отряда подготовить в качестве инструкторов. Эвакуация комиссариата в Москву помешала довести это дело до конца. Сформированный отряд вошел в состав Коммунистического Отряда Петрограда, где находится и в настоящее время.

Статистический Отдел собрал значительные по об'ему данные о положении сельского хозяйства в Белоруссии в последние годы самодержавия. Кроме этого им сделаны сводки данных о количестве средних и низших учебных заведений в Белоруссии, о классовом составе населения и о состоянии отдельных видов кустарной промышленности в крае.

Окончить и привести в систематический порядок эту интересную работу не удалось вследствие упразднения отдела.

Все собранные материалы были переданы на дальнейшую обработку в статистический отдел комиссариата по делам национальностей Союза Коммун Северной Области.

Юридический Отдел, кроме своей текущей работы, был занят разработкой проектов национально-правовых норм, каковые являются насущной потребностью Белоруссии. Одновременно отдел подготовил общий план ликвидации судебных учреждений, эвакуированных из Белоруссии в различные города России.

Отдел Труда не имел возможности наладить работу в виду существования других аналогичных учреждений в обще-государственном масштабе, как, например, Биржа Труда и Комиссариат Труда. Вся его деятельность свелась исключительно к переговорам с названными учреждениями.

28 апреля Белорусский Комиссариат переехал в Москву.

В том же месяце были учреждены два Отделения Комиссариата — одно в Петрограде, другое в Витебске. Вскоре было открыто Отделение и в г. Смоленске.

После произведенной реконструкции Белорусского Национального Комиссариата, последний остался при наличии следующих отделов: Издательского, Беженского, Ликвидационного, Культурно-Просветительного и Агитационно-Издательского.

Несколько изменилось и общее управление Комиссариата. Хотя попрежнему во главе находился Управляющий делами Комиссариата, но зато Коллегия из Заведующих Отделами была заменена Белорусской Фракцией левых с.-р. при Центральном Комитете Партии. После лево-эсеровского мятежа политическое руководство перешло в ведение организовавшейся Коммунистической Секции, руководящей и по настоящее время всей деятельностью белорусского национального комиссариата.

В чем заключалась работа отдельных отделов за весь период их деятельности?

Издательский Отдел начал действовать со дня учреждения Комиссариата; его состав: заведующий отделом, редактор, сотрудник, секретарь, экспедитор и адресовщик.

Деятельность Отдела выражается в издании официального органа Белорусского Комиссариата—газеты «Дзянница», а равно и в издании оригинальных и переводных брошюр агитационного характера. Был издан также ряд научных материалов по общей истории Белоруссии, по истории революционного, религиозного и национального движений в Белоруссии. Издаются одновременно и периодические сборники произведений белорусских поэтов, беллетристов и публицистов, вышедших из крестьянской и рабочей среды.

Наибольшее внимание Отделом уделено газете «Дзянница», которая предназначена для пропаганды идей Советской власти среди белорусских трудящихся масс, как в Советской и оккупированной Белоруссии, так и в России среди беженцев. Много внимания уделяется в «Дзяннице» разоблачению провокационно-предательской деятельности «Белорусской Рады» и борьбе с распространением последней «незалежнических» идей, среди белорусских крестьян и рабочих.

«Дзянница»—еженедельная; за означенный период вышло 136 номеров газе-

ты. Количество печатаемых экземпляров «Дзянницы» равняется, в среднем, 4.000.

Кроме газеты, Отделом изданы на русском и белорусском языках следующие оригинальные и переведенные брошюры:

1. Полуботок. Восьми часовой день.
2. В. Либкнехт. Пауки и мухи.
3. Дикштейн. Кто чем живет.
4. Кий. Советская Республика.
5. Его же. Аграрный вопрос.
6. Его же. Что такое социализм.
7. Протоколы Всероссийского С'езда беженцев из Белоруссии.

Приготовлены к печати и будут вскоре изданы:

1. Советская Конституция.
2. Карпинский. Как строить Советскую власть.
3. Лаусевич Кто такие приятели народа.
4. Д. Жилунович. Кто такие большевики.
5. Е. Канчер. Из истории религиозных, национальных и социалистических движений на Белоруссии.
6. Сборник «Зажинки».
7. Сборник «Жатва».
8. История Белоруссии.

Брошюры издаются в количестве от трех до двадцати тысяч экземпляров, некоторые из них приходится переиздавать, в виду большого спроса на них. Значительное количество изданной Отделом литературы разошлось среди белоруссов, находящихся в России и в неоккупированной Белоруссии. Очищение немцами занятой части Белоруссии создает еще больший спрос на белорусскую литературу, так как главный контингент читателей ве время находится именно в оккупированной части края.

Сравнительно небольшая продуктивность Издательского Отдела Белорусского Национального Комиссариата об'ясняется недостаточностью средств., отпускаемых для него.

Работа **Беженского Отдела** выразилась в следующем:

Со дня открытия своей деятельности Отдел, учитывая необходимость распространения в беженской среде идей Советской власти, главное свое внимание обращал на агитационно-организационную работу. По всем районам гор. Москвы им устраивались митинги, целью которых было всестороннее раз'яснение значения Революции и ее задач, возлагаемых на беженцев по их возвращении на родину.

Одновременно на митингах были организованы районные Беженские Комитеты, главной целью которых было привлечение беженцев к участию в деле об'единения разрозненных масс беженцев и привлечения их к строительству социалистической Советской Республики.

Что же касается беженцев, находящихся вне Москвы, то, в интересах об'единения и агитации, были разосланы в пункты скопления беженцев инструктора-эмиссары, которые под непосредственным руководством Отдела и вели означенную работу.

В настоящее время имеются от Отдела эмиссары в следующих местах: в гор. Саратове—эмиссар и его помощник, где ими организовано несколько партийных ячеек и открыты две белорусские школы и клуб. В Тамбове эмиссаром организована довольно значительная фракция коммунистов-белоруссов, открыт клуб с библиотекой и созвано несколько уездных с'ездов беженцев. В Калуге эмиссаром, кроме общеорганизационной работы, велась также реэвакуация беженцев. Эмиссаром в означенном пункте отправлено на родину 13.000 беженцев-белоруссов.

Самое же серьезное внимание было обращено Отделом на главный пограничный пункт—Оршу, где имеется от Отдела два представителя: эмиссар и его помощник. Последние вели в довольно широких размерах политическо-организационную работу и одновременно с тем занимались переотправкой через шлагбаум беженцев эшелонами и одиночным порядком.

Деятельность Оршанского эмиссариата по реэвакуации выразилась в следующих цифрах: с июля по сентябрь переправлено эшелонами и одиночным порядком 20.192 человека, а с сентября по октябрь —22.523.

В последнее время беженским отделом отправлены эмиссары в города: Орел, Самару и Симбирск. Предполагается также послать эмиссаров в Казань и другие города, где имеются белоруссы-беженцы.

Беженский отдел, до момента организации Пленбежа Московской губернии, единолично производил всю работу по реэвакуации беженцев-белоруссов из Москвы и Московской губернии. С этой целью, в первую очередь, им было приступлено к учету всей беженской массы и, затем, к составлению групп для отправки эшелонами. По настоящее время отделом из Москвы отправлено 6453 беженца эшелонами и 2245 одиночным порядком. Кроме того, им подготовлено к отправке по 5-ти спискам 4619 человек.

Отправлено также 153 народных учителя, из'явивших согласие проводить культурную работу в оккупированной Белоруссии.

Эвакуированы в Минск минский учительский институт и ремесленная минская школа, состоящие из полного учительского персонала и учащихся.

После 1-го сентября, окончив передачу реэвакуации беженцев, находящихся в пределах Московской губернии, в Московскую Коллегию о пленных и беженцах, Отдел сосредоточил все свое внимание на иногородних беженцах, откуда, помимо связи при посредстве эмиссаров, прибывали и специальные делегаты от беженских масс.

Учитывая материальное положение беженцев, отдел, в связи с местонахождением последних, принимал и соответствующие меры: так, например, по 16 сентября им подано ходатайство в советские учреждения о немедленной реэвакуации 59.999 человек, расселенных по разным местам Советской России.

В Отделе имеются Под'отделы: Реэвакуации, Статистики и Справочно-информационный.

Реэвакуационный Под'отдел ведет техническою работою по отправке беженцев-белоруссов, а именно: выдает личные удостоверения, корректирует и переводит на немецкий язык общие списки и, санкционируя, препровождает их в Центропленбеж. Под'отдел ведет наблюдение за правильностью и точностью реэвакуации белмелкие улучшения: при отправке эшелонов, напр., своевременная подача теплушек, снабжение эшелонов медицинским персоналом и т. д.

Справочный Информационный Под'отдел занят все время выдачей всевозможных справок и следит за выполнением всех постановлений и решений, как Коллегии Комиссариата, так равно и Центропленбежем.

Статистический Под'отдел ведает научно-статистической разработкой сырого материала, скопившегося в отделе и поступающего с мест от эмиссаров; он собирает также материал о белоруссах-беженцах в Центропленбеже.

Беженским Отделом в июле месяце был созван в Москве Всероссийский С'езд беженцев-белоруссов, в котором участвовало 232 человека. С'езд прошел под Советским флагом.

Не так широко прошла работа **Ликвидационного Отдела.**

В основную задачу Отдела входили: 1) выяснение местонахождения и принятие в свое ведение всех правительственных и общественных учреждений, эвакуированных из Белоруссии; 2) окончательная ликвидация учреждений, не соответствующих современной политической жизни, и приведение в порядок и подготовка к реэвакуации на места остальных; 3) принятие мер к сохранению в целости всех эвакуированных ценностей имущественного и государственного характера и 4) принятие в свое ведение дел и имущества белорусских учреждений, ликвидированных другими органами.

Отдел, путем непосредственных запросов и публикаций, предложил всем учреждениям, эвакуированным из Белоруссии, срочно представить в Белорусский комиссариат подробные сведения о своем местонахождении, состоянии дел, о своей деятельности и проч.

В виду того, распоряжением Центральной Советской власти, ликвидация эвакуированных учреждений была возложена на местные Совдепы, отделом были посланы в последние запросы, с приложением специальных схем, для получения точных сведений о тех, эвакуированных из Белоруссии учреждениях, которые уже ликвидированы местными Совдепами, или под-

лежат ликвидации и находятся временно в их ведении.

На основании собранных таким путем сведений, отделом было взято на учет огромное количество белорусских учреждений. По губерниям эти учреждения имеют следующие деление: Витебской губернии—43; Минской—42; Виленской—118; Гродненской—307. Кроме этого количества, зарегистрировано 91 учреждение Ковенской губернии, не входящие в территорию Белоруссии.

Из числа взятых на учет учреждений значительная часть их уже ликвидирована местными Совдепами. Ликвидация, в большинстве случаев, производилась неопытными в этом деле людьми, которыми даже не были выполнены основные правила, установленные декретом.

Яркой иллюстрацией в этом отношении может служить ликвидация белорусских учреждений в г. Калуге, где их насчитывалось около 90. Ликвидация заключалась в том, что служащие этих учреждений увольнялись от должностей, сами учреждения закрывались, ценное имущество разбиралось кем попало, а дела, без всякой описи сваливались в беспорядочные кучи.

Для юридически-должной ликвидации белорусских учреждений, находящихся в городе Калуге и Калужской губернии, Ликвидационным Отделом Комиссариата назначен специальный эмиссар, который и приступил к работам совместно с представителями Литовского Комиссариата, в виду того, что чуть ли не все эти учреждения эвакуированы из Гродненской губернии.

Отделом непосредственно ликвидирована Виленская Судебная палата и Минский Окружный суд.

На очереди стоит вопрос о выяснении положения и ликвидации тех учреждений, которые находились в полосе, занятой чехо-словаками, освобожденной в настоящее время Советскими войсками.

В широких рамках протекала работа **Культурно-Просветительного Отдела.**

Основной своей задачей Отдел имел организацию дела просвещения и развития классового самосознания среди трудовых масс Белоруссии.

Отдел в начале своей деятельности имел следующий план работ: В области внешкольного образования: открытие и оборудование начальных школ, организация вечерних и воскресных занятий и курсов по специальным вопросам белоруссоведения, устройство музыкальных и литературных вечеров, открытие библиотек, народных домов, клубов для трудящихся, народных университетов, музеев, театров, передвижных выставок и т. п.

В общешкольном деле: распространение идей единой трудовой школы, доступной для всех трудящихся, ликвидация и реорганизация на новых началах старых школ, организация педагогических сил и необходимых средств.

Кроме того, Отдел имел в проекте выполнение научно-художественных задач. Сюда относятся: собирание и хранение предметов научной ценности и художественных произведений, вывезенных из Белоруссии, производство изысканий и подготовительных работ по открытию белорусских высших учебных заведений и устройства народного театра, разработка вопросов народного образования, организация консультаций, просмотр и исправление старых учебников и учебных наглядных пособий для школ всех ступеней и типов, подбор к изданию произведений белорусских народных писателей, перевод на белорусский язык и издание декретов Советской власти, касающихся народного просвещения.

Из намеченного плана выполнены следующие задания:

Составлены подробные сметы по всем видам проектируемых заданий подотдела, которые с подробной об'яснительной запиской были своевременно представлены в соответствующие Отделы Народного Комиссариата по Просвещению.

Установлена тесная связь с Культурно-Просветительными Отделами других Национальных Комиссариатов и с Комиссариатом по Народному Просвещению путем выработки общего плана разграничения компетенции различного рода учреждений и организаций в деле народного образования. Представители Отдела участвуют в Совещаниях Государственной Комиссии по Народному Образованию, сообщая отчеты об этих заседаниях Коллегии Белорусского Комиссариата.

Отделом взяты на учет белорусские культурно-просветительные организации, возникшие числом до 60 в разных местах России, и установлена с ними связь.

В целях организации в Москве артистических и научных сил из среды белорусской беженской молодежи, Отдел устраивал районные собрания белоруссов и вел переговоры с представителями белорусских студенческих землячеств.

Отдел содействовал организации белорусского хора и театра и заручился согласием научных сил принимать участие во всякого рода культурно-просветительных мероприятиях.

Отделом был организован месячный семестр народного университета, существовавший с 11 июля по 12 августа 1918 г. Слушателям университета, подавляющее большинство которых составляли учителя, были прочитаны лекции на следующие темы: 1) к вопросу о территории Белоруссии; 2) история белорусского народа; 3) антропология белоруссов; 4) этнография Белоруссии; 5) белорусский язык; 6) обзор белорусской литературы; 7) географический обзор Белоруссии; 8) экономика сельского хозяйства; 9) кооперация; 10) земледелие; 11) лесное хозяйство; 12) история образования в Белоруссии; 13) история национального и революционного движения; 14) элементы народной белорусской поэзии; 15) к вопросу о преподавании родиноведения; 16) история революционного движения.

В течение семестра совершено было несколько экскурсий.

По белоруссоведению отделом собрано значительное количество фотографических снимков достопримечательностей Белорусского края, произведена классификация их и заказаны диапозитивы.

Среди беженских масс Москвы все время ведется просветительная работа в виде собраний и бесед.

По вопросам организации школы и школьного дела в Белоруссии Отделом был устроен в Москве 3-дневный с'езд учащих, на котором получили всестороннее обсуждение доклады на следующие темы: 1) задачи Советской власти в области школьного строительства; 2) современное положение учительства и школ в Белоруссии; 3) общий план организации дела народного образования в Белоруссии; 4) доклад Культурно-Просветительного Отдела Белорусского Национального Комиссариата о его деятельности и задачах; 5) разработка плана реэвакуации учебных заведений Белоруссии в связи с их финансированием. На с'езде путем информации с мест, обрисовалась жуткая картина положения школ и учащих в оккупированной части Белоруссии и крайне тяжелое положение учебных заведений, эвакуированных вглубь России. В основной резолюции, принятой с'ездом, высказана та мысль, что белорусскому народу грозит культурное и духовное одичание, если немедленно не будут приняты меры к воссозданию на новых началах школы и не будет немедленно приступлено к реэвакуации учебных заведений эвакуированных с территории Белоруссии.

Считая особенно важным разрешение вопроса о судьбе 201 учебного заведения, эвакуированных из Белоруссии, Отдел предпринял ряд мер по собиранию сведений о них.

По вопросу о современном положении школьного дела в Белоруссии была устроена анкета. Из поступивших анкетных листов выяснилось, что большинство учебных заведений всех типов, стоит накануне полного уничтожения, что грозит Белоруссии, и без того крайне бедной культурно-просветительными средствами, неисчислимыми бедствиями. В целях предотвращения этого национального бедствия, отдел принял самое активное участие в разработке доклада и проекта декрета о сохранении и финансировании учебных заведений временно оккупированных областей, рассмотренных и принятых Государственной Комиссией по Просвещению.

Отделу удалось эвакуировать, пользуясь постановлением Государственной Комиссии по Просвещению, несколько учебных заведений, частью на места их прежнего нахождения, частью в пределы неоккупированной Белоруссии. На очереди к реэвакуации стоят: Негневическая

и Раковская ремесленные школы и Белостокское и Слонимское реальные училища.

Не мало труда Отдел положил на то, чтобы оказать материальную поддержку школе оккупированной части Белоруссии.

Отделом было обращено должное внимание на подготовку учащих для белорусских школ нового типа.

Культурно-Просветительным Отделом не оставлена мысль, при первой возможности, возобновить работу Белорусского университета в гор. Москве, где имеется достаточное количество научных белорусских сил.

Не мало труда Отдел приложил на дело создания в Москве новой школы, хотя бы для детей беженцев. С этой целью Отделом летом было устроено несколько собраний московских беженцев для выяснения потребностей в школьном обучении их детей. Кроме того, через Беженский Отдел Комиссариата было обследовано 17 московских приютов для детей беженцев, в которых оказалось до 800 душ детей-белоруссов. К сожалению, за отсутствием средств и за отсутствием необходимого кадра школьных работников, вся подготовительная работа до настоящего времени не была использована. Только с приглашением особого лица по заведыванию школьным под'отделом явилась возможность вновь поднять вопрос об устройстве в Москве школ для детей беженцев на трудовых началах.

Внимание Отдела было обращено на эвакуированное из Вильны в Москву бывшее Мариинское высшее училище, которое вошло в сеть московских школ и которое с особой отзывчивостью встретило мысль стать белорусской школой в Москве. В данное время уже найдены и исходатайствованы помещения под школу; подыскивается помещение под интернат, в котором обязательно должен быть пансион для неимущих; регистрируются дети-белоруссы, рассеянные по разным приютам, и оставшиеся вне стен школы; привлекаются научные, преподавательские и вообще интеллигентные силы, в той или иной степени связанные с Белоруссией для содействия Отделу и школе в выработке новых программ и метода преподавания.

Отдел принимает зависящие от него меры к организации подобных школ и в других пунктах Советской России, главным образом, в местах наибольшего скопления беженцев-белоруссов. (Орел, Калуга, Саратов и проч.).

В области издательства Отделом составлен список книг на белорусском языке и книг по белоруссоведению, на которые имеется значительный спрос, намечен ряд учебников, которые предполагались быть изданными к началу учебного года, и собраны сведения о способах технического выполнения, намеченного сметой, издательства.

По **Научно-художественному Под'отделу** выработан план предстоящих работ, приступлено к снабжению Отдела книгами и рукописями, разосланы письменные предложения и обращения к разным лицам и учреждениям, сделана подготовка к печатанию художественных картин, рисунков, фотографических снимков и проч., касающегося Белоруссии, для составления альбома и предприняты шаги к образованию комиссии для художественной обработки музыкально-этнографических материалов, собранных А. Гриевичем, с целью использования таковых школой и театром.

Считаясь с незначительным наличием средств и трудностью получения их, культурно-просветительным отделом на ближайшее время намечены к осуществлению следующие задания:

1) Совместно с Агитационно-Политическим Отделом открыть в Москве для трудящихся белоруссов клуб с библиотекой-читальней при нем.

2) Приступить к организации при клубе белорусского хора и театра.

3) Устроить ряд лекций, бесед для трудящихся по вопросам текущего момента, вообще и в частности, по вопросам политическо-экономического положения Белоруссии.

4) Устроить ряд белорусских литературно-музыкальных вечеров и спектаклей.

5) Перевести на белорусский язык и издать в возможно большем количестве Конституцию Р. С. Ф. Р. и распоряжения Советского Правительства в области народного образования. Решено также издать сборник лучших народных белорусских пьес и других книг, ценных и необходимых для Белоруссии.

6) Организовать при Отделе образцовую показательную библиотеку по вопросам педагогики, школьной политики вообще и национальной школы в частности.

7) Установить тесную и прочную связь с школьными работниками на местах, притом не только в пределах Советской Белоруссии, но и в зоне немецкой оккупации.

Было решено также созвать на 28-ое октября конференцию Культурно-Просветительных Отделов Белнакома, с приглашением представителей учительских об'единений всей Белоруссии.

Отдел имеет в виду по вопросам просвещения Белоруссии издавать свой печатный педагогический орган, в котором должно быть отведено видное место вопросам строительства новой белорусской школы.

Агитационно-Политический Отдел при Белорусском Комиссариате основался в июне 1918 года.

Потребность в этом Отделе вызвана была тем тяжелым положением, в котором находилась и находится в данное время Белоруссия. Ужас положения Белоруссии, заключающийся не только в разорении ее войной, оккупациями и издевательствами, творимыми кликой германских империалистов, но и в том, что прежнее революционное движение белорусских масс разменялось теперь на мелкие, бесцепные, национал-шовинистические течения.

Агитационно-Политический Отдел направил свою деятельность, с одной стороны, на борьбу с буржуазными организациями, действующими заодно с германскими империалистами, с другой стороны, на пропаганду идей Советской власти и организацию рабоче-крестьянских белорусских масс, чтобы последние в нужный момент могли оказать упорное сопротивление захватным стремлениям германских империалистов и быстро надвигающейся реакции со стороны местной буржуазии.

Имея всего лишь трех сотрудников, с ограниченными материальными средствами, которых хватало лишь на уплату жалованья сотрудникам и приобретение ограниченного количества политической литературы, Агитационно-Политическому Отделу удалось, при посредстве эмиссаров, откомандированных в места наибольшего скопления белорусских масс, провести целый ряд организованных митингов и собраний, на которых раз'яснялся текущий политический момент, и в связи с ним, необходимость поддержки Советской власти.

Несмотря на короткое существование отдела, организационная работа в настоящее время достигла значительных размеров: установлена связь с местными политическими организациями и учреждениями и организован ряд коммунистических ячеек. В различные места Белоруссии, как свободной, так и оккупированной, направлялись кадры товарищей, опытных партийных работников, для организации народных масс, укрепления в них революционного духа, а также для организации повстанческих и партизанских отрядов. В большом количестве переслана политическая литература, как в среду беженских масс, так и в оккупированную местность.

Кроме того, в целях единения и более широкого обмена мнений сотрудников-коммунистов с одной стороны, и развития политических и этических сил пролетарско-крестьянских масс в Белоруссии—с другой стороны, приступлено к организации политических кругов, как в центре, так и на местах.

В виду особо острого положения Белоруссии, создавшегося с отходом немцев, отделом ведется в спешном порядке регистрация всех существующих белорусских коммунистических сил. Проектируется и конференция белоруссов-коммунистов.

Отдел приступил также к срочной организации кадра агитаторов, для чего послал своих курсантов-белоруссов в существующую при В. Ц. И. К. школу агитаторов.

Одним из важных шагов в работе Отдела является собирание материалов агитационно-организационного характера для издания их на белорусском языке в собственном печатном органе.

В настоящее время, в связи с увеличением размера работы, количество сотрудников в Агитационно-Политическом Отделе достигает пяти человек. Работа ведется очень интенсивно и дает весьма важные и утешительные факты широкой организации масс, как на местах, так и в оккупированной местности.

В заключение следует отметить, что работа Агитационно-Политического Отдела идет в тесном контакте с деятельностью Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Центральными Организациями Коммунистов-большевиков на местах.

В ПЕТРОГРАДСКОЙ БЕЛОРУССКОЙ СЕКЦИИ КОММУНИСТОВ-БОЛЬШЕВИКОВ.

Третьего и четвертого декабря на общем собрании Петроградской Белорусской Секции комунистов и в заседании Бюро этой Секции всесторонне обсуждался вопрос о созыве в ближайшее время С'езда представителей белорусских секций Российской Коммунистической Партии.

Идея созыва такого С'езда принадлежит Московской Белорусской Секции большевиков. Исходя из этого задания Московская Секция делегировала в Петроград одного из своих наиболее верных и влиятельных деятелей, Д. Жилуновича. Последний на общем собрании и в заседании Бюро Петроградской Секции сделал по данному вопросу обстоятельный доклад, где привел все мотивы, диктующие в настоящий политический момент необходимость об'единения и координации действий всех белорусских ячеек партий большевиков-коммунистов.

Как постановление общего собрания членов Петроградской Секции коммунистов, так и решение Бюро Секции признали созыв С'езда крайне необходимым. Дело организации созыва С'езда должно принадлежать, как инициатору, Московской Секции.

При этом Петроградская Белорусская Секция коммунистов высказывает пожелания: 1) чтобы С'езд был созван в Москве, как центре политической жизни, 2) чтобы на С'езде были представители из освобожденной и еще занятой Белоруссии и 3) чтобы о С'езде было дано широкое извещение путем публикации во всей Советской прессе.

Представительство на С'езд желательно установить по следующему модусу: секция с числом членов от 5 до 10 человек посылает одного представителя; от 10 до 20 человек,—2 представителей; от 20 до 50 челов.—3; от 50 до 75 челов.—4; от 75 до 100 человек и выше—5 представителей.

О дне С'езда Московская Секция должна уведомить Петроградскую телеграфом несколькими днями раньше.

На общем собрании членов Петроградской Белорусской Секции коммунистов, состоявшемся 7-го декабря, принято решение усилить состав Коллегии ответственных работников Белорусского Отдела Комиссариата по делам национальностей Союза Коммун Северной Области командированием в последнюю двух коммунистов, членов Секции. Этих товарищей должно делегировать в Коллегию Белорусского Отдела Бюро Секции по своему выбору из числа своих членов.

Бюро Петроградской Белорусской Секции коммунистов решило совместно с Белорусским Отделом Комиссариата по делам национальностей Союза Коммун Северной Области издавать с 1-го января наступающего 1919 года еженедельную газету на русском и белорусском языках под заглавием «Советская Белоруссия». Газета предназначается для широкого круга деревенских и городских читателей Белоруссии. Строго придерживаясь во всех политическо-революционных и экономических вопросах партийной ориентации Российской Партии Коммунистов. «Советская Белоруссия» будет, главным образом, преследовать цели пропаганды и популяризации идей Советского строительства Федеративно-автономной Белоруссии. В газете будет вестись большой отдел корреспонденций, и сообщений с мест. К сотрудничеству привлекаются представители белорусских секций коммунистов, видные белорусские литераторы и революционно-общественные деятели, стоящие на Советской платформе.

Белорусс.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ ОБЩИМ СОБРАНИЕМ ЧЛЕНОВ ПЕТРОГРАДСКОЙ БЕЛОРУССКОЙ СЕКЦИИ КОММУНИСТОВ, 3-го ДЕКАБРЯ, ПО ВОПРОСУ О ЗАКРЫТИИ ВИТЕБСКИМ ГУБИСПОЛКОМОМ МЕСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИССАРИАТА.

«Общее Собрание Петроградской Белорусской Секции при Петербургском Комитете Российской Коммунистической Партии находит неправильным действие Витебского Губисполкома, выразившееся в закрытии Витебского Отделения Белорусского Национального Комиссариата без переговоров и согласия на это Белорусского Национального Комиссариата и Наркомнапа. Общее собрание видит в этом вторжение Губисполкома в дела центральной власти, которое вносит разлад и дискредитирует систематизацию революционного творчества в деле разрешения национального вопроса с Советской точки зрения. Общее собрание Секции протестует против постановления Витебского Губисполкома и настаивает на отмене последнего. Председатель Общего Собрания **Завадко.** Секретарь **Иванов».**

КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ НА БЕЛОРУССИИ.

На горизонте развития социальной революции за последнее время начали появляться тучи. Потерпевши поражение за поражением на Северном и Восточном фронтах Советской России, мировой капитал, пред лицом надвигающегося 3-го Интернационала, который стремится освободить беднейших рабочих и крестьян всего мира от буржуазного гнета и закрепощения, еще теснее об'единяясь в союз для борьбы с угрожающей ему опасностью, собирается с новой силой напасть на очаг социальной революции—Советскую Россию.

То тяжелое положение, в каком очутился белорусский пролетариат вследствие порабощения и угнетения части его (в черте оккупации), еще лишний раз подтверждает и наглядно показывает, что такое власть жандармов—слуг капитала и почему белорусский трудовой народ должен принимать участие в мировом рабоче-крестьянском движении, освобождающем от гнета палачей-эксплоататоров. Интернациональный белорусский народ, как беднейший из бедных, должен принять самое реальное участие в мировой борьбе бедняков с капиталистами. Белорусский трудовой народ должен уничтожить и у себя всех врагов, которые, скрывая ранее, кто они таковы, сейчас открыто пытаются говорить от имени белорусского трудового народа. Теперь эти предатели, все еще называя себя «защитниками белорусского народа», вступают в переговоры с представителями буржуазии и готовы совместно с ними вести мерзкую и гнусную работу, чтобы погубить рабоче-крестьянское движение, стремящееся низвергнуть власть богатых и воссоздать власть бедняков также и в Белоруссии. Рабоче-крестьянское правительство Советской России—это Правительство бедняков—в данный момент сковывает мощную интернациональную пролетарскую красную армию, которая пойдет по пути разгрома власти богатых (капиталистов).

Белорусс, тебя зовут встать и не дать себя в руки новых поработителей—англо-американо-французских капиталистов.

Знай, что сильный заокеанский капитал еще более будет тебя грабить, и из тебя, белорусс, измученного и ограбленного, сделает умирающего голодного раба.

Перед тобой непосредственно встают два пути: один—это вековое рабство, голод и холод, а другой—путь к жизни свободной и светлой, светочем которого для бедняка является Советская Россия с укрепляющимся в корне шагом к освобождению бедняков всего мира.

Белорусс! Путь последний, путь—сейчас являющийся единственным для бедняков.

Единые помыслы, единые стремления и желания бедняков всего мира взять власть в свои руки и тем раскрепостить себя и тогда улучшить свое экономическое положение, не давая больше себя грабить и эксплоатировать, жить в братском тесном союзе—создав Мировую Федерацию Советов бедняков.

Торжественный и священный гимн Интернационала есть гимн, с которым вы, пролетарии белоруссы, должны идти нога в ногу с бедняками прочих народов.

Начинается последний бой с палачами-эксплоататорами.

Пролетарий белорусс, бросай все и иди в ряды интернациональной красной социалистической армии.

Иди в дружную мощную пролетарскую рать.

Во имя великой свободы равенства и братства бедняков всего мира.

Во имя 3-го Интернационала.

Во имя Социальной революции.

Во имя светлого коммунизма.

Во имя спасения беднейшего пролетарского класса.

Ты должен встать в ряды борцов за освобождение трудящихся и, встав туда, запомнить, что «Ни кто не даст нам избавленья—ни царь, ни Бог, ни герой.

Добьемся мы освобождения своею собственной рукой».

Да здравствует всемирная социальная революция!

Да здравствуют Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов Белоруссии!

Да здравствует 3-й Интернационал и белорусский пролетариат, идущий в тесном братском единении со всемирным пролетариатом и создающий у себя Советы бедных рабочих и крестьян.

Секция белоруссов Российской Коммунистической Партии (большевиков) гор. Петрограда.

ОБРАЩЕНИЕ К БЕЛОРУССАМ.

Товарищи члены Российской К. П. (большевиков) и им сочувствующие!

В виду разрешения нашей задачи и работы по укреплению и защите революции, перед нами, Белоруссами, особенно теперь стоит целый ряд весьма важных и неотложных вопросов. Вы все хорошо знаете и с трепещущим от радости сердцем следите за каждым известием, как наши братья, несущие на своих штыках знамя Интернационала, гигантскими шагами очищают нашу бывшую, ранее темную и забитую Белоруссию, от векового и злейшего врага капитализма, от тунеядцев и поработителей всех мастей, но этого мало смотреть и радоваться на прокладывающих путь к социализму наших братьев. Нужно закрепить их работу, нужно вырвать с корнем всех прихвостней и прихлебателей капитала, нужно разрушить все старое и создавать новое.

Что для этого нужно? Нужны верные работники на местах, , чтобы получить верных работников, нужна организация. Поэтому Бюро Секции Белоруссов при Петроградском Комитете Р. К. П. обращается к вам, товарищи, вы побили рекорд всех стран по силе движения социальной революции, на вас взирает теперь весь мир, и вы не дадите организоваться контр-революционным бандам в тылу наших братьев, протягивающих руку германскому рабочему и крестьянину.

Идите же все, коммунисты белоруссы, и регистрируйтесь в своей секции, записывайтесь в сочувствующие, создавайте единую братскую семью, организуйте коммунистические белорусские ячейки на окраинах, идите в ваш центр и регистрируйтесь для посылки на политическую работу с остальными народами мира, на родных местах.

Да здравствует Советская Белоруссия в федерации с Россией!

Смерть врагам социальной революции!

Да здравствует Белорусская коммуна!

Адрес Бюро Секции: Садовая, д. 7—9, кв. 5, клуб «Белорусская Хатка».

Регистрация и запись дежурными членами Бюро принимаются ежедневно от 6—9 ч. вечера.

БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Товарищи-Белоруссы!

Освобождающаяся Белоруссия в настоящий тяжелый момент требует напряженного внимания к ее культурно-просветительным нуждам.

В течение ряда веков наш многострадальный край под гнетом несправедливости чужих историй не имел возможности разорвать путы тьмы и пойти к свету познания, равенства, братства и свободы. Но вот грянул гром Октябрьской Революции и все народы России получили возможность строить свою новую жизнь на началах культуры и прогресса.

Советская власть широко пошла навстречу всем чаяниям и нуждам отдельных народов и народностей, и нам Белоруссам открыта дверь к необходимому для всех просвещению. Теперь Белоруссия имеет возможность строить свою **Единую Трудовую Школу.** Во всех уголках разоренного края открываются Белорусские школы всех ступеней.

Товарищи-Белоруссы! Идите в них учиться, чтобы после и теперь учить других, наших братьев угнетенных и оскорбленных.

В Петербурге Белорусский Отдел Комиссариата по Национальным Делам С. К. С. О. совместно с Комиссариатом Народного Просвещения, открыл рабочую школу по Петергофскому шоссе, д. № 26, Культурно-Просветительный клуб «Белорусская хатка», Садовая, 7/9 — 21 и школу I и II ступени, проспект 25 Октября (бывш. Невский пр.), где уже обучаются свыше трехсот человек обоего пола.

Товарищи! Долг каждого из вас немедленно, не теряя ни минуты времени итти в эти школы учить и учиться. Не должно быть ни одного неграмотного белорусса.

«Нехай живе вольная и асветная Беларусь!».

Ад мрака к свету!

Белорусский Отдел Комиссариата по Национальным Делам С. К. С. О.

ОБ'ЕДИНЕНИЕ БЕЛОРУССОВ-КОММУНИСТОВ.

Очищение Белоруссии от немецких войск и восстановление в ней Советской власти настоятельно выдвинули вопрос об об'единении всех коммунистических белорусских сил. Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы этот процесс восстановления Советской Белоруссии свершился возможно безболезненно.

В сознании важности момента фракция коммунистов служащих белорусского национального комиссариата взяла на себя почин об'единения всех белоруссов-коммунистов, проживающих в Москве. Состоялось многочисленное собрание, в результате которого при пресненском районном комитете Р. К. П. образована Белорусская Секция с правом вхождения в московский комитет Р. К. П. Когда была об'явлена регистрация коммунистов-уроженцев Белоруссии, то оказалось, что в Москве их находится значительное количество, так что Белорусская Секция сразу стала крепкой и многолюдной организацией. В настоящее время Секцией выдвинут вопрос о необходимости Всероссийского С'езда белорусских коммунистов, который должен будет сказать свое слово о будущих судьбах нашей родины. Для подготовки с'езда и организации партийных ячеек в освобождаемой Белоруссии Секцией высланы многочисленные агитаторы и ответственные партийные работники.

Критико-библиографический отдел.

А. Т. ВАЗИЛЛО. РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА I-М ВСЕБЕЛОРУССКОМ С'ЕЗДЕ.

Издание Белорусского Отдела Комиссариата по делам национальностей С. К. С. О. Цена 70 коп.

То, что в свое время намеревался выполнить Белорусский Областной Комитет при Всероссийском Совете Крестьянских Депутатов, теперь выполнено Белорусским Отделом Комиссариата по делам национальностей С. К. С. О.

Речь А. Т. Вазилло, произнесенная на 1-м Всебелорусском С'езде, издана и поступила на книжный рынок.

К великому сожалению, до сих пор еще не вся читающая и политически-мыслящая Белоруссия знакома с содержанием этой интересной речи об'единившей на Всебелорусском с'езде все революционные элементы края на одном общем политическом лозунге: «Белоруссия должна быть равноправным членом в семье Российской Федеративной Республики».

По нашему мнению, всякому, кто носит имя белорусса и заинтересован в исторических судьбах нашего края, необходимо прочесть эту маленькую брошюру.

Она этого стоит.

Чтобы понять всю ценность и значение речи А. Т. Вазилло, необходимо быть знакомым с той внешней политической обстановкой, которая являлась причиной ее возникновения. Вне такого ознакомления, она, эта речь, может остаться неуясненной, а поэтому и малоубедительной.

В этом отношении большую услугу оказал читателю Е. С. Канчер, написавший к брошюре предисловие, где описывает как политическую обстановку Всебелорусского с'езда, так и выступление А. Т. Вазилло.

Приводим отдельные места этого предисловия, содержащие фактический материал.

«1-й Всебелорусский с'езд созывался Белорусским Областным Комитетом при Всероссийском Совете Крестьянских Депутатов 15 декабря 1917 г. в гор. Минске.

На этом с'езде имелось в виду выделить единую краевую местную народную власть. Этим путем достигались три цели: 1) осуществление на Белоруссии действительного национально-революционного народовластия белоруссов: крестьян и рабочих, 2) создание единой, нераздельной и неотделимой от России страны, имеющей свое юридич. лицо, 3) возрождение культурной и хозяйственной жизни белорусской страны и белорусского народа для противостояния их соседним узко-национальным, завоевательным культурам. Мероприятия эти считались тем более необходимыми, что с одной стороны мирные переговоры в Бресте не предвещали для Белоруссии ничего хорошего, а с другой, группа белорусских революционных деятелей, увлеченная мыслью о создании из Белоруссии независимого государства, подготовляла в этом направлении белорусское общественное мнение и готовилась через посредство сессии Великой Белорусской Рады и Центральной Войсковой Белорусской Рады об'явить «Независимую Белорусскую Республику».

«На с'езд, по призыву Великой Белорусской Рады и Центральной Войсковой Белорусской Рады, сторонники обоих рад стали с'езжаться еще к 8 декабря. В промежуток между 8—14 декабря прибывающие члены с'езда вливались в два течения: радистское-«незалежное» и федералистское-«областническое».

К первому течению примыкали военные и давнишние деятели на белорусской ниве, ко второму примыкали делег. из деревень—крестьяне, учителя, земские деятели. Уже в этот промежуток времени было ясно, что 1-й Всебелорусский с'езд расколется на две враждебные друг-другу части. Несмотря на просьбы и угрозы Белорусского Областного Комитета (в Петрограде), беседовавшего с Минском по прямому проводу, руководители радистского течения, учитывая возбужденное настроение военных, об'явили с'езд правомочным решать вопросы краевого значения, не дождавшись 15 декабря...

К 15 декабря федералистская группа увеличилась за счет прибывшего крестьянства. Особенно много крестьян прибыло из Могилевской и Минской губ. Крестьянство несколько расхолодило горячечный пыл незалежников. Но 17 декабря, во время прений по докладам Канчера, Мальщицкого (представителей Б. О. К.) и Воронко (представителя рады) о форме политического устройства Белоруссии, незалежники резко отделились от федералистов. Вечером, от имени землячеств, фракций политических партий и групп выступали представители с особыми заявлениями. Солдат Гриб и матрос Дулин выступили с требованием об'явления «Независимой Белорусской Республики» и окончательно раскололи с'езд на две части: правую, где сидели военные и белорусские национальные деятели, и левую, где сидели рабочие и особенно крестьяне.

Был критический момент... Правая сторона, подымаясь и подбрасывая шапки, кричала: «Ура», «Да здравствует независимая Белорусская Республика».

Левая сторона, напротив, подавленная, сидела молча, затаив дыхание, не понимая, что совершается вокруг. По адресу крестьян раздались свист, неприличные выкрики со стороны каких-то хулиганов или провокаторов. Крестьяне поднялись, чтобы покинуть с'езд».

«В это именно время потребовалось выступление оратора, который бы примирил обе стороны, убедил увлекающихся в их заблуждении, спас с'езд от распада или насильственного разгона. Таким оратором был намечен А. Т. Вазилло, который, хотя и принадлежал к группе Б. О. К., но к тому времени снискал себе симпатии как той, так и другой стороны.

А. Т. Вазилло в своей «речи» упоминает о «невольном перерыве».

Этот перерыв произошел в середине речи оратора вследствие того, что оратор впал в обморочное состояние.

Первая часть «речи» била солдат, интеллигенцию и вообще правую часть с'езда—била силою своего пафоса, чувства, высокого ораторского искусства.

Такие «речи» произносятся редко, только в исключительных случаях,—когда оратор, говоря, страдает и заставляет страдать других.

По своей форме и чувству эта часть речи была названа «исторической». Обморочное состояние оратора еще сильнее убедило собрание в той глубокой, неподдельной искренности, с которой говорил лучший сын революции и Белорусской земли...

Вторая часть «речи» началась после того, как оратор пришел в себя.

Разбитый, еле произнося слова, оратор обратился, главным образом, к крестьянству. «Речь» закончена при аплодисментах всей левой части с'езда и значительного большинства правой части».

Пока не изжито было настроение, созданное этой речью, федералисты приняли все меры идейного воздействия на вождей незалежнической ориентации.

Примирение произошло на формуле, предложенной федералистами: Белоруссия—федеративная часть Российской Республики, входящая в состав последней с правом на свое самоопределение; власть в крае должна принадлежать «Белорусскому Совету Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов».

Когда с'езд принял эту резолюцию, определившую собой политическое устроение Белоруссии, в залу ворвался отряд вооруженных солдат. С'езд был об'явлен закрытым, президиум арестовали.

Вышла кошмарная нелепица. С'езд признал и санкционировал своим постановлением принцип Советской власти и был насильническим образом разогнан «Облискомзапом», учреждением, осуществлявшим, якобы, идеи этой власти.

Трудно определить, что здесь было: провокация, роковая ошибка, политическое ли недомыслие. Это определит сама история...

Белорусс.

ЛЕОНИД В-ИК. УГОЛОК НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ.

Издание Петроградского Сов. Раб. и Красноарм. Депутатов. Цена 50 коп.

Литература о политике и действиях немецких оккупационных властей в Белоруссии за весь период ее оккупации весьма бедна.

Всякого рода печатные материалы на эту тему—статьи основного характера, отчеты, корреспонденции, мелкие сообщения информационного содержания—резко делятся на две категории.

К первой категории принадлежат все печатные произведения, изданные в черте оккупации. Все они, по цензурным соображениям, имеют сдержанный тон, трактуют об явлениях самого обыденного свойства, совершенно умалчивают об отрицательных и пагубных для края сторонах оккупации и, в действительности, неимоверно бедны фактическим материалом.

Ко второй категории относятся все сообщения и статьи, находившие место на столбцах периодической прессы Советской России. Эта литература имела противоположный недостаток. Рассматривались самые уродливые стороны оккупации. Факты в большинстве случаев крайне преувеличивались и получали пристрастное толкование.

В результате богатая и сложная действительность немецкой оккупации в Белоруссии не получила своего должного освещения в печати и осталась незафиксированной.

А жаль. Репрессивная политика в оккупированной Белоруссии империалистической Германии ждет своего историка. Мы, белоруссы, надеемся, что этот историк в свое время придет. Но, придя, он не найдет по данному вопросу обильного печатного материала.

«На безрыбьи и рак—рыба».

Некоторый вклад внесли в бедную литературу по истории оккупации в Белоруссии брошюра Леонида В-ика под заглавием «Уголок немецкой оккупации», изданная недавно Петроградским Советом Рабочих и Красноармейских Депутатов.

Содержанием брошюры является описание общественно-политической жизни города Полоцка с момента оккупации его немецкими войсками по июнь месяц текущего года.

В своем предисловии автор нашел необходимым указать на те причины, которые побудили его выпустить брошюру в свет:

«Мысль об опубликовании данных, касающихся города Полоцка за время оккупации его германцами, явилась у меня под влиянием целого ряда обстоятельств, среди которых доминирующую роль сыграло то, что относительно населения оккупированных местностей вообще и Полоцка, в частности, распространяются совершенно извращенные, подчас явно нелепые слухи, причиняющие и без того задыхающемуся в тисках неволи населению огромные моральные страдания. Сознательно, а часто, вследствие неправильной информации, бессознательно забрасываются грязью имена честных русских граждан, поносится многотысячное население, которое не в состоянии привлечь внимание страны на те ужасы, которые творятся над ними, и немецким лейтенантом, и поднявшим голову «родным» черносотенцем. С другой стороны, совершенно в тени остаются всякого рода местные воротилы «до-революционной школы»—все эти предводители дворянства, председатели союзов земельных собственников, податные инспектора, банкиры, подпольные адвокаты и прочие герои недавняго до-революционного времени».

Брошюра, по замыслу автора, таким образом преследует две цели: реабилитацию трудового населения от злостных наветов и разоблачение контр-революционных элементов—помещиков, царских чиновников и темных проходимцев—в их подлой роли соучастничества в насилиях, чинимых «победителями».

По нашему мнению, рядовое население Белоруссии ни в какой реабилитации не нуждается. Трудовые массы в черте оккупации на положении угнетенного невольника, который эксплоатировался самыми преступными способами, и все помыслы которого сводились к желанию как можно скорее сбросить иго насилий. Нам кажется, что идеология и положение трудовых классов Белоруссии за весь период ее оккупации стали общеизвестной вещью.

В ином положении находится вторая задача автора —разоблачение дельцов черносотенного лагеря. Что помещики и отдельные представители царского чиновничества на всем протяжении оккупированной Белоруссии играли преступную роль реставраторов самодержавного строя, это тоже стало ходячей и общеизвестной истиной. Но линия политического поведения этих господ, если о последней можно говорить, еще не получила своего конкретного уяснения. А ее нужно уяснить. Необходимо, путем закрепления отдельных фактов, представить политическую работу реакционных своев общества в период оккупации под углом ее классовой природы. Выводы, которые отсюда будут логически вытекать, по своему революционному значению весьма ценны.

Эта вторая задача, хотя и посредственно, но выполнена автором.

На сцену выведена и разоблачена вся местная черносотенная нечисть,—все эти Биркины, Родзевичи, Рынкевичи, Бигге—которые под крылышком немецкого лейтенанта чинили над крестьянством и городской беднотой суд и расправу.

Но самое ценное, что выполнил автор в своей брошюре, это—характеристика и довольно подробное описание немецкого хозяйничанья в Полоцке.

Здесь попадается много страниц по содержанию прямо-таки жутких.

Приводим несколько наиболее характерных мест.

Так, например, автор описывает общее положение города в первые месяцы оккупации и отношение немцев к имуществу населения:

«И забирают немцы все: мебель, посуду, картины и прочее, и прочее. А из города они вывезли мануфактуру, мыло, нитки и т. п. Взамен ничего, кроме весьма дорого стоющих папирос, не ввезли. Прекратили они и выдачу муки. Город замер, город голодает в полном смысле этого слова, т. к. тот хлеб, который удается раздобыть по сравнительно еще сносным ценам, совершенно не доступен для большинства населения. Безработица отчаянная: за отсутствием ввоза замерла совершенно и торговля».

В другом месте:

«Под квартиру для генерал-командира заново ремонтируется флигель № 1 кадетского корпуса. На ремонт его городу приходится затрачивать, по требованию немцев, десятки тысяч рублей. Повинности города растут с каждым днем, с каждым часом. Управа должна оплачивать ежедневно на сотни рублей легковых и ломовых извозчиков, которыми пользуются для своих надобностей немцы. Приходится содержать для них штат переводчиков, специальных милиционеров, доставлять бесконечное количество дров, электрическую энергию, арматуру, материалы для ремонта зданий, ими занятых, и оплачивать рабочих; для офицерского казино управа должна предоставить всевозможную посуду и обстановку; для больниц—кровати, матрацы, столы, стулья, белье и пр., и пр. И все приходится выполнять немедленно, под угрозой наложения на население контрибуции и ареста».

Еще через две страницы:

«В дальнейшем комендант потребовал описи всего имущества у каждого жителя и заявил, что на каждого члена семьи может быть оставлено по одному столу, по 1 ложке, вилке и т. д. Все «лишнее» будет, по мере надобности, забрано ими для немецких войск».

Автором выведена целая галлерея представителей оккупационной немецкой власти. Как-то не верится, что эти люди вышли из культурной среды. Жестокость, часто бесцельная и бессмысленная, наглость, жадность, какое-то дикое и варварское неуважение к человеческой личности и труду.

Особенно мерзки из них двое: какой-то лейтенант Гизе и подполковник Брейзинг.

Вот несколько строк о Гизе:

«Человек он оказался весьма «нервный». Так, его раздражало и приводило в неописуемую ярость, когда из тысячи требований, пред'явленных им к городскому самоуправлению, в течение дня приводилось в исполнение всего лишь 999. Требования были приблизительно такого характера: к такому-то часу приготовить столько-то помещений, 200 кроватей с матрацами, 50 столов, 100 стульев,

столько-то зеркал; провести электричество, доставить дрова, фураж, канцелярские принадлежности, столько-то рабочих рук и т. д.».

Это—негодяй мелкого масштаба. Второй же, подполковник Брейзинг, негодяй «во весь рост».

«Долго будут помнить полочане немецкую оккупацию, говорит автор, а с нею и наиболее яркого представителя ее, коменданта Брейзинга.

Это при нем случилась весьма загадочная история с взрывом бомбы у квартиры генерал-коменданта. Это он облагодетельствовал город наложением контрибуции в 100.000 рублей. Это он разгромил городское самоуправление и на место устраненных им гласных социалистов и женщин назначил, уже знакомых нам по истории с земским самоуправлением, господ: Бигге, Родзевича, Рынкевича, Баркана и проч. Он же взял и заложников у города. Наконец, при нем город лишился и хлебного пайка, и должен был еще, ко всему этому, пойти с «хлебом-солью» благодарить генерал-командира за безпрерывные заботы и попечения немецких властей о населении Полоцка.

Брейзинг ввел в городе буквально каторжный режим. И прав был один гласный, когда на одном из заседаний думы заявил, что для полочан тюрьма теперь не страшна, так как весь город превращен в сплошную тюрьму при карцерном режиме».

Должное внимание уделил автор той неравной борьбе, которую вело с оккупационной властью городское самоуправление. Эта борьба неустанно велась до тех пор, пока городская управа, избранная в дни революции по четырех-членной формуле, не была упразднена.

Важно признание автора о достоверности всего описанного им:

«Приводимые мною факты основаны на совершенно точных, строго проверенных данных. Многого же, из описанного мною, я лично был свидетелем».

Язык изложения тяжел и протоколен. Имеются в брошюре и другие литературные недостатки.

Но тем не менее хочется искренно сказать автору: — спасибо!

Побольше бы таких книг!

Ив. Б—ич.

Ответственный Редактор: **Редакционная Коллегия.**

Издатель: **Белорусский Отдел Комиссариата по делам национальностей Союза Коммун Северной Области.**

ИЗВЕЩЕНИЯ.

14-я Государственная типография. Социалистическая ул., д. 14.